

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской Академии Наук»

* * *

Архивная служба Республики Северная Осетия – Алания

* * *

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ГРАНИ ОСМЫСЛЕНИЯ

Материалы Международной научной конференции
13 октября 2017 года

Владикавказ 2017

ББК 63.3(2)612

Г 75

Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления.
Материалы Международной научной конференции / Под ред. докт.
ист. наук З.В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.
– 183 с.

ISBN 978-5-91480-278-0

Редакционный совет:

доктор исторических наук, директор СОИГСИ *З.В. Канукова (отв. ред.)*
доктор исторических наук, внс СОИГСИ *С.А. Айларова*
доктор исторических наук, внс СОИГСИ *И.Т. Цориева*
руководитель Архивной службы РСО-А *Е.Ш. Тебиева*
доктор исторических наук, проректор СОГУ *Б.В. Туаева*

В сборник «Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления», включены материалы Международной научной конференции, которая проходила во Владикавказе 13 октября 2017 года в память о 100-летнем юбилее Великой русской революции. Научные статьи представлены в двух разделах – «Военно-политические события и социальные процессы на Северном Кавказе и в Южной Осетии в 1917–1920-е гг.» и «Революция и Гражданская война в культуре, науке и общественной мысли Северного Кавказа». Сборник научных статей и материалов, междисциплинарный по своему характеру, предназначен для исследователей - историков, культурологов, лингвистов и языковедов, политологов и всех, кто интересуется историей революции и историческим опытом, обретенным в революционных событиях.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ISBN 978-5-91480-278-0

ББК 63.3(2)612

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник представляет материалы международной научной конференции, которая проходила во Владикавказе 13 октября 2017 года. Учредителями и организаторами конференции стали Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Архивная служба Республики Северная Осетия–Алания и Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.

Конференция собрала общественных и политических деятелей, ученых Северной и Южной Осетии, Республики Адыгея, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики, Ставропольского края, представителей учебных заведений и средств массовой информации.

В юбилейный год по всему миру проходят десятки мероприятий, посвященных памятной дате. На этом фоне в активно развивающемся общественном дискурсе одной из ключевых тем становится революция и гражданская война как потенциально возможное состояние общества, переживающего социальные противоречия и управленческие проблемы. Вновь обострилось внимание общества, политиков и ученых к истории революции, 100-летний юбилей которой актуализирует изучение исторического опыта, обретенного в этих событиях.

В странах Европы некоторые считают 1917 год точкой цивилизационного скачка человечества, другие констатируют его прямое влияние на смягчение «дикого капитализма», появление социального государства. В странах Азии, Африки, Латинской Америки справедливо говорят о том, что создание СССР дало мощный толчок распаду колониальной системы. Есть страны, которые прямо обязаны своим рождением Советскому Союзу.

Наша задача – осмысление того, что произошло со страной сто лет назад. Каждое поколение задает свои вопросы прошло-

му и дает свои оценки. Юбилей революции вызвал активный общественный дискурс, в ходе которого проявились новые «красные», новые «белые», среди молодого поколения дискуссия ведется порой без всяких правил и в основе этого лежит отсутствие знаний. Поэтому важной задачей соучредителей конференции – Архивной службы, СОИГСИ им. В.И. Абаева и СОГУ им. К.Л. Хетагурова стала популяризация результатов новых исследований, полученных во многом благодаря «архивной революции 1990-х», передача нового знания молодому поколению, широко представленному на конференции в лице студенчества.

От редакционного совета

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1917–1920-Е ГГ.

К. Р. Амбарцумян

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1917 год стал отправной точкой серьезных внутренних трансформаций внутри Российской империи. Крах монархии Романовых и неопределенность перспектив дальнейшего развития страны были вписаны в контекст первой мировой войны. Состояние внешнего конфликта и внутреннего распада спровоцировали активность северокавказских народов, которые с фактическим уходом России как политической силы из региона пытались упорядочить и организовать свою жизнь самостоятельно.

Историография революции 1917 г. и последовавших за ней событий представлена широким спектром работ, рассматривающих процессы в отдельных частях Большого Кавказа вплоть до полной советизации[5; 6; 8; 14; 15; 16; 20]. Целью данной статьи является изучение северокавказского региона как объекта внешней политики России. Именно в 1917 г. он из внутреннего дела российского государства вновь стал пространством для международного противостояния.

При оценке и анализе ситуации в пределах Северного Кавказа следует учитывать, что деконструкция старого порядка шла в двух направлениях. С одной стороны, устранение института наместничества привело к политическому отделению всего кавказского региона от России. С другой стороны, произошел разлом по линии Кавказского хребта. Северный и Южный Кавказ связь поддерживали и ощущали, но самоопределялись по-разному.

Для Северного Кавказа свержение монархии стало неожиданностью. При Временном правительстве была предпринята попытка найти замену институту наместничества, но она была робкой и в итоге неудачной. Здесь власть временно исполняли комиссары Временного правительства: М.А. Караулов в Терской области, К.Л. Бардиж – в Кубанской, Д.Д. Старлычанов – в Ставропольской губернии. В Даге-

стане для управления был сформирован Особый комиссариат. Было очевидно, что регион полностью разбалансирован. А.И. Деникин в «Очерках красной смуты», указывая на масштабы и беспрецедентность происходящего, писал: «Северный Кавказ бушевал. Падение центральной власти вызвало потрясение здесь — более серьезное, чем где бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид разноплеменное население Кавказа заволновалось» [7]. Временному правительству, попросту говоря, было не до Кавказа, это прекрасно осознавали современники. Грузинский дипломат З. Авалов в мемуарах писал: «Временное правительство едва ли имело досуг, чтобы подумать более основательно о взаимоотношениях Кавказа и России». Должность верховного комиссара так и осталась в проекте, вся система управления носила наполовину организованный вид и не имела четкого регламента работы [1, с. 7].

Северокавказской интеллигенции пришлось в экстремальных условиях поднимать вопрос о создании собственного национально-государственного образования. 1 мая 1917 г. открылся I Съезд горцев Кавказа. Если оценивать работу съезда в целом, то декларировалась поддержка Временному правительству и звучали надежды на федерализацию бывшей Российской империи, в которой свое место на новых условиях заняли бы местные народы. По мере нарастания политического хаоса в стране цели Союза горцев изменились: от поддержки Временного правительства и создания национально-территориальной автономии до полного отмежевания от Советской России. Ослабление и разрушение российского центра, который консолидировал жесткостью своей политики край, рождало ощущение свободы и опасение внутренних усобиц одновременно.

Стихийно возникшее государственное строительство приобрело дополнительный импульс после принятия «Декларации прав народов России», провозгласившей право на полное самоопределение. После большевистского переворота Союз горцев не признал установившуюся советскую власть, что означало окончательную смену ориентиров. В марте 1918 г. министром иностранных дел Горского правительства стал кумык Гайдар Бамматов. Новообразованное и непризнанное государство уведомило Константинополь, Вену, Берлин, Софию о своем существовании. В регионе стало усиливаться и без того серьезное турецкое влияние. Турция активно пошла на диалог с Союзом горцев, умело пользуясь моментом.

Большое значение в практической реализации северокавказского вектора турецкой политики играла северокавказская диаспора. Её представители становились экспертами в дипломатической и военной сферах. К диаспоре относился Юсуф-Изет-Паша – черкес по происхождению, главнокомандующий армией республики Союза горцев [22 с. 67–68]. Потомки черкесов в Турции занимали высокие посты и поэтому часто выступали лоббистами северокавказских интересов. Были и другие представители, которые не порывали связей с Северным Кавказом, например, осетин Бекир Сами-бей – сын генерала Муссы Кундухова. В дальнейшем Бекир-Сами некоторое время возглавлял министерство иностранных дел кемалистского правительства.

В 1920 г. на Северный Кавказ был направлен турецкий эмиссар Мустафа Бутбай. В своем сочинении «Воспоминания о Кавказе» он пишет о том, что стремительно слабеющая и теряющая территории Турция стремилась реализовать свои исторические амбиции и взять реванш именно на Кавказе. Таким образом, она хотя бы как-то компенсировала потери на Востоке. В Северной части региона предполагалось создание мусульманского буферного государства, отделяющего Турцию от большевистской России. Причины, называемые автором дневника для вмешательства в дела Северного Кавказа, во многом продиктованы пониманием турецкими властями того, что другого такого момента для вмешательства не будет [17, с. 5–6].

Отсутствие опыта собственной государственности и разобщенность кавказских обществ вынуждали искать опору в лице более или менее значимого мирового игрока. Синхронно на стадии завершения переговоров в Брест-Литовске открылась Трапезундская конференция (1 марта 1918 г.). Главными участниками диалога были в первую очередь турецкая и закавказская делегации. Однако для Союза горцев это был первый опыт самостоятельного выхода на международный уровень. В состав делегации вошли Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, Мухаммад-Кади Дибиров и Гайдар Бамматов. Они представили свой проект Кавказской федерации, таким образом, демонстрируя приверженность идее целостности Кавказа [2]. Реализм горских политических лидеров проявился в понимании относительности идеи независимости Северного Кавказа, поэтому Г. Бамматов говорил о географической, стратегической и экономической целесообразности всекавказского единства.

После конференции северокавказская делегация направилась в Стамбул, а уже из Стамбула выехала на Бутумскую конференцию, причем, вместе с турецкими представителями. Это обстоятельство озна-

чало и особый статус, и наличие договоренностей. Главнокомандующий Кавказским фронтом Турецкой армии Вехиб-Махмуд-паша в телеграмме, адресованной председателю Закавказского правительства о признании турецким правительством независимости Закавказской республики и объявлении горскими народами о своей независимости, сообщал, что Северный Кавказ уже ратифицировал свою независимость перед имперским правительством [11, с. 38].

Батумская конференция, начавшая свою работу в мае 1918 г., проходила в расширенном составе за счет германского представителя генерал-майора Отто фон Лоссова. Германия стремилась перенаправить активность Турции с Кавказа против англичан в Иране и возразила против ее экспансионистских планов.

Советскую Россию, безусловно, задевали и не устраивали независимые контакты Горского правительства с Турцией, его попытки позиционировать себя как самостоятельную политическую силу. Ни в Трапезунде, ни в Батуме советских представителей не было, да и их участие не предполагалось. На данном этапе реакция России проявлялась в нотной переписке. В ноте, адресованной турецкому посланнику Халиб Кемалю, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин резко возразил против самостоятельности северокавказских представителей, подчеркнув отсутствие у них поддержки со стороны местного населения. В протоколах заседаний Совета Терской области выражался протест против участия Северного Кавказа в отделении Закавказья от России [18]. Большевики не могли упустить регион и старались вернуть его в орбиту своего влияния. Совет Терской области, включавший чеченцев, кабардинцев, осетин, ингушей и казаков, постановил, что Совет никого не делегировал, поэтому договоренности Горского правительства не могут считаться законными.

Советская власть в диалоге всячески пыталась развить тему отсутствия поддержки у Г. Бамматова и Т. Чермоева [12]. Пропаганда внутри страны старалась муссировать проблемы национального, религиозного шовинизма, социального расслоения. Вопрос турецкого влияния не поднимали, что было вполне логичным [13]. Горское правительство апеллировало к праву на самоопределение в Декларации прав народов России. В свете Брестского договора и с узаконением возможности народов отделяться большевики не настаивали на турецком факторе.

Также категорично не принимал Союз горцев А.И. Деникин – сторонник единой и неделимой России. Он, также как и большевики, настаивал на том, что Горское правительство непопулярно среди се-

верокавказских народов, что они разобщены, и данный орган единства никак не гарантирует. По мнению А.И. Деникина единственным основанием существования Союза горцев стали финансовые вливания чеченского нефтепромышленника Тапы Чермоева. Он и Гайдар Бамматов призывали «варягов последовательно в лице турок, немцев, англичан, грузин», а в это время Северный Кавказ жил своей жизнью [7]. На отсутствие поддержки у горского правительства и турецких представителей со стороны населения в своих воспоминаниях указывает революционер и советский государственный деятель Алибек Тахо-Годи. Часть турецких сил была выделена для оформления Горской республики. Однако отношения горцев и Турции были не столь уж однозначными. Методы командования турецких офицеров часто встречали сопротивление местного населения. А. Тахо-Годи фиксирует в своих мемуарах конфликтность, когда для турецкого офицера на первом плане стояло выполнение приказа, а для солдата из горцев осознание собственного достоинства [24, с. 131].

Серьезной политической силой на Северном Кавказе было мусульманское духовенство, которое заявило о создании имамата в Чечне и Дагестане. Нажмудин Гоцинский, возглавивший движение шариатистов был избран имамом Северного Кавказа. Данное событие произошло при участии турецких эмиссаров. Усиление религиозной идентичности сглаживало разногласия между разными этническими группами горцев, спланивало с Закавказскими мусульманами. Одновременно стремление установить «шариатский строй» [19, с. 236] отдаляло Кавказ от России и снижало влияние без того слабого её правового поля. Насколько это определяло протурецкие настроения однозначно судить не стоит. Что касается турецкого влияния на самого Н. Гоцинского и его отношения к их присутствию, оно было неоднозначным. Интересное свидетельство в этом отношении представляют собой воспоминания полковника Магомеда Джафарова. Он подчеркивает декоративный туркофильский настрой Гоцинского, который читал турецкие газеты, но при этом подчиняться султану не хотел. Для него предпочтительнее было самостоятельное правление [23]. Не принял турок, согласно утверждению современников, избранный в январе 1918 г. Шейх-ульм-Исламом Дагестана Али-Хаджи, так как видел в них угрозу шариату еще большую, чем от казаков [24, с. 133]. Реальный приход турецких частей не оправдал ожидания обоих религиозных лидеров.

1918 г. стал переломным. В России происходило становление новой власти, в Турции начался слом старой. В октябре 1918 г. Осман-

ская империя подписала Мудросское перемирие со странами Антанты и таким образом вышла из мировой войны. Осенью состоялся последний съезд партии «Единение и прогресс», а лидеры младотурков эмигрировали в Германию. Таким образом, кризис турецкой государственности привел к снижению активности на Северном Кавказе.

С выходом России из первой мировой войны попытки укрепиться в регионе стала предпринимать Великобритания. По условиям Мудросского договора Турция открывала проливы и свободный доступ к Черному морю. На Кавказе войска союзников сменили турецкий контингент. 22 декабря 1918 г. генерал-майор Форетье-Уоккер во главе 27-й дивизии прибыл в Батум. За короткий период времени британская администрация и военный контингент заняли Грузию, Армению, и был налажен контакт с английскими войсками в Баку. В декабре 1918 генерал Томсон обратился к народам Северного Кавказа с антигерманским и антибольшевистским воззванием [3].

В январе 1919 г. был оккупирован Петровск (Махачкала). Территория южнее Петровска оккупировалась по ряду оснований. Во-первых, об этом просили Закавказские республики, стремившиеся отгородиться от сил Деникина. Во-вторых, между Петровском и Дербентом располагался нефтеносный район, где у станций Каякент и Берикей до войны функционировали английские компании «Нобель», «Мак Гарвей» и т.д. [24] Кроме всего прочего, Петровск был важен как вспомогательная база для Королевского морского флота.

В Дагестане политического единства не было. Одни поддерживали большевиков, другие были готовы подчиниться тому, кто окажется сильнее, третьи выступали за присоединение Горской республики к Азербайджану. Добровольческие силы стремительно продвигались к Тереку и Дагестану. Прежние ставки Горского правительства на Германию и Турцию в решении вопроса о независимости оказались неоправданными. Немецкое руководство гарантировало невмешательство в северокавказские дела большевикам [21, с. 88]. Англичане были ещё одной спасительной силой для Союза горцев [9].

В вопросах государственного строительства у британской миссии полномочия были ограничены. Генерал В.М. Томсон открыто заявил, что окончательно проблема независимости Союза горцев может быть решена только на совместной конференции союзников. Не вникая в тонкости местной жизни и не понимая масштаба локального многообразия, он предлагал временно всем северокавказским народам объединиться и создать коалиционное правительство. В.М. Томсон смотрел на регион исходя из интересов британской геополитики, пределы

которой простирались далеко за границы Кавказа, поэтому все противоречия между кавказскими народами оценивались им как мелкие распри. В общении с местными элитами он активно упирал на то, что турки и немцы принесли с собой тяготы и беды, а британские войска пришли с целью помощи в их преодолении [25, с. 108].

По меткому выражению путешествовавшего в этот период по Кавказу английского журналиста Карла Бехгофера, «слишком много поваров испортили бульон» – из Горской Республики не получилось ни буферного государства, ни плацдарма для панисламистов [26, с. 306]. Англичане зачастую вели себя высокомерно, использовали угрожающую риторику в общении с горцами, чем отталкивали от себя население. Представителем английской миссии при генерале Деникине был полковник Роландсон, он же являлся представителем английского командования при Союзе горцев. Авторитетность данного английского офицера подчеркивается званием Главнокомандующего всеми горскими вооруженными силами [24, с. 126]. В октябре 1919 г. Роландсон выступил с обращением, где опрометчиво заявил, что горские территории англичане оккупируют с санкции Добровольческой армии и в случае неповиновения и оказания помощи большевикам применят силу [4, л. 7].

Союзный Меджлис вынужден был направить письмо к Верховному Комиссару Оливеру Уордропу в Тифлис и выразить все недовольство агрессией Роландсона. Наивно просили довести «до Правительства Его Британского Величества в Лондоне о чувстве глубокого негодования горских народов по поводу совершенно недопустимого воззвания полковника Роландсона к населению Северо-Кавказской Республики» [4, л. 9]. В попытке управления регионом британцы использовали колониальные методы командования и соответствующую риторику. На практике данный подход оказался контрпродуктивным. Они умели видеть и ценить отдельных людей, как, например, в случае с полковником Магомедом Джафаровым, которому Роландсон предложил хорошую военную должность в Индии [10]. Однако, при этом не учитывали ряда особенностей северокавказской жизни.

Таким образом, 1917 г. поставил под угрозу не только факт существования Северного Кавказа в составе российской государственности, но и его единство. Попытка опереться на внешние силы оказалась провальной. Образовавшийся с фактическим уходом России вакуум попытались заполнить сначала Турция, потом Великобритания – традиционные соперники России на Кавказе. Учитывая внутреннюю ра-

зобщенность, этнорелигиозную специфику северокавказского края, массовой и единой поддержки они не получили. И по мере того, как большевики преуспевали в ходе Гражданской войны, становилась неотвратимой советизация данной территории.

1. *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки. Париж: [б.и.], 1924. 318 с.

2. *Баммат Г.* Кавказ и русская революция (с политической точки зрения). [Электронный ресурс]. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_14.pdf (Дата обращения: 12.04.2016).

3. Воззвание генерала Томсона к народам Северного Кавказа. Декабрь 1918 г. // Хрестоматии по отечественной истории (1914 – 1945 гг.) / под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М.: Владом, 1996. С. 219.

4. ГАРФ. Ф.6144. Оп 1. Д.26.

5. *Гасанлы Дж.П.* Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917 – 1920). М.: Флинта, 2011. 672 с.

6. *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917 – 1924 гг. СПб.: СПбГУ, 2009. 223 с.

7. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_15.html (Дата обращения: 6.01.2015).

8. *Дзидзоев В.Д.* От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917-1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX в.). Владикавказ: СОГУ, 2003. 190 с.

9. *Доного Х.* Британская политика на Ближнем Востоке: английская миссия в Дагестане URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2661223(Дата обращения: 25.02.2017).

10. *Доного Х.М.* Судьба URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=268&rub=30> (Дата обращения: 16.10.2017).

11. Из телеграммы Главнокомандующего Кавказским фронтом Турецкой Армии Вехиб-Махмуд-Паши на имя председателя Закавказского Правительства о признании его правительством независимости Закавказской республики и объявлении горскими народами о своей независимости // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.) и Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 38.

12. Известия. 1918. 16 мая (№96).

13. Кавказские шовинисты // Известия. 1918. 21 мая (№364)

14. *Лобанов В.Б.* История антибольшевистского движения на Северном

Кавказе, 1917 – 1920 гг.: на материалах Терек и Дагестана. СПб.: Полторак, 2013. 424 с.

15. *Мамулия Г.* Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г. // *Wrzesień*. 2015. №2. С.125–128.

16. *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М.: Патрия, 2007. 518 с.

17. *Мустафа Бутбай.* Воспоминаний о Кавказе. Махачкала: Наш Дагестан, 1993. 67 с.

18. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Турецкому Посланнику Халиб Кемаль бею // *Документы внешней политики СССР*. Т.1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 335–338.

19. Обращение Нажмуддина Гоцинского // «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: СКФУ, 2016. С.235–237.

20. *Петросян Г.* Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.). Ереван.: ЕГУ, 2012. 445 с.

21. Письмо дипломатического представителя горского правительства Г. Бамматова председателю правительства А. Чермоеву о политики Германии и Турции в отношении Кавказа и России // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.) и Горская республика (1918 – 1920)*. Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013.

22. Поздравительная телеграмма командующего Армией Республики Союза горских народов Кавказа Юсуф-Изета-Паши на имя председателя правительства республики и военного губернатора по поводу освобождения Петровска. 20 апреля 1918 // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.) и Горская республика (1918 – 1920)*. Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013.

23. Полковник Магомед Джафаров. Сборник документов /ред. Хаджи Мурад Доного. URL: <http://avidreaders.ru/download/polkovnik-magomed-dzhafarov.html?f=pdf> (Дата обращения: 16.10.2017).

24. *Тахо-Годи А.А.* Революция и контреволюция в Дагестане. Махачкала: Госиздательство, 1927. 239 с.

25. Телеграмма командующего британскими войсками в г. Баку генерала В.М. Томсона правительству Горской республики о необходимости создания коалиционного правительства и борьбы с большевизмом. 27 ноября 1918 // *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.) и Горская республика (1918 – 1920)*. Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013.

26. *Bechhofer Roberts C.E.* In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. New York, 1971. 324 p.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: ВЛАДИКАВКАЗ В 1917 ГОДУ

Весть о Февральской революции явилась для жителей провинциальных окраин полнейшей неожиданностью. Накануне крушения самодержавия Владикавказ жил другими событиями: прошёл концерт в помощь раненым и увечным воинам; в окрестностях города состоялась гонка, организованная Лигой зимнего спорта; большой популярностью среди молодёжи пользовалась постановка «Роковая дама в черном» [9]. Однако весть о свержении царя и правительства очень быстро погрузили город в революционную пучину.

Первые известия о падении монархии поступили в управление Терской области 1 марта 1917 г. и скрывались от общественности [11]. Развитие революции не стало изолированным от общероссийского процесса. Повсеместно стали появляться комитеты общественной безопасности, профсоюзы. Активно среди городского населения стали работать политические партии и организации.

Уже 4 марта во Владикавказе прошла стихийная демонстрация. На следующий день состоялось массовое шествие с участием солдат Владикавказского гарнизона [16]. При крайней малочисленности рабочего класса, в отличие от большевистских организаций индустриальных центров России, большевики Терека «пошли на создание объединенных с меньшевиками организаций, порвав с ними окончательно накануне революции, в октябре 1917 г.» [7, с. 44]. Казачество долгое время держалось в изолированном состоянии, объединилось в военно-сословный «Круг», центр которого находился во Владикавказе, национальная элита горских народов сформировала Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [15].

В самые первые недели после Февральской революции организовывалось рабочее и профсоюзное движение. На процесс создания профсоюзов большое влияние оказывал тот факт, что основную часть горожан составляли представители средних слоёв – государственные и общественные чиновники, торговые служащие, интеллигенция, кустари. Профсоюзное творчество средних слоев было спонтанным и крайне разнородным. В основе формирования союзов лежали, в первую очередь, цеховые, служебные интересы. Чрезвычайно редко – производственные. Многие из вновь создававшихся профсоюзов (кучеров, сторожей, парикмахеров, помощников врачей, фармацевтов и т.д.) были малочисленными, существовали короткое время, быстро

прекращая свою деятельность или вливаясь в более крупные объединения [2, с. 169].

Газета «Правда» в марте 1917 г. писала: «Теперь рабочие вышли из душной тюрьмы самодержавия на свежий воздух. Вокруг нас развевается простор для всякой самодеятельности. Восстанавливайте свои профсоюзные организации, товарищи, в них залог нашей силы» [8].

К апрелю 1917 г. стали организовываться в союзы огородники, педагоги и пр. [9] В городе функционировали и другие профессиональные союзы. В 1917 г. при организации профсоюзов на первом месте по численности стоял союз домашней и ресторанной прислуги, а самым малочисленным был союз металлистов [6].

Революционная эйфория охватила горожан, повсюду раздавались призывы «нужно собираться ежечасно». Обычно сонные и безлюдные улицы Владикавказа в постреволюционные дни были заполнены народом. У газетных киосков выстраивались длинные очереди. Незнакомые люди поздравляли друг друга с долгожданной свободой [3]. Февраль 1917 г. обещал уравнивать граждан и нивелировал сословные ограничения: «Буржуй и пролетарий, кадет, эсер и растрепанный большевик, скитавшийся где-то до войны на задворках» [4], теперь составили новую социальную общность, «коллективную душу», «заставляющую их (индивидов – Авт.) чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности» [6, с. 158].

Простых горожан собрания и митинги привлекали в основном разнообразными обещаниями, которые раздавал очередной оратор: «С балкона выступали ораторы, было много публики – на два квартала», – отмечала газета «Терек» 11 марта 1917 г. [9] Взамен инертных безучастных обывательских реакций родилось чувство соучастия в революционной перестройке мира, связанное с участием в работе общественных организаций самых разнообразных форм; определением своих политических интересов. Например, в мае 1917 г. в городе прошли шествия против постановления комиссара Терской области М. Караулова, определявшего порядок устройства «в городе на открытом воздухе митингов». Демонстранты заявили, что «эти правила посягают на завоевания революции», мешая собирать митинги в любое время [12].

Выборная лихорадка проникла в самые разные сферы. В области народного образования был принят проект о «введении выборного начала в мужских и женских средне-учебных заведениях», по которо-

му «в состав педагогических советов предлагалось ввести представителей от местного самоуправления и родительских организаций» [13]. Энергичную деятельность по формированию новых органов власти, как писал И.П. Борисенко, развернули круги интеллигенции, служащих, торговцев, чиновников, офицеров, духовенства, канцеляристы бесчисленных контор [1, с. 32]. Различные союзы инженеров и техников, студенческие организации, творческие объединения, научные и технические общества в своей деятельности уделяли немалое внимание политическим вопросам, а группа представителей осетинской интеллигенции во главе с Г.А. Цаголовым, Д. Д. Гибизовым, Н.У. Кесаевым и другими организовали осетинскую революционную партию [5].

Весной 1917 г. в обстановке революционной эйфории, одной из наиболее популярных тем обывательских разговоров было обсуждение партийных программ и лозунгов. Записаться в ряды эсеров, социал-демократов или партии правого толка (кадетов) стало выгодно и престижно, как принадлежать к касте избранных. Поэтому весной 1917 г. популярность некоторых политических партий была предельно высока. Партийные ряды быстро пополнялись, каждая партия старалась привлечь под свои знамена все больше сторонников.

Повальное увлечение митинговщиной к весне стало давать негативные последствия. Так, в марте 1917 г. бастовали рабочие и «оставили весь город, – с тревогой писал корреспондент, – без транспорта, света и телеграфа». В мае бастовало общество легковых извозчиков: они постановили «устранить существующую таксу и предать ее навсегда забвению, возить пассажиров по согласованию с извозчиком по совести, милицию по чекам не возить, не принуждать возить пьяных пассажиров» [14]. А к лету бастовали служащие клубов, столовых, ресторанов, гостиниц, что также нарушало плавное течение жизни горожан [15]. Практичные и благоразумные политики зывали к горожанам не увлекаться новыми веяниями: «Отечество в опасности, и мы, как верные граждане, должны нести все на алтарь для его спасения» [3].

Не обходилось без применения и физической силы: «Меньшевики, постаравшиеся выступить на митинге большевиков, были избиты в кровь», а в другом месте «в защиту большевиков выступил солдат, который назвал Ленина истинным другом пролетариата... Возмущенные солдаты избili защитника Ленина» [10]. Генерал П.А. Половцов писал, что «власть фактически захвачена комитетами с определенно большевистскими тенденциями» [17, с. 60].

Все потуги власти играть в демократию были крайне непоследо-

вательными и слабо воспринимались массами, особенно в провинциальном отдалении. Бессилие порождало агрессию и диктат. Уставший народ мало верил обещаниям, ожесточившись в своей ненависти ко всему и ко всем: власти, армии, идеям. Копившееся веками и тремя годами войны озлобление, ожесточение, неоправданные революционные ожидания, что «народное добро» будет возвращено, искали выхода... Понижение уровня жизни оказывало влияние на усиление эмоционального состояния населения, следствием чего стали подавленность, нервозность, озлобление, враждебность людей по отношению к власти и друг к другу. На пороге стоял Октябрь 1917 года.

1. *Борисенко И.П.* Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. В 2-х тт. Ростов/Д: Северный Кавказ, 1930. Т.2. 269 с.

2. Владикавказ в октябрьские дни / Под ред. Е. Поляковой, М. Шаустен. Владикавказ: Истпарт Владокркома ВКП (б), 1927. 186 с.

3. Горская правда. 1917. 7 мая.

4. Красное знамя. 1917. 5 октября.

5. *Кучиев В.Д.* Октябрь и Советы на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе: Ир.: 1979. 162 с.

6. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 314 с.

7. *Махциева Н.С.* Профсоюзы Терской области накануне октября 1917 г. (по материалам Северной Осетии) // Известия Алтайского государственного университета. № 4–3. 2008. С. 168–172.

8. Правда. 1917. 6 марта.

9. Терек. 1917. 11 марта.

10. Терские ведомости. 1917. 2 апреля.

11. Терские ведомости. 1917. 20 января; 3 февраля.

12. Терский вестник. 1917. 11 мая.

13. Терский вестник. 1917. 12 июня.

14. Терский вестник. 1917. 14 мая.

15. Терский вестник. 1917. Март – апрель, 1 июля.

16. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА ИПД РСО-А) ФП. 1849. Оп.1. Д.Д. 2,4,7.

17. Цит по: *Суханова Н.И.* Гражданская война на Северном Кавказе в 1917 – 1920 гг.: социально-политический аспект: дисс. ... док-ра ист. наук. Ставрополь, 2004.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, АВТОРИТЕТ И СТАТУС
ЛИДЕРОВ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН КАК ЗНАЧИМЫЙ
ФАКТОР В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В КАБАРДЕ
И БАЛКАРИИ (1917 – 1920-е гг.)**

Революционные события 1917 г. обнажили весь спектр проблем кабардинского и балкарского обществ. 2 (15) ноября 1917 г. Советское правительство опубликовало историческую «Декларацию прав народов России, а 20 ноября (3 декабря) 1917 г. – обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», что не могло не вызвать на Северном Кавказе интереса и симпатий к программе большевиков» [9, с. 90–91].

В начале декабря 1917 г. было создано «Терско – Дагестанское правительство», куда вошли Терское казачье войско и Союз объединенных горцев Северного Кавказа. В противовес, в январе 1918 г. большевиками была создана Нальчикская окружная организация РСДРП (б), в руководящее ядро которой вошел выходец из крестьян-батраков, один из организаторов восстания кабардинцев против местной аристократии в 1913 г. Бетал Эдыкович Калмыков. В борьбе за установление Советской власти в регионе коммунистическая партия делала большую ставку на авторитет молодого революционера Калмыкова.

Б.Э. Калмыков являлся одним из руководителей крупнейшего восстания кабардинского крестьянства против местных коннозаводчиков, попытавшихся монополизировать общинные пастбища на Золке в 1913 г. В последующие годы Б.Э. Калмыков вместе с революционно настроенными лидерами крестьянского движения создал революционно-демократическую организацию «Карахалк» («Беднота»). На деятельность организации, как и на дальнейшие выступления кабардинских и балкарских крестьян, большое влияние оказали терские большевики во главе с С.М. Кировым [5, с. 11, 12; 11, с. 35; 1, с. 109–113]. Подпольная работа членов «Карахалка» среди трудового народа, агитация против зажиточных слоев населения способствовали росту революционных настроений в кабардинском и балкарском обществах. В 1917 г. Б. Калмыков сыграл большую роль в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции в Кабарде и Балкарии.

После Октябрьской революции Б. Калмыков вместе с остальными активистами местного революционного движения вошел в состав РКП (б), руководил работой 1-го съезда Нальчикского округа, провоз-

гласившего Советскую власть в Кабарде и Балкарии.

Добровольческой армии, создавшей на Юге России «военно-патриотическую контрреволюцию» в Кабарде, серьезную поддержку оказал «Отряд Свободы», созданный офицером русской армии, кабардинским дворянином Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, который работал в тот момент в коллегии правозаступников при Нальчикском военно-революционном трибунале. Членами партии «Свободная Кабарда» были представители кабардинских дворян, князей, сельской буржуазии и интеллигенции.

Политическая программа З. Даутокова-Серебрякова была построена на принципе равноправия всех сословий. Несмотря на то, что программа провозглашалась человеком дворянского происхождения, простой народ не имел существенных оснований для недоверия. «Партия «Свободная Кабарда» выступает, главным образом, в защиту темного, неграмотного, простого народа, не знающего всех своих прав, полученных свободой. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех же из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду», – было написано в 10 пункте Программы партии [10, с. 3–32]. Поэтому можно понять то, что среди тех, кто выступал против Советской власти в Кабарде и Балкарии, было немало лиц из простого сословия [4, с. 8]. Об этом свидетельствует и то, что вначале 1920-х гг. большевики продолжали сталкиваться с активным сопротивлением не только представителей княжеско-дворянских сословий, но и крестьянства.

Большевики в борьбе с белым правительством в Нальчикском округе смогли привлечь мусульманское духовенство, обеспечившее им поддержку крестьян-горцев. Число выходцев из крестьянской среды, получивших образование в мусульманских духовных школах Кабарды и Балкарии с 1895 по 1917 гг., составляло не менее 2 тысяч человек. Политическая смекалка большевиков заключалась в том, что они быстро догадались, что роль несуществующего горского пролетариата для привлечения народных масс в лице многочисленного крестьянства, изгнания «белых» и установления советской власти в Кабарде и Балкарии может исполнить мусульманское духовенство, тесно связанное с крестьянской общиной, как по социальному происхождению, так и профессиональной деятельностью. Поэтому большевики стали тщательно подыскивать кандидатуру эфенди или муллы, пользовавшегося авторитетом в народе. В итоге такой лидер был найден – кабардинец Назир Катханов, получивший духовное образование в

первом десятилетии XX в., т.е. в период его реформаторского расцвета. Несомненным преимуществом в биографии Н. Катханова стало то, что он являлся участником I съезда Нальчикского округа, провозгласившего Советскую власть в Кабарде и в Балкарии.

По предложению Н. Катханова и с одобрения С. Орджоникидзе была создана 1-я Ударная советская шариатская колонна, под командованием Г.И. Мироненко. Задачей колонны было разбить войска Г. Бичерахова и ликвидировать антисоветский мятеж на Тереке.

Под лозунгом «За советскую власть, за шариат!» революционное духовенство во главе с Н. Катхановым в критический для большевиков момент борьбы с белым движением на Северном Кавказе повернуло своих сторонников в лице безземельных и малоземельных крестьян в поддержку Советской власти и направило их революционную энергию на свержение белого правительства в Нальчике.

Н. Катханов по политическим и экономическим вопросам соглашался с Советской властью, но в вопросах религии он был непреклонен, считая, что советскую власть можно и нужно объединить с шариатом. На митинге в г. Нальчик Н. Катханов разъяснил общественности: «Почему мусульманское духовное лицо подняло меч? Мы, духовенство, защищаем бедноту, и Советская власть защищает бедноту, в экономических вопросах Советская власть и шариат едины. Но в вопросах религии мы самостоятельны». Он искренне верил, что хотя «советская власть и отделила религию от государственного управления, она пойдет им навстречу» [2, с. 22]. Поэтому согласился воевать против белых под лозунгом «За советскую власть, за шариат!»

Учитывая то, что большинство кабардинского и балкарского мусульманского духовенства имело крестьянское происхождение, большевики считали идеологически допустимым временный союз с ними. Революционные события на Северном Кавказе, обострившие «мусульманский вопрос», заставили большевиков идти на компромисс с исламом и учитывать «бытовые, психологические и культурные особенности мусульман» [6, с. 200]. Но, в действительности, союз с кабардинским и балкарским духовенством ими виделся возможным лишь до окончательной ликвидации участников белого движения и стабилизации общественно-политической обстановки в регионе.

Сложная общественно-политическая ситуация в борьбе за власть на Северном Кавказе помешала фактической реализации в регионе положений деклараций и декретов 1917 г. и атеистической программы, вынудив большевиков повременить и проявить гибкость по отношению к мусульманам-горцам, учитывая требования партийной

программы об «особой осторожности» и «внимании» к чувствам национальных меньшинств [6, с. 208].

ЦК РКП (б) в 1921 г. позволил в порядке исключения принимать в партию представителей кабардинского и балкарского духовенства, доказавших своей борьбой преданность «революции в опаснейшие моменты» [3, с. 32-33]. Так, яркие представители этой социальной прослойки, имевшие заслуги перед Советской властью, получили высокие государственные посты. Но по мере укрепления советской власти и ослабления угрозы реставрации прежних порядков, сохранение ее союза с мусульманским духовенством утратило свою актуальность. Горский отдел ГПУ установил слежку за Н. Катхановым и другими «шариатистами». В высшие парторганы докладывалось, что в период «гражданской войны он и остальные муллы, боровшиеся против Деникина, теперь считают себя «советскими», объясняя их выступление против белогвардейцев скорее неприязнью к «бывшему царскому игу» [7, с. 62, 63].

Вектор перемен по отношению к исламу прослеживается и в записке заведомо ВЧК Т.П. Самсонова председателю ВЧК Ф.Э. Держинскому в декабре 1920 г.: «До сих пор ВЧК занимались только разложением православной церкви, наиболее могущественной и большой, чего не достаточно. Так как на территории Республики (РСФСР – К.Г.) имеется... и ислам, в котором нам придется также, шаг за шагом, вести то же разложение, что и православной церкви» [8].

В целом на основе представленного выше материала можно сделать вывод о том, что социальное происхождение, авторитет и статус лидеров противоборствующих сторон стали значимыми факторами в ходе и результатах революционных событий в Кабарде и Балкарии.

1. *Гугов Р.А., Улигов У.А.* Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1967, 268 с.

2. *Жанситов О.А.* Воспоминания Г.С. Русакова о революционной деятельности в Кабарде и Балкарии // Бюллетень Кабардино-Балкарского республиканского правозащитного центра «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах (статьи и документы)». Вып. 5. – Нальчик, сентябрь 2011 г. Нальчик: ООО «Тетраграф» 2011. С. 22. 32 с.

3. «Известия ЦК РКП (б)». 1921. № 33 / URL: <http://istrorijarossii.narod.ru/oreligii.htm> (дата обращения: 14.04.2011).

4. *Кармов Р.* Свидетели не видели, но уверены... // Информационно-аналитический бюллетень правозащитного центра КБР. Материалы науч-

но-практической конференции «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-е годы». Нальчик, 11 мая 2007 г. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2008. 32 с.

5. *Кокиев Г.А.* Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. 20 с.

6. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. 312 с.

7. *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.

8. *Одинцов М.И.* Государство и церковь: (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 63 с.

9. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.

10. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 47.

11. *Цораев М.М.* Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1963. 60 с.

К.Р. Дзалаева

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В СУДЬБАХ ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Распространение светского образования в Осетии в XIX – начале XX вв. способствовало повышению уровня образованности среди ее населения, возникновению новых социально-культурных возможностей и потребностей. В процессе интеграции осетин в состав Российской империи, в Осетии стала зарождаться национальная интеллигенция.

Первые поколения осетинских интеллигентов, проникшись идеями просветительства и модернизма, возложив на себя ответственность за судьбу своей родины, за ее политическое, экономическое, социально-культурное самочувствие в составе Российской империи, занимались активной общественной и культурной деятельностью, способствовали поступательному прогрессивному развитию осетин-

ского общества. Они самоотверженно трудились на поприще приобщения соотечественников к передовым научным и культурным достижениям человечества. Их деятельность была направлена на созидание ценностно-ориентированных основ общественной деятельности, благотворительность, обогащение и развитие социокультурной среды не только Осетии, но и народов всего Северного Кавказа в целом. Их заслуги перед своим народом, перед любимой Осетией, ради которых они жертвовали не только имуществом, но и здоровьем, стремясь вывести осетин на более высокий уровень качества жизни и признания их равными членами российского гражданского социума, воистину заслуживали благодарности и признания в родной среде. Однако революционные события 1917 г. внесли свои роковые коррективы в судьбы многих из них. В условиях устанавливающегося нового общественного порядка, отношение и смысл, вкладываемый в понятие «интеллигенция», были существенно искажены.

Октябрьскую революцию 1917 г. российские, а вместе с ними и осетинские интеллигенты, восприняли противоречиво. Часть из них с одобрением встретила ворвавшуюся в российское общество «новую жизнь». Другие, напротив, отнеслись к ней как к разрушительной, губительной силе. Не проникшись аргументами новой власти и не одоблив ее действий, не сумев предать свои нравственные идеалы и не желая подчиниться новому социально-политическому порядку, они вынужденно эмигрировали или же были репрессированы. Масовость этих репрессий делает справедливым утверждение, что в «жерновах революционной истории» был уничтожен цвет нации. На судьбе осетинского народа эта трагедия сказалась особенно остро, так как процесс восполнения высокоинтеллектуального потенциала уничтоженных тогда просветителей, религиозных, политических и общественных деятелей, ученых, писателей и поэтов на долгие годы существенно затруднился в силу его малочисленности и других объективных причин.

В результате общественно-политических процессов, последовавших после революции 1917 г., трагически оборвалась жизнь достойнейшего представителя военной интеллигенции России, кавалера ордена святого Станислава с мечами и бантом, полного кавалера Георгиевских крестов, героя русско-японской войны, гордости Манчжурской армии Давкуя Медоева. Он сполна выполнил свой сыновний долг перед Отечеством, но остался при новой власти без льгот и пенсии по инвалидности.

Вернувшись по окончании военной службы в родное с. Вольно-Магометановское, Д. Медоев начал жить как обычный крестьянин, не вмешиваясь ни в политику, ни в государственные дела, пользуясь глубоким уважением у соплеменников. Однако все изменилось в начале 1930-х гг. 27 января 1931 г. тройкой при ОГПУ СКК Д.Д. Медоев был приговорен к ссылке на 10 лет. Очевидец событий тех лет вспоминал: «...По центру двое вооруженных всадников – гпэушников конвоировали известного в селе «полного полковника» (как за глаза звали его сельчане) – Медоева Давкуя. По сторонам улицы, ближе к домам, шли родственники и близкие, кто не боялся в таких случаях показать свое сочувствие. Увидев эту картину, я не пошел в школу, уж очень хотелось узнать, чем все это кончится... Завели Давкуя во двор, где стояла легковая машина черного цвета без верха. Из дома вышел какой-то военный начальник. В его присутствии обыскали Давкуя и надели на него наручники. Потом первым сел на заднее сиденье один из красноармейцев с ручным пулеметом. Рядом с ним сел Давкуй. А левее – второй красноармеец. «Наш полковник» ростом оказался на целую голову выше охранников. А по своим заслугам перед Отечеством он намного голов был выше всех, в том числе и самого начальника, который с чувством исполненного долга увозил его. В толпе послышался тихий плач, женщины запричитали. Тем временем рядом с шофером занял свое место старший конвоя. Завели машину, развернули его и выехали со двора. Проезжая мимо нас, Давкуй громко сказал на родном языке: «Всего доброго тебе, Чикола. Прощай! На этот раз больше не увидимся». Давкуй был репрессирован и отправлен на поселение в город Камышлов Свердловской области, где и умер от болезни. Приобретшим не по своей воле статус «семьи ссыльного» членам семьи Давкуя Дудариковевича Медоева в последующие годы пришлось испытать множество тягот и унижений.

Публично доброе имя Давкуя Дудариковевича Медоева было восстановлено лишь 10 ноября 1990 г. в списках безвинных жертв первых массовых репрессий [1, с. 4].

Печально сложилась и судьба прославленного представителя осетинской военной интеллигенции генерал-лейтенанта Д.К. Абациева, блестящий послужной список которого говорит о выдающихся личностных и профессиональных качествах этого доблестного осетина. После окончания Виленского пехотного юнкерского училища, Д. Абациев был прикомандирован к конвою генерала М.Д. Скобелева, став впоследствии его адъютантом. Сражаясь с неприятелем в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. он не раз проявил себя как настоящий

воин, герой – будь то участие в усиленной рекогносцировке и взятии приступом в качестве проводника штурмующих колонн г. Ловчи, в артиллерийской и ружейной перестрелке на Плевенском шоссе, в четырехдневном артиллерийском бою под Плевною, в атаке Зеленых гор, при взятии приступом трех неприятельских редутов, при рекогносцировке плевенских укреплений, в боях близ города Брестовец, во взятии в плен армии Осман-паши, в переходе через Балканы в обход Шипки, в двухдневном Шейноховском сражении при взятии в плен армии Бесалья-паши, в походе авангарда армии от г. Казанлыка к Андрианополю, при взятии Хирманлы, в походах с авангардом армии на Эскизагру, Тырново, Самейлы, Хасикой, Черлу, Чаталджу, Сан-Стефано, Сливно и др.

Товарищи по службе восхищались беззаветным мужеством Д. Абациева, отзывались о нем как о «преинтересной личности», вспоминали, как он злился, когда другие искали более безопасные пути, в то время как сам Дзамболат Абациев шел под пулями напрямик. В июле 1879 г., призванный генералом М. Скобелевым, он принял участие в Ахал-Текинской экспедиции, в ходе которой получил ранение. После выздоровления отправился служить в Варшаву при Высочайшем дворе, а затем в Петербург. Затем в чине полковника, все так же демонстрируя воинскую сноровку и отвагу, Абациев участвовал в русско-японской войне, состоя на службе в Уссурийском казачьем полку. Далее военная служба Д. Абациева проходила на Кавказе, где ему довелось командовать Кавказской казачьей дивизией, а затем и корпусом, возглавить комиссию по осмотру сменных и льготных эшелонов Кавказских казачьих войск, войти в членство военно-окружного суда. За многочисленные заслуги перед Отечеством в январе 1912 г. Д. Абациев был произведен в генерал-лейтенанты и вступил в командование 2-й Кавказской казачьей дивизией. Во время первой мировой войны в должности командира 6-го Кавказского армейского корпуса, Абациев принял участие в важнейших сражениях под Сарыкамышем, при штурме Эрзерума и др. В результате успешного наступления, беспримерной храбрости солдат под командованием Д.К. Абациева была разгромлена ударная группа Абдул-Керим-паши в Алашкертской долине, захвачены Мелязгерг и Битлис [5, с. 3]. За беспримерно храбрую и верную службу Д. Абациев более сорока раз удостоивался российских и зарубежных наград (в том числе, Румынии, Персии, Пруссии, Болгарии, Франции, Греции).

Дзамболат Абациев, как и многие представители военной интеллигенции, не смог принять революцию, сокрушившую опору его

жизни, его Родины, на ценностях которой он сформировался как личность, как патриот, как гражданин, как блестящий военачальник. Не понял он и контрреволюции. В связи с этим, Д.К. Абациев покинул Россию. Известно только, что он жил в Югославии, где в качестве гражданского лица работал в университетской библиотеке. Он был женат на Елизавете Эдуардовне Фукс, дочери действительного тайного советника и имел трех дочерей [5, с. 139-141]. Дальнейшая судьба этого незаурядного, необыкновенного по силе воли и выдержке человека, волею обстоятельств покинувшего Родину, к сожалению, осталась неизвестной.

Трагично отразилась революция 1917 г. и на судьбе городского головы Владикавказа Г.В. Баева, который также волею судьбы оказался в вынужденной эмиграции. Энергичная общественная деятельность Гаппо Баева началась сразу после возвращения домой по окончании юридического факультета Императорского Новороссийского университета в Одессе. Он всеми силами способствовал народному просвещению, принимал активное участие в деятельности «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», председателем которого был с 1902 г.

Гаппо Баев также являлся членом Правления «Терского общества сельского хозяйства», действительным членом Терского областного и Ставропольского губернского статистического комитета» [12, л. 12]. Историческую перспективу народов Северного Кавказа он связывал с идеей единой конституционной России и непрестанной заботы о простом народе. Именно Г.В. Баев заложил основы кооперативного движения в Осетии, видя в нем единственное средство повышения благосостояния народа. Он организовал кредитные товарищества, общественные амбары и сельские банки, в которых можно было получить ссуду под невысокий процент [6, с. 56-58]. Так, в 1894 г. он стал инициатором подачи начальнику Терской области просьбы о введении земских учреждений в крае, выработанных с учетом местных условий, а в 1905 г. им был основан Ольгинский сельский банк, который должен был облегчить жизнь горца, помочь ему выживать в непростых условиях, способствовать утверждению гражданского мира и согласия.

В 1905 г. он был выбран гласным Владикавказской Городской думы и членом Городской управы, заступающим место городского головы. В 1912 г. он был избран, а затем и утвержден в должности городского головы Владикавказа приказом Наместника на Кавказе от 23 ноября 1912 г. [12, л. 11]. В этой должности Г. Баев проявил себя прекрасным администратором. Благодаря его усилиям город Владикавказ замет-

но преображался: мостились улицы, совершенствовался городской водопровод, расширялась зона электрификации. Владикавказ утопал в зелени и цветах, считался одним из красивейших городов юга России. При Г.В. Баеве Владикавказ был включен в число восьми российских городов, в которых предполагалось открытие университетов. Как выдающийся руководитель и общественный деятель Гаппо Баев получил общероссийское признание [4, с. 39-41]. Посвященная ему статья с приложенным портретом в 1913 г. была помещена в юбилейный альбом «300-летие дома Романовых». Главным объектом его интересов была жизнь земляков-горцев. Одной из важных заслуг перед соотечественниками является вклад Г.В. Баева в развитие осетинской письменности. Г.В. Баев считается родоначальником книгоиздания в Осетии и учредителем издательского общества «Ир». В 1897 г. с применением нового правописания была издана поэма «Афхардты Хасана», принадлежавшая перу А.З. Кубалова, переведенная на русский язык Г.В. Баевым. В 1889 г. при активном содействии Гаппо был издан сборник Коста Хетагурова «Ирон фандыр», позже – сборник со стихотворениями и прозаическими произведениями молодых осетинских писателей. Г.В. Баев является автором множества публицистических очерков, статей, посвященных острым проблемам просвещения, письменности, фольклора, религии, осетинской интеллигенции.

Г.В. Баев спокойно встретил Февральскую революцию, призвав земляков выполнять распоряжения Временного правительства. Пост он оставил, но общественной деятельностью заниматься продолжал, принимая участие в съездах осетинского народа, вошел в избранный IV съездом в ноябре 1917 г. Осетинский национальный совет, стал одним из инициаторов создания Союза объединенных горцев [12, л. 22].

В 1920 г. Г.В. Баев был вынужден покинуть Осетию. Два года он находился в Грузии, сотрудничая с газетами «Вольный горец» и «Ног цард». В 1926 г. Гаппо Васильевич Баев навсегда покинул Россию и обосновался в Германии, где с мая 1926 г. и до конца своих дней работал в университете имени Гумбольдта в Берлине, где читал лекции по осетинскому языку слушателям семинара по восточным языкам и состоял заведующим иностранного отделения.

Всю оставшуюся жизнь, находясь в эмиграции, Гаппо Васильевич мечтал об Осетии, надеялся побывать там хотя бы еще раз, мечтал о том, что когда-нибудь восторжествует правда и что кто-то из потомков перевезет в Осетию его «усталые кости», которые «там обретут, наконец, долгожданный покой» [2, с. 4]. Не стало Гаппо в апреле 1939 г. Лишь спустя многие годы прах Г.В. Баева был возвращен на родину.

и в 1995 г. торжественно перезахоронен в пантеоне владикавказской Осетинской церкви, рядом с могилой его друга Коста Хетагурова.

Роковую роль сыграла Великая Октябрьская революция и в жизни блистательного представителя формирующегося научного сообщества Осетии, первого доктора медицинских наук из среды осетин – Магомета Асланикоевича Мисикова.

Начальное образование Магомет Асланикоевич получил в двухклассной сельской школе, затем, в 1901 г. он поступил в Кутаисскую классическую гимназию, по окончании курса которой продолжил обучение на медицинском факультете Императорского Новороссийского Университета в Одессе. В январе 1908 г. М. Мисиков поступил интерном в новую городскую больницу. В июле месяце того же года занял место помощника прозектора при той же больнице. Еще студентом Магомет работал демонстратором сначала при кафедре нормальной анатомии, затем при кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии. С 1912 г. он читал лекции по анатомии и физиологии человека в высшем фармацевтическом техникуме, фельдшерском училище и зубоврачебной школе. Тогда же он возглавил лекционный комитет Одесского научно-технического общества, лектором которого состоял, а в 1917 г. – Одесскую губернскую больницу [3, с. 12]. М.А. Мисиков состоял членом Медицинского общества при Императорском Новороссийском Университете, Одесского общества врачей, Химического отдела при Одесском отделении Императорского Русского Технического общества, являлся председателем родительского комитета при женской гимназии, учрежденной В.Н. Масловой и М.Н. Градской, заведовал бесплатной лечебницей Одесского Отделения Императорского Русского Технологического Общества для семейств призванных в войска. В 1916 г. Магомет Мисиков блестяще защитил докторскую диссертацию, посвященную антропологии осетин, став первым доктором медицины в истории осетинского народа. На основе диссертационного материала была выпущена монография «Материалы для антропологии осетин», содержащая наиболее обширное на тот период этнографическое описание Осетии: историко-географический очерк, этнографические сведения, тип жилища, домашняя утварь, одежда, оружие, пища, напитки, общественный быт, свадебные обряды, кровная месть, примирение, гостеприимство, положение женщин, занятия, сословное деление осетин [7, с. 5–117]. Он стал основателем национальных научных школ в двух областях – естественнонаучной и культурной антропологии.

Все революционные и первые советские годы М.А. Мисиков про-

должал трудиться в Одессе, пользуясь высоким авторитетом общественности. В 1917–1918 гг. он заведовал городскими общественными столовыми, в 1919 г. – Санпросветом Одесской губернии и всеми школами по ликвидации санитарной безграмотности и курсами красных сестер; после гражданской войны выступил организатором народных университетов в городе Одесса и Одесской губернии, в 1924 г. – избран председателем научно-технического общества, являлся членом губернского руководства профсоюза научных работников. В 1924 г., вернувшись в Осетию, он занялся врачебной деятельностью, на свои средства приобретая лекарства и раздавая их пациентам, публикуя разъяснительные тексты о распространенных заболеваниях на родном языке. В 1925 г. он стал профессором кафедры нормальной анатомии и лечащим врачом Горского педагогического института, членом Совета пединститута от профессорской курии. Годом позже он возглавил кафедру физиологии человека, а в 1927 г. стал председателем естественно-исторической предметной комиссии. Далее профессорская карьера М.А. Мисикова также успешно развивалась. Однако все это время некоторые коллеги не один раз намеревались спровоцировать на идейно-политический конфликт, но ввиду безукоризненной репутации, душевного благородства и осторожности Магомета Асланкоевича сделать это было не так просто. Тем не менее, в мае 1938 г. он был арестован. Причиной ареста был его отказ в оказании помощи новой власти в поисках наиболее болезненных видов пыток. Последующие четыре месяца М.А. Мисиков сам становился объектом жесточайших пыток, и в сентябре 1938 г. этот выдающийся осетинский ученый, да и просто красивый человек, не выдержав очередной суровой пытки, погиб [3, с. 22–26].

Активным участником революционных событий 1917 г. был выдающийся общественный деятель, публицист Ахмед Тембулатович Цаликов – одна из ярчайших фигур начала XX в. не только Осетии, но и России. Окончив Ставропольскую классическую гимназию, в 1899 г. А. Цаликов поступил на юридический факультет Московского университета, где принимал участие в студенческом движении. После университета он окупнулся в самую гущу острой политической и идеологической борьбы в России.

Член РСДРП, он был несколько раз арестован. После поражения революции 1905–1907 гг. он выступил за созыв беспартийного рабочего съезда, за что подвергся критике со стороны В.И. Ленина.

Ахмед Цаликов «координировал деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Ку-

банского и Армавирского комитетов РСДРП, пропагандировал идеи национального возрождения мусульман», был членом бюро при мусульманской фракции 4-й Государственной Думы. В 1917 г. он возглавил Всероссийский мусульманский Совет (Милли Шура). Одновременно служил помощником присяжного поверенного в Петрограде. С июня по декабрь 1917 г. был редактором газеты «Известия Всероссийского Мусульманского Совета», которая выходила в Петрограде.

Являясь председателем фракции IV Государственной Думы, он решал вопросы, связанные с судьбой 40-миллионного мусульманского населения Российской Империи. Вместе со своими соратниками по бюро мусульманской фракции IV Государственной Думы А.Т. Цаликов сразу после февральской буржуазной революции начал подготовку I съезда мусульманских народов России в Москве.

С мая 1917 г. Ахмед Цаликов принимал активное участие во всех Всероссийских мусульманских съездах, на которых всегда выступал с речами, обнажая острые проблемы мусульман России и представляя пути их решения. Так на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве (где он был избран в Президиум), выступая с докладом о национально-государственном устройстве России, он отклонил принцип конфедерации и федерации на основе территориальных автономий, выразив уверенность в том, что мусульмане не захотят отделяться от России. Единственно приемлемой формой национального самоопределения мусульман страны он считал национально-культурную автономию. Россия, на его взгляд, должна представлять децентрализованную, демократическую парламентарную республику, а культурно-национальная автономия мусульман России должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт» [10, с. 24–25]. Благодаря А. Цаликову была принята резолюция, в которой утверждалось, что мусульмане России протестуют «против империалистической политики, где бы и в чём бы она ни выражалась», выступают «за мир без аннексий и контрибуций, считают заявление Временного правительства от 27 марта о целях войны первым шагом по пути отказа от империалистических стремлений старого дореволюционного правительства» [10, с. 15].

На II Всероссийском мусульманском съезде, который проходил с 21 июля по 2 августа 1917 г. в Казани, он произнес речь, посвященную созданию мусульманской фракции в Учредительном собрании и единению всех мусульман.

А.Т. Цаликов пользовался большим авторитетом среди мусульманского мира России. Известен факт, что когда Петрограду угрожа-

ло корниловское наступление, Ахмед Цаликов подписал обращение Милли Шуру «К воинам-мусульманам армии и флота» от 30 августа 1917 г. с призывом не подчиняться Корнилову. Он возглавил делегацию, ездившую для переговоров с «туземной дивизией», шедшей на Петроград. Эти переговоры увенчались успехом – наступление на Петроград Корнилова было сорвано [8, с. 418].

22 мая 1918 г. Наркомнац РСФСР распустил Милли Шуру, и Ахмед Цаликов возвратился в Осетию.

На 4-ом съезде народов Терека во Владикавказе (июль – август 1918 г.) он был избран членом осетинской фракции Терского Народного Совета. 6 ноября 1918 г. Ахмед Цаликов, будучи председателем Терского областного Народного Совета, издал постановление о созыве V съезда трудовых народов Терской области, который начал свою работу 28 ноября 1918 г.

Его оппонентами становились В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе и др. В одной из своих многочисленных публичных речей, защищаясь от безосновательных нападок «критиков», А. Цаликов сказал: «...Кто здесь, в Терской области, первый поднял знамя социальной революции? ...В борьбе за русскую революцию я отдал лучшие годы российскому пролетариату. В последние годы я встретил загадочный мир Востока. Я хотел понести идеи революции туда. Я хотел взять луч света и понести темным массам Востока... Я не принадлежу к тем людям, которые выдают себя за коммунистов, я социал-интернационалист, идущий рука об руку с рабоче-крестьянской революцией. Я знаю горскую среду, пребывающую в первобытном состоянии, и я говорю, что те, кто утверждает, что коммунизм возможен у нас, они или политические обманщики, или их надо посадить в сумасшедший дом. Коммунизм должен базироваться на объективном положении вещей, но надо подвести под Советскую власть прочный фундамент, чтобы спасти ее от грозной опасности. И горская масса должна быть этим фундаментом» [9, с. 202].

Как публицист, в своих произведениях Ахмед Цаликов поднимал вопросы, связанные с просвещением и общественным положением народов Северного Кавказа, их экономической и юридической беспомощностью, медицинским обслуживанием, обучением в начальной школе на Кавказе на местных языках, сословной борьбой, защитой чести и достоинства человека, правами женщин, гибелью натурального хозяйства и общинно-родового быта горцев в ходе процессов модернизации, губительной политикой царского правительства по отношению к кавказским горцам после окончания Кавказской войны,

бедственным положением казачества Терской области из-за неустройства, культурным развитием мусульман и отрицательным влиянием невежественных мулл на мусульманское население, необходимостью привлечения в административное управление на Северном Кавказе людей коренной национальности, актуальностью реформ административного механизма, введением широкого, построенного на демократических началах земского самоуправления, введением суда присяжных, историей переселения горцев в Турцию и их ролью в общественно-политической жизни Турции и многие другие.

В 1918 г. А.Т. Цаликов возглавил меджлис горских народов Кавказа в Тифлисе. В 1921 г., после окончательного установления Советской власти в Грузии, Ахмед Цаликов эмигрировал сначала в Константинополь, а затем в Чехословакию и Польшу, ставшую его последним приютом.

В одной из многочисленных зарубежных публикаций в периодической печати, посвященных памяти А. Цаликова – «Памяти изгнанника» – говорилось: «На окраине города Варшавы, на мусульманских кладбищах в сени тенистой груши, скромно приютилась могила изгнанника Ахмеда Цалыккаты. Смерть, близость которой он ясно ощущал, пришла к нему, и 2 сентября 1928 года не стало между нами незабвенного певца гор... Смерть-избавительница подкралась к нему в темную глухую и жуткую пору безвременья, навсегда усыпив дорогого Ахмеда... Стать в качестве друга и брата к близким, быть истинным сыном отчизны и посвятить себя на безвозмездное служение народу – дело великое, требующее воли сильной и непоколебимой. Таким и был Ахмед» [12] .

Историческую значимость представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. трудно переоценить. Примером всей своей жизни они демонстрировали горячую любовь к родине, озабоченность судьбой народа, стремление сделать его жизнь счастливее. В основе многих достижений, которыми сегодня обладает осетинский народ, лежит их неустанный труд и самоотверженность. Трагические события, последовавшие после революции 1917 г., прервавшие не одну жизнь, исковеркавшие не одну судьбу, представляется справедливым расценивать как вопиющее преступление против основ гуманизма и человечности. Реабилитация доблестных имен и исследование биографий выдающихся осетинских интеллигентов, незаслуженно преданных забвению в годы советской власти, должны стать задачей интеллигентов современных, которые в память об историче-

ском прошлом народа и во имя его будущего обязаны восстановить историческую справедливость.

-
1. *Батыров У.А.* Георгиевский кавалер // Северная Осетия. № 16 (21071). С. 4.
 2. *Бекмурзов А.* Нравственный эталон осетинского народа. Памяти Гаппо Баева // Северная Осетия. 1995. 24 апреля.
 3. *Мисиков М.А.* Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: «Арвасин», 2011.
 4. *Марзоев И.Т.* Род Баевых в истории Осетии// Известия СОИГСИ. Вып. 24. 2017. С. 37-48
 5. *Бабич И.Л.* Осетинские судьбы во Франции//Известия СОИГСИ. Вып. 19.2016. с. 133-142
 6. *Айларова С.А.* Терская кооперация в годы первой мировой войны// Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014. с. 54-68.
 7. *Мисиков М.А.* Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916. – 237 с.
 8. *Салагаева З.* Ахмед Цаликов // Ахмед Цаликов. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002.
 9. Съезды народов Терека. 1918 г. Сборник документов и материалов в 2-х томах. Том II. Орджоникидзе, 1978. С. 202.
 10. *Цаликов А.* Мусульмане России и война. Речи, произнесённые на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1 – 11 мая 1917 г. Петроград, 1917.
 11. Центральный Государственный архив РСФСР – А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1.
 12. *Чулик И.* Памяти изгнанника // Горцы Кавказа. № 8-9. Париж, 1929.

Ф.С. Киреев

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Минуло сто лет после революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны. За все это время в нашей стране опубликовано тысячи книг, описывающих события 1917 – 1920 гг., при этом мы до сих пор не имеем всестороннего представления о том, что и как произошло в ту трагичную эпоху в России и в Терской области, в част-

ности. В советское время история Революции и Гражданской войны на Тереке изучалась политизировано и весьма односторонне. В наши дни, когда стали доступны многие архивы, эмигрантские печатные издания, всё равно события на Тереке остаются малоизученными.

Одной из главных общественно-политических сил в Терской области являлось Терское казачье войско. Оно играло главенствующую роль на Северном Кавказе, обладало территорией, финансами, административным ресурсом, не считая военных частей. Терское войско в числе первых смогло самоорганизоваться, избрать руководящие органы. Тем не менее, к концу 1917 г. Терское казачество фактически перестало существовать как единое целое, и все его административные структуры были утрачены. В данной публикации впервые сделана попытка понять, почему так печально закончился 1917 г. для Терского войска.

К 1917 г. в собственности Терского казачества было около двух третей всей земли Терской области, а именно 1 964 109 десятин, из которых в пользовании станиц было 1 738 310 десятин, а 225 789 десятин составляли войсковой запас [3, с. 10 – 11].

Расселение терских казаков линиями, согласно воле военного начальства во время освоения Кавказа, создало территориальную и этнографическую чересполосицу. Казачьи земли глубоко вклинились в районы расселения горцев, что создавало неудобства и тем и другим и в дальнейшем стало камнем раздора и вражды между казаками и горцами.

На территории Терского войска на 1 января 1916 г. проживало 643 255 душ обоего пола. В том числе: 255 068 казаков, 152 711 иногородних, крестьян и караногайцев и 235 476 горожан [10, с. 3].

Управление Терской областью и Терским войском было сосредоточено в одних руках – Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска. Войсковым хозяйством распоряжался общеобластной аппарат – Терское областное правление. Таким образом, всеми капиталами, всем имуществом терских казаков распоряжались военные и чиновники, назначаемые из столицы Империи, которые управляли по-казенному, не сильно заботясь о проблемах терцев.

Все это вызывало недовольство в казачьих кругах, и предпринимались попытки изменить ситуацию.

В начале XX в. представители терской интеллигенции и военных, в числе которых были секретарь Терского статистического комитета М.А. Караулов, чиновник областного правления Г.А. Вертепов, учите-

ля Г.А. Ткачев, В.О. Абрамов, офицер Л.Е. Медяник и др. начали разрабатывать проект местного самоуправления в казачьих войсках [6, с. 71].

В 1907 г. М.А. Караулов был избран депутатом 2-й Государственной Думы Российской Империи. К этому времени Проект устройства местного самоуправления в казачьих войсках был разработан, но короткий срок существования 2-й Госдумы не позволил предложить его к принятию.

В 1912 г. М.А. Караулов вновь избирается депутатом, теперь уже 4-й Госдумы. Заручившись поддержкой других казачьих депутатов, он предлагает к принятию Проект устройства местного самоуправления в казачьих войсках. Михаил Александрович также предлагал и ряд других инициатив для облегчения существования казачьих войск. Казакам не нравилось, что ими управляет военное министерство, что они не имеют возможности управлять всеми богатствами своих земель и т.д. Кратко говоря, казаки хотели жить как любой другой народ, а их держали в рамках военной структуры.

М.А. Караулов не раз выступал с жесткой критикой Российского правительства, и поэтому не удивительно, что он оказался в числе активных сторонников уничтожения Самодержавия.

Вечером 26 февраля (11 марта) 1917 г., на фоне усиливающихся беспорядков в российской столице, Император Николай II издает Указ о приостановке деятельности Госдумы до апреля. Тем временем толпа революционных солдат и рабочих, приходит к Таврическому дворцу, где заседала Госдума и занимает его [2, с. 26].

В ходе совещания членов Думы было решено избрать Временный комитет членов Думы, который в дальнейшем должен был определить роль Государственной думы в начавшихся событиях. Днём 27 февраля был сформирован орган власти — Временный комитет Государственной думы («Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями»), который возглавил М. В. Родзянко.

В ВКГД вошли М.В. Родзянко, Н.В. Некрасов, И.И. Дмитрюков, В.А. Ржевский, Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, А.И. Коновалов, М.А. Караулов, С.И. Шидловский, В.В. Шульгин и В.Н. Львов.

Как позднее вспоминал П.Н. Милюков, «вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии» [4, с. 18].

После отречения Николая II на базе ВКГД было образовано Вре-

менное правительство. М.А. Караулов имел большие шансы войти в его состав. Некоторые первые приказы ВКГД и приказы по Петроградскому гарнизону были подписаны им или им вместе с А.Ф. Керенским. Но Михаил Александрович избирает другой путь. Ему хотелось скорее вернуться на Терек и применить на практике все те проекты и предложения, которые ранее он настойчиво предлагал прежней власти.

М.А. Караулов отправил на Терек несколько телеграмм, в которых призывал к спокойствию и выжиданию распоряжений Временного правительства.

Тем временем на Терек уже 3 марта под влиянием вестей о событиях во всех областных и местных учреждениях всякая работа остановилась, и мысли у чинов всех рангов были заняты событиями. Власть фактически прекратилась, а те, у кого она выпала из рук, отошли покорно в сторону.

Как и везде по всей России, люди, опьяненные свободой, оставили свои мирные занятия и вышли на улицу праздновать бесконечный праздник революции. Начались бесчисленные митинги, собрания и заседания; и везде неудержимые речи и слова, полные яда и лютой злобы ко всему прошлому.

3 марта во Владикавказе состоялось казачье совещание с главной темой – как быть и что делать в создавшейся ситуации. В совещании приняли участие: чиновник областного правления Г.А. Вертепов, адвокат К.И. Сапронов, есаул А.Е. Медяник, исполняющий должность начальника Войскового штаба полковник Д.А. Диков, полковник И. П. Рогожин, И.П. Борисов и другие чиновники областного правления, Войскового штаба и других учреждений [6, с. 61].

Было решено созвать более широкого состава совещание с участием всех терцев, находившихся во Владикавказе. Уже 4 марта совещание с участием более 100 казаков состоялось. После обсуждения было принято решение созвать на 13 марта Большой Войсковой Круг, на который пригласить М.А. Караулова. На Круг вызывались по два депутата от станицы независимо от числа жителей и по два депутата от офицеров и чиновников каждого отдела.

13 марта во Владикавказе собрались депутаты от станиц, а вечером 14-го приехал и член Государственной думы, комиссар Временного правительства в Терской области М.А. Караулов. Его приезд во Владикавказ был триумфальным. Караулова встречали тысячи людей – казаки, горцы, горожане, представители разных политических партий и общественных организаций.

– «Я казак, демократ, послан Всероссийским Временным прави-

тельством сказать вам о событиях в центре государства и о том, что теперь сам народ должен решить, какой быть России!» — сказал М. Караулов, приветствуя собравшихся [9, с. 3].

С криками «Да здравствует революция», «Да здравствует Временное правительство», «Да здравствует республика», «Ура Караулову», толпа схватила его на руки и понесла к Атаманскому дворцу, сопровождая весь путь нескончаемой овацией.

14-го же вечером в Атаманском дворце состоялось частное совещание избранных депутатов с обсуждением некоторых организационных вопросов, а 15 марта утром после молебна в Атаманском дворце состоялось и открытие Войскового Круга.

М.А. Караулов выступил с большой речью, в которой подробно рассказал о событиях в Петрограде предшествующих отречению Императора, о том, как происходило само отречение, как организовалось Временное Правительство и т.д.

Слово Караулова заняло почти весь день, и кроме него едва успели произвести выборы президиума, а в председатели Круга почти единогласно был избран М.А. Караулов [6, с. 67]. Следующий день был посвящен различным организационным вопросам и выступлениям со словами приветствия представителей различных национальных обществ и политических сил.

Утром 17 марта Войсковой Круг утвердил проект Положения о Временном управлении Терским казачьим войском. Это и стало конституцией Терского войска. Чтобы придать ей силу закона и в глазах казаков, было решено направить этот документ на утверждение Временного Правительства. 29 марта Положение утвердил военный министр А.И. Гучков.

Далее Круг приступил к выборам войскового атамана и войскового правительства. Кандидаты были намечены подачей записок, затем им было предложено удалиться, и в частном совещании депутаты Круга подвергли обсуждению кандидатуры. Ряд кандидатов отпал, и на голосовании фигурировали лишь немногие.

Когда была озвучена кандидатура М.А. Караулова, то все другие сняли себя с голосования и Войсковым атаманом почти единогласно был избран М.А. Караулов. Все понимали, что он этого был достоин, и никто другой не мог с ним сравниться качествами, как раз и нужными для войскового атамана в то время.

Тогда же было образовано и войсковое правительство, в состав которого были избраны: председателем и заместителем войскового атамана есаул Л.Е. Медяник, членами: бывший директор войско-

вой учительской семинарии В.О. Абрамов, инженеры Н.В. Белоусов и Б.П. Борисов, агроном Д.И. Еланский и учитель А.С. Черкасов. Все они были известные казаки, ранее находившиеся на войсковой службе.

В помощь правительству Круг избрал ревизионную комиссию. Задачей ее было упорядочение управления войсковым хозяйством. Ревизионную комиссию возглавил бывший советник областного управления Г.А. Вертепов, хорошо знавший войсковое хозяйство, а членами стали горный инженер Л.И. Баскаков, много потрудившийся в деле организации нефтепромысла на войсковых землях в районе Грозного, учитель Д.С. Ткачев и М.И. Гужев [6, с. 73]. Все эти люди были давними идеологическими соратниками М.А. Караулова и хорошими специалистами в своих сферах деятельности.

Таким образом, терские казаки получили все, о чем мечтали Караулов и его соратники, долгие годы, обсуждая то, как улучшить жизнь казаков. У терцев появился свой избранный войсковой атаман, свое правительство, парламент (Круг), конституция (Временное Положение об общественном управлении Терским казачьим войском). Россия избавилась от Самодержавия, оставалось только заниматься созидательным трудом во благо родного войска и Отечества. Увы, все пошло совсем не так, как мечталось и планировалось.

К 1917 г. территория Терского войска и остальная часть Терской области (земли горских народов) управлялись единым органом, общей администрацией и единоначалием. Теперь же терские казаки организовали свое управление, горские народы начали выстраивать свое. При этом некоторые горские лидеры уже с самого начала приняли свободу самоопределения за призыв к разрыву с Россией и русскими.

Вся прежняя Терская администрация и органы правопорядка были отстранены, или сами устранились, что заметно увеличило преступность в области и межнациональные столкновения. Большая часть взрослого мужского населения терских станиц (более 20 тыс. человек) были на фронте, и станицы фактически были беззащитны при нападениях вооруженных горцев.

В тоже время повсюду были организованы Советы, которые в свою очередь пытались претендовать на власть. Советы опирались на городское население и иногородних, т.е. неказачье население, которое проживало в станицах. Последние становились противниками казаков наравне с горцами.

Нельзя не учитывать влияния различных турецких агентов, целью которых было дестабилизировать обстановку в тылу Кавказского

фронта, а также исламских проповедников, выступавших за отделение мусульманского Кавказа от России.

На положении в Терской области сильно сказывалась и общероссийская ситуация – чем дальше усугублялись экономико-политические процессы в стране, тем в больший хаос и анархию погружалась Терская область.

М.А. Караулов хорошо понимал хитросплетения межнациональных отношений в Терской области и другие противоречия, и пытался решать конфликты мирным путем, лавировать в сложной политической ситуации. С одной стороны для наведения порядка требовалось ужесточить власть на территории Терской области, но на любой шаг в этом направлении звучали обвинения в установке диктатуры. Для разрешения конфликтных ситуаций между горцами и казаками создавались различные согласительные комиссии.

На съезде горских народов 1 мая 1917 г. речь Караулова была полна симпатии и примиренчества по отношению к горцам и содержала предложение забыть прежние обиды и начать новую жизнь. По его инициативе терцы отказались от своего войскового праздника 25 августа, установленного в память покорения Восточного Кавказа, а вместо него установили ежегодный праздник 2 марта в день падения царской династии [13, л. 206об].

М. Карауловым постоянно велись переговоры с представителями Советов, Союза городов и различными партиями и общественными организациями. Понимая, как трудно согласовать интересы и стремления различных групп населения бывшей Терской области, М.А. Караулов замыслил план объединения сначала всего русского населения, то есть казаков, иногородних, горожан и крестьян. Начались переговоры и совещания в этом направлении. Но и здесь оказалось стовориться так же трудно, как и со всеми группами края. Получалась та же торговля и желание выдвинуться на доминирующие в объединении высоты [6, с. 85].

Убедившись в трудностях и этого плана, М. А. Караулов вместе с войсковым правительством начинают вести переговоры о союзе с Кубанским войском, а затем и с Донским. Положение на Тереке становилось с каждым днем все более грозным. Было очевидно, что одному терскому казачеству не устоять под напором анархии, усугубляемой антирусским движением среди горских племен под влиянием усиленной пропаганды отрыва от России. Но и тут переговоры растянулись [1, с. 3].

Несмотря на внимание к местным делам, Михаил Александрович

не потерял интереса к общеказачьим и общегосударственным вопросам. Он постоянно участвовал в казачьих совещаниях, ездил в Москву и Петроград, сохраняя статус политика российского масштаба.

В середине апреля на Втором Войсковом Круге для облегчения изучения вносимых на решение Круга вопросов были организованы секции: внутренних дел и по борьбе с грабежами и разбоями (названная разбойной), военная, просветительная, юридическая, хозяйственная, медико-санитарная и др. Каждый вопрос и законопроект вносились сначала в соответствующую секцию и только после всестороннего изучения там предлагались на решение пленарного заседания Круга [6, с. 89].

Первые представители терского казачества знакомились во всех подробностях с величественной картиной войска как общественной и хозяйственной организации. Никогда прежде никому из них не доводилось вникать в такие подробности. Вопросы войсковой жизни проходили на Кругу спокойно, гладко, деловито. Но никакой вопрос не вносил столько страсти в суждения, как вопрос о грабежах и разбоях. Этот вопрос сыграл в трагедии Терского войска в 1917 г. важнейшую роль.

С началом революции вслед за лозунгами о самоопределении и разных свободах в горы потянулись всякого рода «делатели» революции и пропагандисты разных свобод. И там, дабы как можно сильнее подогреть революционное настроение, эти пропагандисты по существу делали то же самое, что и разные турецко-германские эмиссары. Они внушали мысль о «проклятом прошлом режиме, обездолившем жителей гор, поработившем и утеснившем их», прежде свободных «горных орлов» и независимых, о том, что необходимо избавиться от поработителей, и об исправлении ошибок старого режима, путем исправления границ в пользу горцев за счет казаков и прочего русского населения, «несправедливо» завладевшего лучшими землями в равнинах и долинах. Действительно, стесненные в горах безземельные горцы ухватились за эту мысль и не стали ждать, когда придет русская «революционная демократия» с обещанной помощью и отнимет у казаков земли, а взяли оружие и массами двинулись на станицы, чтобы оттеснить их за Терек и Малку, как то наметили щедрые вестники грабительских свобод.

Получилось стихийное наступление с гор на станицы и на русские поселения, при этом наступление организованное и со всеми признаками вооруженной войны. Первой запылала станица Фельдмаршальская на реке Ассе. Она по малосильности не сдержала натиск огром-

ных скопищ ингушей и отступила в тыл на Сунжу. Ингуши ворвались в станицу, разграбили оставленное казаками добро и дотла спалили постройки [1, с. 8].

Большинство станиц Пятигорского, Моздокского и отчасти Кизлярского отделов и не подозревали о тех страданиях, какие переживались станицами Сунженской и Владикавказской линий. Больше того, они, как и все русские люди и казаки Дона и Кубани, которые были в те дни на Терских Войсковых кругах, порой не понимали и основной причины этой страшной кровавой схватки сунженских казаков с ингушами. Некоторые даже обвиняли казаков в несдержанности и задирности. Иные становились на сторону страдавших станиц и винили правительство и атамана в неумении организовать военный отпор.

М.А. Караулов и его соратники хорошо понимали что для того чтобы защитить станицы от нападений нужны серьезные вооруженные части, которых не было. Все терские подразделения находились на фронте. А силы запасных сотен были заняты охраной нефтяных промыслов и разными службами в своих отделах, да они и недостаточны были для вооруженного выступления против ингушей, ибо на такое выступление непременно ответили бы выступлением против казаков не только Чечня, другие горцы Терской области, но и Дагестан. Началась бы большая кровавая война. В этих условиях атаман и Войсковое правительство надеялись путем постоянных сговоров удержать ингушей от выступления против казачества.

Примирительные протоколы писались, казачьи делегаты с горскими в знак вечной дружбы целовались и клялись в искренности, а на станицы, опутавшиеся окопами и проволокой, продолжали дружно насаждать горцы, и там ежедневно и ежечасно лилась непрерывно кровь...

Не получая помощи от Атамана и Войскового правительства казаки пострадавших станиц все больше озлоблялись против М.А. Караулова.

Войсковой атаман тем временем начал вести переговоры о возвращении в область терских частей, что было весьма непростой задачей. Несмотря на разгорающуюся казачье-горскую войну и анархию в Терском крае, грозившую прервать пути сообщения с Закавказьем и Кавказским фронтом, командование упрямо уклонялось от исполнения просьбы терского атамана. Многократные поездки М.А. Караулова в Тифлис, и самостоятельные, и совместные с заместителем своим Л.Е. Медяником, принимавшим самое живое участие в вопросе, и даже с депутатами от страдающих станиц Сунженской линии, прихва-

ченных с собой с той целью, чтобы они воочию убедились, как трудно проходит вопрос, привели лишь к тому, что командование Кавказским фронтом вошло с ходатайством перед Верховным командованием о возвращении на Терек второочередных полков Терского войска [6, с. 97].

23 августа в войско прибывает 2-й Сунженский Владикавказский полк, а 27-го 2-й Кизляро-Гребенской. В руках Войскового атамана появляется некоторая воинская сила. Но время было уже упущено, события настолько усложнили положение, что ни о каком военном выступлении против горцев уже нельзя было и думать. Надо было спасать от сожжения нефтяные промыслы и помогать самооборонам осажденных станиц отбиваться от наскоков врага.

В середине августа собрался съезд иногороднего населения области, который обсудил вопрос о взаимоотношениях иногородних и казаков, резко осудил политику атамана и принял следующую резолюцию: «В интересах охранения завоеваний революции и порядка в области, ходатайствовать перед Временным правительством об отзывании войскового атамана Терского казачьего войска М. Караулова, который своей политикой непримиримости казаков с остальным населением возбуждает крайне тревожное настроение и недовольство в области. Съезд указывает, что политика попустительства и поддержки казачества со стороны крайних реакционных элементов, что наблюдается в деятельности войскового атамана, неизбежно приведет к полной анархии – как в административном отношении, так и в вопросе национальном, крайне остро стоящем в области» [1, с. 8].

Конфликт с Советами нарастал, и по инициативе Караулова казаки были отозваны из советов Терской области. Караулов готов был мириться с Советами как общественными организациями, но выступал категорически против них как органов исполнительной и законодательной власти.

В это же время началась подготовка выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Терское войско вошло в Терско-Дагестанский избирательный округ. Казачий список начинался такими именами: войсковой атаман Терского войска М.А. Караулов, заместитель атамана А.Е. Медяник, член войскового правительства В.И. Абрамов, председатель Войскового круга П.Д. Губарев, член Круга Г.А. Ткачев, член Круга и председатель ревизионной комиссии Г.А. Вертепов и так далее, всего 13 имен [11].

Результаты выборов вполне оправдали подготовительную работу и оказались блестящими. На 10 членов Учредительного собрания

по Терско-Дагестанскому округу или на 7 членов от Терской области, Терское войско получило четырех, иными словами, пятая часть населения области получила больше половины мест. Такой результат был ошеломляющей неожиданностью в крае, где предсказатели отдавали чуть не все голоса социалистам и большевикам. За казачий список шло массовое голосование не только в самом казачестве, где большинство станиц почти поголовно отдали за него свои голоса, но и в городах, в селах и даже в аулах [6, с. 100].

В конце лета к многочисленным проблемам Терской области добавились и различные запасные части и многочисленные команды, направляющиеся с Кавказского фронта по железной дороге, совершенно уже давно потерявшие воинский вид, и в особенности, двинувшие из Закавказья части 39-й пехотной дивизии, дезертировавшей с фронта в полном составе. Миновав небезопасные в военном смысле тылы и Дагестан, части дивизии стали располагаться по городам Терского края. Тут они были уже вне всякой военной опасности и могли «делать» революцию в чужом дворе, благо ружье есть в руках.

М.А. Караулов и его сторонники продолжили попытки концентрации власти в своих руках и наведения порядка в области. Еще в августе на III Круге было решено передать всю административную власть в четырех отделах Терской области Войсковому атаману, подчинить ему все части Терского казачьего войска и предоставить «чрезвычайные полномочия, необходимые к охране государственного порядка на войсковой территории» [3, с. 96]. Увы, на возвращающиеся с фронта терские части нельзя было опереться, так они были распропагандированы. Казаки расходились по домам.

В сложившихся условиях Караулов попытался укрепить местную власть, создав Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей – конфедеративную организацию, объединяющую Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, калмыков и северокавказских горцев. Караулов рассматривал Союз как проведение на местах принципов Февральской революции.

6 ноября 1917 г. во Владикавказе состоялось заседание Войскового правительства Терского войска и ЦК Союза объединенных горцев по вопросу раздела власти в Терской области. Стороны нашли понимание в данном вопросе, и был сделан шаг в сторону создания общей власти.

М. Караулов нашел общий язык с видным общественным и религиозным деятелем шейхом Дени Арсановым, который в мае 1917 г. был избран членом Союза объединенных горцев Северного Кавказа

и Дагестана, а через месяц – комиссаром Грозненского округа Чечни. Дени Арсанов фактически оказался главой исполнительной власти в Чечне. Шейх Дени проводил миротворческую политику среди чеченцев и казаков, которых, по многочисленным свидетельствам, натравливали друг на друга большевики.

Позднее, узнав о гибели атамана, шейх был очень опечален, заявив, что это большая трагедия для всего Терека, имеющая далекие последствия. Сам Дени Арсанов ненадолго пережил М.А. Караулова. Он был убит 27 декабря 1917 г. в Грозном. Шейх был очень влиятельным лидером, миротворцем и сильно мешал тем силам, которые не желали спокойствия и мира в крае.

После известия об отстранении от власти Временного Правительства Терское казачье войско было провозглашено суверенной частью Российской Федеративной Республики. 15 ноября М.А. Караулов заявил, что вступает в управление Терским краем (4 казачьих отдела) «Со всей полнотой государственной власти»; ссылаясь на необходимость борьбы с анархией, грабежами и разбоями, объявил край на военном положении, отдал приказ привести в боевое состояние все казачьи войска [13, л. 166].

16 – 21 ноября во Владикавказе прошла конференция казачьих войск и горских народов, на которой М.А. Караулов исполнял роль председателя. В продолжение создания совместной власти с Союзом горцев М.А. Караулов 1 декабря возглавил Терско-Дагестанское правительство [5, с. 458].

В сложнейшей ситуации 1917 г. на Тереке М.А. Караулов пытаясь решить все вопросы мирным путем, путем переговоров нажил себе массу врагов и противников. Своей пропагандой большевики создали несколько образов Караулова. Первый, предназначенный для казачьего населения – Караулов предатель казачьих интересов, продавший-ся горцам. Второй – для горского населения – Караулов как казачий националист, погромщик и враг горцев. Еще был образ социальных низов – Караулов как представитель эксплуататоров, дворян и буржуазии, без разницы, казачьих или горских. В итоге в любом случае, Караулов оказывался виноватым во всех бедствиях. Не важно, что он делал, что он говорил – любой его шаг подвергался критике, так как большевистским лидерам мир в крае был не нужен, власть они могли взять лишь на волне всеобщего недовольства, хаоса, анархии, как это произошло в Петрограде. М.А. Караулов был очень заметной фигурой и сильно мешал тем, кто рвался к власти.

Караулова уже открыто поносили на всех перекрестках, обзывали

врагом народа, предателем казачества, вождем и вдохновителем контрреволюции и пр. И все чаще и чаще возбуждали мысль об устранении его «с революционного пути русского народа», а с ним заодно и всех карауловцев. Постоянно ему самому или кому-либо из близких доносили анонимное предостережение о готовящемся убийстве. Видя ненависть к себе в казачьей среде, атаман пытался уйти в отставку, но очередной Круг оставляет его на посту.

11 декабря 1917 г. на вечернем заседании V Круга в здании войскового реального училища во время обсуждения «Программы казачества» было получено сообщение, что к Минеральным Водам подходят эшелоны 1-го Волгского казачьего полка, пробившегося последним из терских частей с Западного фронта. По установившемуся порядку возвращавшиеся части встречал войсковой атаман или его заместитель. Встречал теплым словом, объяснял войсковые порядки, успехи и беды, виды на будущее. Делалось это затем, чтобы казаки слышали непосредственно от высшей войсковой власти то, что, несомненно, им преподнесут провокаторы в искаженном виде.

Все близкие к атаману депутаты и члены правительства изо всех сил старались отговорить его от этой поездки, не рисковать головой. От его имени эту миссию мог бы выполнить всякий из представителей войсковой власти, кого бы он ни уполномочил. Но М.А. Караулова уговорить или отговорить от того, что он решил, было невозможно. Он и слышать ничего не желал и твердил одно: «Это мой долг, и я еду, а там будь что будет» [6, с. 142].

Простившись с Кругом и захватив с собой родного брата, войскового старшину Владимира Караулова, депутата Султанова, своего адъютанта сотника Белоусова и шесть конвойцев, в войсковом вагоне отправился на Минеральные Воды. А Войсковой круг продолжил свою работу.

Два дня спустя, 13 декабря, в таком же вечернем заседании неожиданно появляется командующий войсками Терско-Дагестанского края генерал Половцев и читает телеграфную ленту. Комендант станции Прохладная доносит, что около двух часов пополудни озверелая толпа отцепила вагон и расстреляла атамана, его брата, сотника Белоусова и члена Круга Султанова. Тела выброшены из вагона, ограблены и поруганы [7, с. 182]. Обласканный, любимый, внесенный на руках в атаманский Дворец, Караулов расстреливается среди белого дня в присутствии огромной толпы народа гнусной чернью, как преступник. И огромная казачья станица, где это происходит, не оказывает ему никакой помощи в его предсмертной страшной борьбе, а в дру-

гих станицах поднимается неистовая, радостная пальба при известии о его кончине. Славное его имя было забрызгано грязью и клеветой. Не спасли его ни великая любовь народа, ни славное имя, ни высокий пост, ни все прежние тяжелые труды на благо народа. По свидетельству участника Круга даже отъявленными недругами атамана овладела растерянность. Все вскочили со своих мест и одни тупо глядели себе под ноги, будто соображая, где они и что с ними, другие почему-то направились к выходу, третьи топтались на месте, не зная, куда себя девать [6, с. 143]. Заседание прервалось. У стола президиума толпились члены правительства и депутаты, окружив генерала Половцева. Было решено переговорить с комендантом Прохладной по прямому проводу о деталях и, не теряя времени ехать за телами. Тут же составила группа членов правительства и Круга для этой поездки, организована ее вооруженная охрана. В охрану пошло много депутатов Круга и дружина из офицеров и гимназистов. Поездкой руководил заместитель атамана Л.Е. Медяник [12, с. 3]. 14 декабря 1917 г. вагон, изрешеченный пулями, с телами убитых и найденным в нем смертельно раненым депутатом Султановым, прибыл во Владикавказ, а 15-го состоялись похороны. Погребены жертвы злодеяния были в ограде Михаила-Архангельского кафедрального собора в присутствии Войскового круга и граждан почти всего города Владикавказа [8, с. 3].

За убийцами была организована погоня. Удалось настигнуть 17 человек из состава Уфимской дружины, доставить их во владикавказскую тюрьму, но прямых улик участия этих людей в злодеянии не имелось. Захват власти большевиками прервал следствие, а задержанные по делу солдаты вместе со всеми арестантами были ими выпущены из тюрьмы [6, с. 146]. Ужасно злодеяние!.. Оно оказалось бессильным всколыхнуть терское казачество, отрезвить его и поднять возмущение. Злодеяние было пробным вызовом большевиков казачеству, испытанием бдительности его к чести войска и готовности защитить его интересы. И большевики убедились, что казаки уже расказачены духом настолько глубоко, что даже убийство избранника среди бела дня и в самом казачьем дворе мало кого возмутило.

Нечего и говорить, как велика была печаль по поводу незаменяемой утраты среди карауловцев – последователей и друзей М.А. Караулова. Великое горе захватило и весь Войсковой круг. Продолжение работ, невзирая на их важность и срочность, было невозможно, и Круг, возложив на Л.Е. Медяника исполнение атаманских обязанностей, закрылся с тем, чтобы возобновить прерванные работы 10 января 1918 г. [6, с. 147]

Подводя итоги деятельности Караулова в качестве терского атамана, можно сделать вывод, что при тех обстоятельствах и в том положении, в котором Терская область находилась в 1917 г., большего сделать не представлялось возможным. Любого другого войскового атамана в тех условиях ожидала подобная печальная участь.

Так трагически завершились усилия терского казачества восстановить войсковую автономию и идти своим казачьим путем. Общероссийские бурные волны оказались сильнее, и они захлестнули и раздавили казачье дело. Неимоверные усилия войсковой власти противопоставить анархии порядок и обуздать революцию хоть на войсковой территории без применения силы завершили трагедию зверской расправой толпы, вдохновленной большевиками, над главой войска войсковым атаманом. И с этой поры войско и войсковая власть попали в полосу агонии и самоликвидации, что и произошло весной 1918 г.

1. *Букановский Е.А.* Памяти Атамана М.А. Караулова // Терский казак. 1937. № 21.

2. *Г.П. (Полк. Г.Г. Перети)* В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. СПб., 1997.

3. *Корнев Д.З.* Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

4. *Миллюков П. Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.

5. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 . М., 2007.

6. *Писаренко Д.С.* Терское казачество: три года революции и борьбы 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016.

7. *Половцов П.А.* Дни Затмения. Записки главнокомандующего Войсками Петроградского военного округа. М., 2016.

8. Похороны // Терский вестник. 1917. 17 декабря. № 186.

9. Приезд комиссара Терской области // Терские ведомости. 1917. 14 марта. № 58.

10. Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1915 год, Владикавказ, 1916

11. Терско-Дагестанская Окружная по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссия // Вперед. 1917. 25 октября. № 111.

12. Убийство Войскового Атамана Караулова // Терский вестник. 1917. 15 декабря. № 184.

13. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) ф. 225. Оп. 1. Д. 2а.

К ВОПРОСУ О ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ГОРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В период Гражданской войны Северный Кавказ оказался в эпицентре схватки основных соперников в борьбе за власть, и все автохтоны по-своему реагировали на Русскую революцию 1917 г., падение монархии, развал империи. Большинство северокавказских народов не могли понять смысла и содержания этих перемен, осмыслить «национальный ответ» на проекты экономической, политической и социальной модернизации России.

Добиваясь расширения политической базы, большевики усилили содержание лозунга правом наций на отделение и самостоятельное устройство государственной жизни. Реальные возможности создать собственную государственность в должной мере не были проработаны ни большевистскими теоретиками, ни большинством национальных движений.

Более актуальной большевикам казалась полезность лозунга при развертывании революционной борьбы за свержение прежней власти и устранение эксплуататоров, колониционных структур. Изменять отношения и зависимости они предполагали, реализуя классовый подход. На него и делались главные политические ставки. Ликвидация мешающих структур и устранение эксплуататоров будет способствовать, в их понимании, формированию новой современной культуры, создавать однородное культурное пространство. В их представлении в нем заинтересовано подавляющее большинство населения, независимо от национальной принадлежности. Тезис был сформулирован лично В. Лениным в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 г. как ограничение права на самоопределение правом трудящихся каждой нации решать вопрос о судьбе своего народа. Этот текст уже отличался от «Обращения к мусульманам». Как, согласно ему, отделить тех из них, кому будет позволено сохранить правила жить «по своему образу и подобию», от тех, кому это не будет разрешено?

Декларация была полностью включена в текст первой советской Конституции 1918 г. Уточнение отношения к практике реализации права наций на самоопределение совпало с разгоном большевиками Учредительного собрания. Оно должно было ответить на вопрос, в ка-

ких правовых отношениях нерусские народы России находятся между собою и тем типом власти, который в стране будет установлен. Большевики обещали созвать Учредительное собрание в целях легитимации своей власти. Для решения этих вопросов в Петроград прибыли представители национальных партий и движений, среди которых был и участник Демократического совещания, осетин А.Т. Цаликов. Другие участники совещания, представители Союза горцев – А.А. Намиток и Н. Гоцинский в Учредительное собрание не избраны. Однако никто не получил возможности высказаться. Это сыграло немалую роль в уходе депутатов в оппозицию, в расширении ареала гражданского противостояния.

Большевики, не имея на Северном Кавказе опоры в лице пролетариата, лишились поддержки и горской элиты, пользовавшейся авторитетом в традиционном обществе. Большевики декларировали, что власть в стране с октября 1917 г. принадлежит трудящемуся народу, а источником власти является диктатура пролетариата. Большинство северокавказских народов не имело своего рабочего класса. Или имело единичных представителей. И «диктатура пролетариата» не открывала им возможностей участвовать в механизме новой власти, быть ее источником.

Гражданская война подвигла население к национальному и территориальному самоопределению. В ходе гражданского противостояния народы Северного Кавказа критически отнеслись к большевистскому пониманию лозунга права наций на самоопределение. Усложняло ситуацию и пребывание белых войск на Северном Кавказе, их взаимодействие со странами Антанты, разыгрывавшими карту своих интересов.

Большевики настаивали на соединении классового потока с национальным, заявив, что вопрос о целесообразности отделения того или иного народа должны решать его трудящиеся. Понимая утопичность такого политического механизма, В.И. Ленин считал, что их интересы представляет большевистская партия. У вождя партии с радикальными идеями, механизма реализации самого права имел изначально авторитарную природу.

Любопытно, что среди части интеллигенции Северного Кавказа большевики имели сторонников с не менее радикальными воззрениями. Речь идет о попытках создания Горской коммунистической партии. Одним из инициаторов ее создания был Е. Д. Рамонов, осетин, врач по образованию [2, л. 70]. Эта партия была создана в ноябре 1918 г.,

как указывается в отчете ее председателя, и развернула деятельность по реализации классовой доктрины. Был сформирован Центральный комитет. В него вошли Гоигов, Е.Д. Рамонов, Гибизов, Албогачиев, П. Шехихачев, У.Д. Алиев, М.А. Энеев, Настуев, Зулуев, Цаголов, И. Зязиков и Чекоев. Вначале Горской коммунистической партии удалось даже создать воинские подразделения, принявшие участие в борьбе с белым движением. Однако наряду с этим, ее члены вошли в конфликт с Кавказским краевым комитетом РКП (б), который, понимая отчаянное положение советской власти и в стране, и на Северном Кавказе, вел более осторожную политику. Они упрекали Кавказский краевой комитет (ККК) в «подозрительных связях с Узун-Хаджи, с горскими панисламистами», заняли крайне левацкую позицию, не признавая никаких блоков ни с эсерами, ни с меньшевиками.

На Кавказе идеи панисламизма попыталась реализовать группа лидеров «Союза объединенных горцев». В мае 1918 г. она в г. Батуми провозгласила Горскую республику под эгидой Турции. Предполагалось, что в нее войдут Дагестан, горские округа Терека, Кубани, Ставрополя и Черноморья. Однако на деле Горская республика существовала только на части территории Дагестана с сентября 1918 г. по май 1919 г. и известна под названием «Северокавказское эмиратство». Его возглавил Узун-хаджи (август, сентябрь 1919 – февраль 1920). Премьер-министром стал Иналук Арсанукаев-Дышнинский. Самому шейху большевики предлагали пост почетного муфтия Северного Кавказа. Однако он умер в мае 1920 г.[1, с. 17].

Дело дошло до того, что ККК расстрелял некоторых членов этой партии [9, л. 1–4]. Большевикам пришлось сильно маневрировать в крайне сложной обстановке. Дело Е.Д. Рамонова рассматривалось на заседании Оргбюро ЦК РКП (б). После неудачного «партийного» строительства Е.Д. Рамонов преподавал во Владикавказском университете [2, л. 70].

Среди членов ЦК ГКП был М.А. Энеев, известный общественный деятель, из семьи ученого арабиста, сына горского эфенди. Он обучался в Стамбуле, владел турецким языком. В 1917 г. разделял взгляды левых эсеров. Здесь же был и У.Д. Алиев, столь же образованный востоковед. Он прекрасно знал «арабский, турецкий, а также все восточные тюркские наречия (татарский, сартский, туркменский и др.)» [3, л. 480, 492].

До революции У. Алиев и М. Энеев были учителями. После фев-

раля 1917 г. У. Алиев был членом президиума Всероссийского мусульманского учительского союза, с 10 апреля 1918 г. заведовал отделом горцев Кавказа при Наркомнаце. Заполняя при поступлении анкету, в графе «по чьей рекомендации» пишет: «личным своим выражением и принадлежностью/ партии союза по выбору председателя назначен [в советский] Наркомнац». У. Алиев имеет в виду, что в советский аппарат он пришел по направлению Всероссийского мусульманского учительского союза (интернационалистов), членом которого он был [3, л. 472].

Члены ЦК ГКП предложили любопытный план разделения Кавказа «для борьбы против контрреволюции и укрепления советской власти». Он заключался в том, что территорию Кавказа следовало разделить на три района:

Первый – «Северокавказский район плоскостей с включением в территориальную единицу Кубанской, Ставропольской, Черноморской губерний с центром в Ростове или Екатеринодаре. Этот район исключительно земледельческий, по составу населения – казачье-иностранодный с особыми этнографическими и антропологическими условиями».

Второй – «Северокавказский горский район с центром Грозный (промышленный пролетариат), с включением Терской и Дагестанской областей. Этот район занят по горной полосе горами племен Кавказа с другими экономическими, антропологическими и этнографическими данными, бытом и религией».

В *третьей* район они предлагали объединить всю территорию Закавказья. Горской коммунистической партии, по их мнению, предстояло вести работу во втором районе среди горцев [9, л. 1–4].

Несколько важных наблюдений вытекает из документа.

Во-первых, горская интеллигенция, конфликтуя с членами ККК, с «пришельцами», армянами и грузинами, претендует на то, чтобы самой руководить революционными процессами на Северном Кавказе.

Во-вторых, некоторые (У. Алиев и др.) весной 1918 г. побывали в Москве и успели поработать в центральных наркоматах. Они заметили критическую обстановку там после подписания Брестского мира: власть висела на волоске и, тем не менее, в противовес ККК, все же стремились проводить радикалистскую классовую политику, обвиняя последних в мягкотелости и примирительности.

В-третьих, этническая дифференциация для них существенна по линии противостояния лишь горцев и казачества (русские – нерус-

ские). Собственно северокавказская этническая пестрота их мало занимает, хотя они, конечно же, более чем иные, в ней разбираются.

Любопытно, что проект организации закавказских народов в одно образование выказывает их малое внимание к серьезным религиозным и межнациональным конфликтам, например, между азербайджанцами и армянами.

И, наконец, важнейшее, четвертое. Отчет, написанный ими в 1920 г., наполнен революционным экстремизмом, когда в центре от него уже стали уставать его наиболее ярые сторонники.

Авторы отчета станут лидерами, первыми руководителями органов автономных образований, связующим звеном автономий с центром, с Москвой: М. Энеев в 1920 г. – первым заведующим Кабардино-Балкарским отделом народного образования. У. Алиев – организатором Карачаевской АО, членом ВЦИК, Е. Рамонов в 1922–1923 гг. – представителем Горской АССР при Наркомнаце [2, л. 70; 4, л. 484].

Мусульмане Северного Кавказа вместе с православным русским населением переживали тяготы Гражданской войны, когда к социально-политическим притеснениям добавлялось ущемление национально-религиозных чувств. Идеи большевиков о праве на самоопределение выглядели предпочтительнее, что наглядно проявилось в формировании уникального воинского соединения – 1-ой Ударной Шариатской колонны под командованием Н. А. Катханова. Она состояла наполовину из горцев-мусульман и русских красноармейцев. Сложность личности «советского шариатиста», кабардинца Н.А. Катханова заключалась в том, что, как считают историки, он не был большевиком, но активно помогал им в установлении советской власти в Терской области.

Восхищенные борьбой Н.А. Катханова с белыми, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе и Н.Ф. Гикало предложили ему вступить в партию и давали рекомендацию. На это он якобы ответил, что не может быть с ними в одной партии, если большевики отрицают Аллаха, Ислам, Шариат: «Я верующий человек. У вас есть свой бог – Ленин, а у меня свой – Аллах» [6, с. 56].

Н.А. Катханов был образованным человеком. Он окончил медресе, в котором и преподавал историю Востока. Хорошо владел несколькими языками: русским, арабским, кабардинским. В одной из анкет, при поступлении на работу в представительство Кабардино-Балкарской АО при Наркомнаце в 1923 г., о своем социальном положении написал «крестьянин», в другой – «преподаватель». Что же до «партийности»,

то в анкете он все же указывает, что «механически выбыл из партии». Любопытно, что в этой же анкете он указывает, что окончил 4 класса реального училища [5, л. 386].

И тем, кто проявлял революционный экстремизм, и тем, кто пытался помогать большевикам, не теряя связи с исламом, не слишком доверяли в центре. В 1919 г. Ф. Э. Дзержинский записывает: некто «Калужский заявил Сталину, что наладил слежку за Квирели (речь идет о Квиркелия – авт.) и Калмыковым. Калужский заявил, что приехал расслед[овать] национ[алистический] уклон в сторону грузин и арм[ян]. Право непоср[едственной] расправы» [10, л. 3]. Здесь же он фиксирует телеграмму Сталина в ЦК РКП (б) о том, что «одно из основных зол на Северном Кавказе – неслыханное безобразие, творимое органами Вечека ... даже над Орджоникидзе...».

Приведем пример и с Д. Коркмасовым, ставшим в 1920 г. председателем Дагестанского ревкома. На закрытом заседании краевого совещания коммунистических организаций Дона и Кавказа 28 сентября 1920 г. его вынужден взять под личную защиту С.М. Киров. Он признает, что Коркмасов был «когда-то ... анархистом, может быть он мягкий по характеру».

Группа Е. Рамонова обвиняла Д. Коркмасова в том, что при нем работает брат А. Цаликова, У. Цаликов. Опирался на оценки Е. Рамонова и присланный из центра работник Особого отдела В. Лукашин. 12 сентября 1920 г. в отчете в ЦК РКП (б) он пишет: «Коркмасов формирует части для Советской России, «насаждает» по поручению Орджоникидзе «советские начала в Дагестане» и, я убежден, ждет удобного момента: всадить кинжал в спину если не Советской власти, то Орджоникидзе» [11, л. 3,4].

Одновременно он, впрочем, требовал убрать с Северного Кавказа и самого Г.К. Орджоникидзе. С.М. Киров же считал, что Д. Коркмасов – это «фигура, у которой Цаликов должен почитать за честь развязать шнурок на ботинке» [12, л. 6–7].

В центре собирали любую информацию о национальных лидерах. В сентябре 1920 г. С.М. Киров посылает Г.В. Чичерину информацию, как следует из документа, перехваченную из послания некоего князя Меликова П.Н. Врангелю: «В письме фигурируют лица, которые мне давно известны. Так, например, Саракаев, который, по мнению Меликова, может поднять чуть ли не всю Чечню, в действительности, не пользуется в Чечне никакой популярностью и, кроме немногочисленной банды, не может объединить вокруг себя ничего. Группу лиц во

главе с Коцевым, претендующих на роль Горского правительства, Меликов характеризует довольно правильно» [7, с. 19–22; 13, л. 1].

Речь идет об остатках правительства Республики горцев Северного Кавказа (май 1918 г. – сентябрь 1919 г.) в Темир-Хан-Шуре под председательством Т. Чермоева, богатого нефтепромышленника, в прошлом офицера императорского конвоя. Министрами у него были Гайдар Баммат, Пшемахо Коцев, Абдул-Рашид Катханов, Ахмед Цаликов, Алихан Кантемир, Айтек Намитоков.

Приведем оценку К. Ворошилова, данную Т. Эльдерханову в письме И.В. Сталину, чтобы увидеть сложность отношений, недоверия, непонимания друг друга: «Эльдерханов, да и весь ревком, весьма слабые. Особенно Эльдерханов... бесхарактерный, безвольный, глупый и чванливый старикашка. Другого взамен ему пока нет». К. Ворошилов подверстывает Т. Эльдерханова ко «всей той братии», к которой относит мусульманское духовенство.

Горский отдел ГПУ установил слежку и за Н. Катхановым, представляя информацию в высшие парторганы в искаженном виде: «Катханов пользуется авторитетом в Кабарде. В годы Гражданской войны он и остальные муллы руководили отрядом против Деникина и теперь считают себя "советскими". К этому, нужно заметить, их побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность к Советской власти, о которой они сейчас говорят. Муллы Кабарды, считая себя революционными муллами, настаивают на ввод их в исполком и одновременно с этим крепко защищают ислам и свои адаты. Например, когда Кабардинский Съезд Советов стал обсуждать вопрос об упразднении калыма, то мулла Катханов немедленно покинул собрание» [14, л. 22–24; 15, л. 4].

В центре лишь начинали формироваться представления о национально-культурном переустройстве страны, еще далекие от переустройства России по национальным областям. Правда, в Карачае установленная после ухода белых советская власть была свергнута. И в качестве органа управления был сформирован Верховный совет обороны Карачая во главе с Токал-Хаджи Каракетовым и Кеккезом Узденовым. Командующим карачаевской армией стал полковник М. Крымшамхалов. Восстание продолжалось два месяца, завершилось подписанием 27 октября 1920 г. мирного соглашения с советским командованием.

Таковыми событиями и объясняется то, что еще 12 сентября 1920 г. работник Особого отдела требовал предоставить «горцам "права"»

заявить свои “чаяния” открыто перед центром РСФСР, т.к. односторонняя информация и “рогатки” т[оварищей] Орджоникидзе привели горцев к неприязни не только к ним и к нему, но и к центру. Если авторитета первых не существует, то поколебленный авторитет РСФСР можно и должно восстановить» [8, с. 282; 11, л. 4].

Иначе, как утверждает он, «их просто шантажируют» в интересах «чисто национального шовинизма, прочно закрепившись на старом фундаменте “дореволюционных традиций” под “красной тогой”». Но уже 20 сентября 1920 г. Г.К. Орджоникидзе пишет Ленину, что горцы «против коммунистов, в особенности своих», а «все разговоры об автономии и т.д. являются болтовней кучки интеллигентов или реакционного духовенства» [16, л. 1–6].

В итоге Оргбюро ЦК РКП (б) в 1920 г. не нашло оснований для включения Горской компартии в свою структуру [17, л. 1]

1. Александр Уралов (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа. М.: СП «Вся Москва», 1991. 79 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 21. Д. 401.

3. ГАРФ. Ф. 1318. Оп.1.Д.318.

4. ГАРФ, Ф. 1318. Оп.1.Д.381.

5. ГАРФ. Ф. 1318. Оп.21.Д.390.

6. Катханов К.Н. Назыр. Документальная повесть. М., 1997. 188 с.

7. Коцев Пшемахо. Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики // Наш Дагестан. 1994. № 172 – 173. С. 19 – 22.

8. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Учебное пособие для 10-11 классов общеобразовательных учреждений / Подгот. Калмыкова И.Х.; Под ред. В.Ш. Нахушева. Черкесск: Б.и. 1998. 540 с.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 1 (секретная). Д. 6.

10. РГАСПИ. Ф.176.Оп. 3.Д.118.

11. РГАСПИ. Ф.85.Оп. 6с. Д.9.

12. РГАСПИ. Ф.85.Оп. 6с. Д.5.

13. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 20.

14. РГАСПИ. Ф.17.Оп. 112. Д.385.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д.537.

16. РГАСПИ. Ф. 85.Оп. 5с. Д. 4.

17. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 5с. Д. 11.

ОТ МОНАРХИИ К СОВЕТАМ: КОЛЛАБОРЦИАНИЗМ В СРЕДЕ ОСЕТИНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война раскололи судьбы граждан бывшей Российской империи на два непримиримых, противоборствующих лагеря. Теория о том, что революция вершилась исключительно силами трудового класса – рабочими и крестьянами, несостоятельна, так как на стороне революционно настроенных масс оказались и представители других социальных сословий. В их числе были и представители привилегированных сословий Российской империи. Среди людей, разделявших цели революционеров и понимавших необходимость реформирования деятельности органов власти, были и представители осетинской национальной элиты.

Выдающимся общественным революционным деятелем Осетии был **Батырбек Асланбекович Туганов** (4 июля 1866 – 19 июня 1921), уроженец селения Дур-дур Владикавказского округа Терской области. Осетинский писатель, автор целого ряда литературных произведений, переводчик и драматург. Сын генерал-майора Асланбека Магометовича Туганова.

Был крещен по обряду православной церкви в 1880 г. и получил имя Владимир [7, л.64]. В 1880 г. поступил во Владикавказскую классическую гимназию, в 1884 г. был переведен в классическое отделение Ставропольской гимназии. В 1891 г. переехал во Владикавказ, где изучал юриспруденцию и получил звание частного поверенного по гражданским делам, занимался юридической практикой.

В 1905 г. перевел на осетинский язык «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Был выдвинут кандидатом в депутаты II Государственной думы от Владикавказской социал-демократической организации. Однако его, кандидата от рабочих, не поддержали присутствовавшие на Терском избирательном собрании (16 февраля 1907 г.) выборщики от октябристов, кадетов и «Союза русского народа».

В секретном донесении начальника Терского областного жандармского управления В.М. Фон-Оглио в Департамент полиции о политических убеждениях Батырбека Туганова говорилось: «На телеграмму от 29 ноября минувшего года по запросу о личности Б-Бека, намеченном якобы в гор. Владикавказе социал-демократами кандидатом в выборщики в Государственную думу, имею честь уведомить,

что это некто Владимир Игнатъевич, он же Батыр Туганов, сын генерал-майора, осетин по происхождению, состоятельный домовладелец в гор. Владикавказе и состоящий гласным в городской думе. Означенный Батыр-Бек Туганов принадлежит к влиятельной землевладельческой фамилии в Осетии, выделившей из своей среды несколько лиц, занимавших видное положение на государственной и общественной службе. Он интеллигент, женат на русской и по убеждениям социал-демократ, но, так сказать, теоретик-социалист, так как агентурное наблюдение не давало указаний на его активную вредную деятельность; среди населения популярность его выдвинулась благодаря его гуманному отношению к пролетариату, что он имел возможность проявить в должности гласного городской думы; осетином же националистом он не считается.

Единственным, как бы пятнающим обстоятельством Туганова в политическом отношении можно считать нахождение его адреса при ликвидации «Ростовского бюро Всероссийского железнодорожного союза». Последствием чего, согласно секретному предписанию заведующего полицией на Кавказе от 29 августа 1906 года за № 6136, он, Туганов, 24 сентября того же года был в порядке военного положения обыскан и заключен в тюрьму, причем по безрезультатности обыска, а также и по телеграмме помощника начальника Донского областного жандармского управления в Ростовском н/Д округе Туганов 27 того же сентября был освобожден, самое же дело о «Ростовском бюро» по имеющимся сведениям было прекращено.

Тем не менее, на прошедших в гор. Владикавказе 21 сего января выборах, Туганов прошел в числе других в выборщики от Терской области, от избирательной рабочей партии (в сущности с-д.), но с достаточной уверенностью можно сказать, что Туганов правее своих соизбранников, прошедших благодаря проискам кадетской партии, агитировавшей за своих кандидатов под флагом беспартийности. В деятельности Туганова до настоящего времени не проявлялось ничего, что бы давало основание считать его опасным в политическом отношении» [15, с. 220, 221]. 1-2 марта 1905 г. городским избирательным собранием дворянин Владимир Игнатъевич Туганов был избран кандидатом в гласные Владикавказской Городской Думы на четырехлетие 1905-1909 гг. [16, л.12 об.].

Был женат на Ольге Захаровне Лерман. Венчались они во Владикавказской Осетинской церкви священником Цаликовым. Вместе с супругой они участвовали в устройстве благотворительных вечеров в пользу учеников реального училища г. Владикавказа, классической

гимназии, женских гимназий и т.д. В конце 90-х гг. открыл на свои средства школу грамоты для взрослых, которая просуществовала около двух лет [5, с. 172]. Ольга Захаровна происходила из образованной интеллигентной семьи. Отец, Захар Лерман, служил станционным смотрителем в Коби. Старшая ее сестра Васса Захаровна была замужем за надворным советником, старшим делопроизводителем Терского областного правления Петром Хрисанфовичем Семеновым (род. 18 мая 1856 г.), младшая – Надежда Захаровна – за Федором Ивановичем Раздорским [3].

В 1907 г. Б. Туганов с семьей уехал в Москву, где некоторое время был председателем землячества горцев Кавказа. С 1918 г. являлся сотрудником народного комиссариата по делам национальностей, затем работал в Наркомпросе. В 1921 г. его назначили заведующим коневодством в Дагестане. Здесь он умер 19 июля 1921 г. и похоронен в г. Петровске (Махачкала) [8, л. 3]. О.З. Лерман умерла в 1944 г.

По воспоминаниям его дочери В.В. Тугановой, «популярность отца среди горцев Северного Кавказа была велика. Его любили и уважали. В 1905 г., прослышав о борьбе с царизмом, вообразив, что царя уже свергли, ингуши просили отца, чтобы он стал их царем» [9, л. 4].

Героem Гражданской войны, организатором первых очагов Советской власти в Осетии являлся **Умар Бимболович Кубатиев** (1880–1919), уроженец селения Урсдон Владикавказского округа Терской области, чрезвычайный Комиссар ВЦИКа и Наркомнаца. Окончил Томский технологический институт. В 1909 г. в Бакинской газете «Каспий» стали появляться статьи, подписанные псевдонимом «Бадели», «УБК», «Умар К», и полным именем «Умар Кубатиев». С 1912 по 1918 гг. он жил в Москве, где сформировался как личность и как политический деятель. Немалую роль в этом процессе сыграл известный осетинский писатель и общественный деятель Батырбек Асланбекович Туганов. Позже Умар ухаживал за одной из его дочерей – Тамарой Батырбековной. Председатель Московской губернской Управы полковник А.Е. Грузинов, ставший при Керенском командующим войсками Московского округа, обратил внимание на молодого журналиста из провинции и оказал ему покровительство. Он устроил Умара Кубатиева чиновником в Управу. 30 июля 1918 г. Умар Кубатиев был назначен Управляющим Главным контролем Московского Губернского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов.

16 октября 1918 г. он занял должность Заведующего Подотделом агитации и пропаганды Отдела Горцев Кавказа Народного Комиссариата по делам национальностей, где в это время заведующим Эконо-

мическим Подотделом работал Батырбек Туганов [10, л.5–6]. В марте 1919 г. был замучен меньшевиками в Тифлисской тюрьме. Через две недели его останки удалось выкрасть и перевезти на родину. Захоронены они в с. Чми [4].

К известной во Владикавказе семье Баевых, давшей Осетии целый ряд представителей военной, научной интеллигенции (среди них – генерал-лейтенант Гадо Баев, городской голова Владикавказа Гаппо Баев) принадлежал известный революционер, меньшевик-плекановец, активный участник революций 1905–1907 и 1917 гг. **Р.В. Баев.**

Окончил мужскую классическую гимназию во Владикавказе, учился в Петербургском университете. 20 ноября 1906 г. Тифлисская судебная палата по особому присутствию заседания вынесла приговор подсудимому Р.В. Баеву – заключение в крепость на восемь месяцев [15, с.285]. Участвовал в Первой мировой войне. Погиб от рук белогвардейцев в 1919 г. Перезахоронен на Аллее Славы в г. Владикавказ.

Активным участником первой буржуазно-демократической революции 1905 – 1907 гг. был **Сафар Джамбулатович Дударов** (род. 23 октября 1888 г.), уроженец селения Карджин Владикавказского округа Терской области [11, л. 53, 54]. Сын чиновника [13]. В 1906 г. окончил полный курс Владикавказского реального училища, где и приобщился к революционным идеям. В 1908 г. поступил на механическое отделение Московского технического училища. После февральской революции 1917 г. вернулся на Кавказ, где делегатом от осетинского народа принял участие в работе I-го съезда представителей горских племен Кавказа, проходившего 1 мая 1917 г. и сформировавшего ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [17, л. 26]. Был избран членом ЦК Союза, членом Горского правительства до его разгона Деникиным в Темир-Хан-Шуре в мае 1919 г. С 7 ноября 1917 г. по 2 января 1918 г. находился в должности комиссара милиции Владикавказского округа, а затем – Назрановского округа. С началом Гражданской войны и после ликвидации советской власти на Северном Кавказе уехал в Азербайджан. С началом антиденикинского восстания вернулся в Дагестан, где был избран в Президиум Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана. Являлся политкомиссаром повстанческой армии Дербентского фронта, первым комендантом г. Дербент (1920 г.), военным комиссаром Южного Дагестана, политическим представителем Дагестанского ЦИК при 283-м стрелковом полку. 26 апреля 1920 г. Революционным комитетом Дагестанской области было принято решение о создании Чрезвычайной следственной

комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Первым председателем ЧК был назначен член президиума и заместитель председателя Ревкома Дагестана Сафар Джамбулатович Дударов. Им была организована работа по формированию аппарата комиссии, подбору кадров и налаживанию работы.

В октябре 1920 г. возле аула Аракани в сражении с восставшими против советской власти горцами под командованием Джамала Айдемира отряд, состоявший из сотрудников Дагестанской чрезвычайной комиссии и 500 красноармейцев 33-го батальона ВОХР, практически весь был уничтожен. Сафар Дударов был схвачен и 30 октября 1920 г. казнен. Был похоронен в г. Буйнакске. После утверждения советской власти в Дагестане в честь С.Д. Дударова были названы улицы в городах: Буйнаксск и Кизилюрт, в селах: Карабудахкент, Унцукуль и Хунзах.

В революционных событиях на Северном Кавказе активное участие принимал **Мусса Азамат-Гиреевич Кундухов** (1890 – 1931), уроженец селения Верхняя Саниба Владикавказского округа Терской области [2]. До семи лет воспитывался дома, затем в доме своей тети во Владикавказе. Окончил Владикавказское реальное училище, затем поступил в Московский Константиновский межевой институт, откуда был исключен за революционную деятельность. После Октябрьской революции 1917 года вернулся на Кавказ. В период Гражданской войны проводил работу по объединению и вооружению отрядов красных партизан в Дагестане и Чечне, вел активную деятельность по борьбе с войсками Деникина и имама Нажмудина Гоцинского. Член РКП(б) с 1919 г. Являлся военкомом Андийского округа Дагестанской области. С декабря 1921 г. занимал должность Народного комиссара продовольствия Дагестана. В 1923 г. Приказом Революционного военного совета Республики (РВСР) № 76 за выдающиеся заслуги и героизм, проявленное в боях за крепость Хунзах, награжден орденом «Красного Знамени». В феврале 1924 г. назначен на должность ответственного секретаря Дагестанского областного комитета РКП (б). В период с 1925 г. по 1929 г. работал в аппарате Северо-Кавказского Крайкома Партии. С 1930 г. заведовал Культурно-пропагандистским отделом Чеченского областного комитета ВКП (б). Убит 3 августа 1931 г. в ауле Цоцин-Юрт в столкновении с бандой кулаков. Похороны состоялись 5 августа 1931 г. в г. Грозном в братской могиле в Комсомольском сквере города (ныне сквер перед мечетью «Сердце Чечни»). Был женат на Екатерине Михайловне Дагаевой (род.в 1900 г.) [14]. В честь С.Д. Дударова были названы улицы в городах Махачкала, Грозный и Гудермес.

Первым осетином, награжденным орденом «Красного Знамени» стал ротмистр Русской императорской армии, перешедший на сторону революционного народа, участник Первой мировой войны **Ибрагим Сафар-Алиевич Абисалов** (род. 16 марта 1894 г.) [5, с.86]. Он окончил Владикавказский кадетский корпус. Младший офицер 6-й сотни 1-го Сунженско-Владикавказского Генерала Слепцова полка. Старшинство – с 18 мая 1915 г. В офицеры произведен за боевые отличия против неприятеля. Доброволец. С 14 октября 1915 г. переведен в 4-ю сотню того же полка [12, л.90 об., 91]. Приказом по казачьим войскам Его Императорского Величества, находящегося в Царской Ставке марта 13-го дня 1916 г, в прапорщики Терского казачьего войска был произведен зауряд-прапорщик 2-го Сунженско-Владикавказского полка Абисалов Ибрагим [1]. Приказом по казачьим войскам Его Императорского Величества от 21 апреля 1916 г. утверждено пожалование командующим 9-й армией за отличие в делах против неприятеля ордена Св. Станислава III степени с мечами и бантом прапорщика, числящегося по Терскому казачьему войску и состоящего во 2-м Сунженско-Владикавказском полку Ибрагиму Абисалову [1]. 30 апреля 1917 г. направлен в распоряжение начальника Одесского военного округа и 31 мая 1917 г. переведен в 3-й Осетинский пеший батальон [5, с. 127]. Приказом Армии и Флоту о военных чинах по сухопутному ведомству от 10 июня 1917 г. Ибрагим Абисалов, на основании приказа по военному ведомству № 681 за 1915 г. произведен из прапорщиков в хорунжии [1]. Был награжден также Георгиевскими крестами IV и III степени, орденом Св. Анны IV степени с мечами и бантом, с надписью «За храбрость». Во время Гражданской войны на Кавказе Ибрагим Абисалов в чине ротмистра служил под командованием полковника Доко Кубатиева [6, с. 352]. После революции служил в г. Батуми, где являлся инструктором при начальнике пулеметной команды [5, с. 127]. Умер в 1934 г. Похоронен во Владикавказе. Итак, многие представители привилегированных слоев российского общества, в частности бывшие офицеры и генералы царской армии активно привлекались новой властью к сотрудничеству. В Красной Армии не хватало кадровых военных. Не было и времени на их подготовку. Поэтому в условиях продолжавшейся войны с Германией и ее союзниками и разворачивавшейся Гражданской войны их боевой опыт был чрезвычайно востребован. На начальном этапе Гражданской войны в Красную Армию было привлечено 48,5 тысяч царских офицеров и генералов. В 1919 г. 53% всего командного состава РККА составляли военные специалисты прежнего режима. Всего же в Крас-

ной Армии служило 75 тысяч бывших офицеров из 150 тысячного корпуса офицеров Российской Империи. И служили они как истинные патриоты своей Родины, сохранив честь дворянина и русского офицера.

1. Высочайший Приказ по Военному ведомству от 13 марта 1916 года. «Высочайшие Приказы о чинах военных за 1916 год» // Армия и Флот свободной России («Русский инвалид»). 1917. 28 июля. № 174

2. Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии// Звезда. 2003. № 11. С. 151-162

3. Информатор: Тахо-Годи М.А., 1931 г.р., Россия, г. Москва.

4. Кубатиев Б. А. Во имя Бога. Из нашей семейной хроники // Дарьял, 1999. № 1.

5. Кубатиев Б.А. Баделиата Кубатиевы в осетинской историографии. Владикавказ, 2010.

6. Кубатиев Т.-Б. И. Воспоминания осетинского эмигранта. Ч.1. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН, 2015. 424 с.

7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. Дзагурова Г.А. Оп.1. Д.71.

8. НА СОИГСИ. Ф.7. Оп.1. Д.1.

9. НА СОИГСИ. Ф.7. Оп.1. Д.9.

10. НА СОИГСИ. Ф.21. Оп.1. Д.439.

11. НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Г.А. Оп.1. Д.69-а.

12. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетрадь10.

13. Национальный музей РСО-А. Ф.4. Оп.2. Д.509.

14. Работница, № 2, 1977. С.4 // НА СОИГСИ. Ф.21. Оп.1. Д.435.

15. Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы. Т.2. Орджоникидзе: Ир, 1986.328 с.

16. ЦГА РСО-А. Ф.224. Оп.1. Д.142.

17. ЦГА РСО-А. Ф297. Оп.1. Д.1.

Т.В. Тадтаев

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНОЦИДА ОСЕТИН 1920 ГОДА

Национальное самоопределение – это ключевой принцип национальной политики, наиболее полное выражение демократизма в национальных отношениях. Образование национальных государств

является объективной исторической и общемировой тенденцией, её можно сдержать, но отменить, остановить нельзя. Национальное самоопределение – это национальная свобода, то есть свободное выражение нацией своей воли и свободная её реализация. Народ Осетии определился в 1774 г. – добровольное присоединение (подчеркнуто авт. – Т.Т.) к Российской империи было главным и судьбоносным выбором в истории всего осетинского народа.

XX в. вошёл в историю как эпоха геноцидов. В истории человечества ещё не было такой ситуации, чтобы в течение одного столетия столько народов подверглось физическому уничтожению или опасности такового. Получилось так, что первым осуществлённым геноцидом стал Геноцид армян 1915 г. Османской империей [10].

В 1920 г. произошел геноцид южных осетин, которое осуществило правительство Грузии, приняв решение о ликвидации Южной Осетии как этно-территориальной родины осетинского народа. Для этих целей в начале августа 1920 г. в Южную Осетию прибыл министр внутренних дел Грузии Н.В. Рамишвили, который также был военным министром и министром народного образования в правительстве Н. Жордания, для ознакомления с положением на месте. Возвратившись из этой поездки, министр вынужден был констатировать, что во время экспедиции действительно имели место некоторые инциденты. Повстанцы Джавского ущелья покинули Грузию и перебрались в Северную Осетию. Их остатки в спешном порядке продолжают эвакуацию. Освобожденные участки занимают переселенцами из Рачинского, Душетского и даже Озургетского уездов.[3] Это еще одно доказательство планов грузинских шовинистов.

Весь июль, август и сентябрь грузинские войска совершали по Южной Осетии рейды и продолжали претворять в жизнь охватившую грузинское общество идею геноцида осетин.

Приближалась зима. Холод и голод начали стеснять повстанцев, которые еще сопротивлялись в Корниском районе. Старики, женщины и дети стали эвакуироваться на Север. Дорога была очень долгой и суровой. Шли в основном пешком, взяв с собой самое необходимое. Ночевали в лесах, ели то, что можно было добыть. Оставленные на землях необработанные поля и хлеба грузины сжигали. Многие умирали от голода. Еще живы люди, помнящие эти события из рассказов своих родителей. Случай, рассказанный Санифой Константиновной Габаревой, поражает всякое воображение. Мать ее, Анна Кабисова, жена известного в Осетии Баира Кабисова, родила по дороге через перевал

девочку. В отчаянии, она хотела оставить ее и сбросить в пропасть, но все-таки разум восторжествовал, и люди, шедшие вместе с ними, не дали дитю умереть. Таких отчаянных случаев было множество. «Дорога жизни» – так называли дорогу от Владикавказа до Цхинвала (200 километров). Беженцы шли главным образом по неровной местности: по горам, полям, лугам. И времени уходило довольно-таки много: неделя-две, бывало и гораздо больше. Главным ужасом в дороге были холод и голод, из-за чего развивалось множество болезней: тиф, холера. Зачастую, прибывшие беженцы были поголовно больны. Время было ужасное. Уходили беженцы целыми семьями, селениями, фамилиями. Единственным местом спасения был Север, но и тут приходилось сталкиваться с множеством проблем.

Тех, кто прибыл еще летом, размещали прямо на улице. Но беженцы, прибывшие зимой, не могли находиться под открытым небом, и людей надо было заселять в населенные пункты. Есть списки беженцев, расселенных в 1920 г. на территории Северной Осетии. [5] Беженцев разместили по указанным данным в 18 населенных пунктах. Мужчин 2150 чел., женщин 2166 чел., много детей – 3765 чел. Беженцев «нетрудоспособного возраста», это, видимо, старики – 223 человека. Общее количество составляет 8081 человек. [5] По другим данным, общая численность беженцев составляет 14 421 человек. Беженцы эвакуировались на протяжении всех летних и осенних месяцев, до середины зимы.

Интересным кажется выяснение причин, откуда пришли в среду беженцев инфекции холеры и тифа. Ведь холера – это острая инфекционная болезнь, которая поражает желудочно-кишечный тракт. Широкому распространению холеры способствуют растущие контакты между жителями различных местностей [9]. Быть может, именно последнее сыграло свою роль, хотя беженцы прибывали уже больными. Маловероятным кажется и то, что вода была загрязненной, ведь высоко в горах есть огромное количество чистейших родников.

В сентябре 1920 г. в г. Баку состоялся съезд народов Востока, в котором принимала участие и делегация из Южной Осетии, посланная В. Санакоевым, в составе: Бидзина Кочиева, Владимира Газзаева и др. Из их заявления: «Заявляем в Президиум съезда народов Востока обо всем изложенном, мы твердо уверены, что съезд примет энергичные и действенные меры к тому, чтобы был положен конец страданиям граждан Советской Юго-Осетии и режиму ужасных репрессий, применяемых к мирному населению Юго-Осетии меньшевистским правительством. И здесь перед лицом всего угнетенного Востока считаем

необходимым твердо и решительно повторить непреклонную волю югоосетинского народа, а именно: 1) Юго-Осетия никогда не входила и не входит в состав меньшевистской Грузинской республики; 2) Юго-Осетия есть неотъемлемая часть РСФСР, в состав коей входит непосредственно; 3) нет иной власти, кроме Советской, какую бы могла потерпеть у себя Юго-Осетия, и нет иного знамени, кроме знамени III Коммунистического Интернационала, под коим бы встал красный воин Осетии» [6].

И далее: «Количество беженцев свыше 20 000 человек. Положение в Южной Осетии в данный момент таково: все повстанческие отряды отозваны нами. Остается на месте в лесах небольшой отряд конницы гуджаретцев. Они не могут пробраться сюда, так как грузинские меньшевистские войсковые части заняли все подходы и перевалы. На местах, в Южной Осетии, грузинские меньшевистские войска чинили и чинят по сей день ужасные безобразия: расстреливают стариков и женщин, посеы вытоптаны, масса сел сожжены, уцелевшие дома разрушаются меньшевистскими мародерами, и материал с разрушенных построек увозится вместе с оставшимся скарбом» [5]. Возвращаясь к вопросу о беженцах, В. Санакоев указывает на то, что им предоставлялась земля в Большой и Малой Кабарде. Но эта мера нисколько не могла успокоить беженцев. Все они, за немногим исключением, громко заявляют, что не желают оставаться в Терской области. Их заветным желанием и неудержимым стремлением было вернуться домой, в прежние места проживания.

Трех крайне тяжелых месяцев было достаточно, чтобы дать общественную оценку югоосетинской трагедии. Газета «Советский Кавказ» писала о трагедии в Южной Осетии: «Когда 8 июня 1920 года в Южной Осетии была объявлена Советская власть, грузинское правительство ответило беспощадной войной, придав ей характер национальной резни осетин. Начальник экспедиции полковник Чхеидзе, исправив в телеграмме от грузинского правительства разрешение сжечь крестьянские селения, прошел с огнем и мечом все ущелья Южной Осетии. Войсками грузинского социалистического правительства разгромлены ущелья: Джавское, Рокское, Кешельтское, Корнисское. Сожжено дотла 47 сел. Весь скот и все имущество сожжено или конфисковано. Оставшееся в селах население, даже не принимавшее участия в восстании, было поголовно вырезано, вплоть до престарелых стариков и грудных детей. Весь хлеб был отобран, а новый урожай вытоптан. Имели место многочисленные случаи изнасилований и убийств женщин. Все остальное население встало со своим несчастным скарбом

и перевалило через перевал в количестве 50 000 человек в Северную Осетию [6].

Таким образом, грузинское правительство исполняло свою заветную мечту об уничтожении осетин. Результатом этого является то, что Осетия была варварски разгромлена. 4 775 человек убитых, расстрелянных и погибших при отступлении, не поддающееся учету количество изнасилованных женщин, униженных стариков. Свыше 80% погубленного скота, уничтоженных посевов, разрушенных и разграбленных сел – таковы результаты разрешения меньшевиками национального вопроса [3].

По данным, опубликованным в «Известиях ЮОНИИ» известно, что: «Убито мужчин, женщин и детей 4812 душ, сожжено и приведено в негодность 30 общественных и 1268 хозяйственных построек, в которых меньшевики расхитили домашние вещи, утварь и инвентарь. Прирезано и угнано было крупного рогатого скота более 32 тыс. голов и около 80 тыс. мелкого рогатого скота. Был уничтожен урожай 1920 г. с 23 656 десятин. По приблизительным подсчетам причинено было убытков на сумму 3 317 506 золотых рублей» [11].

По данным В. Д. Абаева, потери и убытки Юго-Осетии при разгроме ее меньшевиками в 1920 г. выразились в цифрах: убито мужчин – 387 душ, женщин – 172, детей – 110, итого – 669 душ; умерло во время бегства и эмиграции: мужчин – 1206, женщин – 1203, детей – 1734, итого – 4143 человека. Всего погибло 4812 душ (по другим данным – 5279 чел.); изнасиловано женщин – 62 случая; сожжено 4227 жилых и хозяйственных построек на сумму 1 268 034 руб.; увезено вещей и инвентаря из 1268 домов на сумму 190 200 руб.; сожжено общественных зданий (школ и др.) на сумму 15 000 руб.; угнано рогатого скота 19 764 голов на сумму 988 200 руб., мелкого рогатого скота на сумму 234 140 руб.; пропало крупного рогатого скота 4077 голов на сумму 203 850 руб., мелкого рогатого скота 6327 на сумму 32 653 руб.; продано за бесценнок крупного рогатого скота 6527 голов на сумму 177 100 руб., мелкого рогатого скота 6263 голов на сумму 31 315 руб.; погиб урожай в 1920 г. на сумму 167 706 рублей. Всего понесено убытков на сумму 3 317 506 рублей [1].

Из приведенных данных следует, что в результате репрессивных мероприятий грузин хозяйственно-экономическая система Южной Осетии была подорвана. Люди подверглись невероятным лишениям и страданиям. Социально-демографические последствия геноцида осетин 1920 г. можно увидеть при сравнении численности этноса до геноцида и после него. Исходные данные, которыми мы располагаем,

относятся к 1917 г., когда осетин было 79 884 человека. После установления Советской власти была проведена Всесоюзная перепись 1923 г. Данные Переписи позволяют проследить изменения в численности осетин в Южной Осетии, а также в районах Грузии [11]

Таким образом, в Юго-Осетинской автономной области в 1923 г. проживало 53 389 человек. Если сравнить с данными 1917 г., когда в Южной Осетии проживало 79 884 человека, то разница выглядит весьма впечатляющей. Население Южной Осетии уменьшилось на 26 486 человек. Это число погибших и уехавших в Северную Осетию.

Конечно, геноцид 1920 г. сильно повлиял на дальнейшее развитие грузино-осетинских отношений. Численность беженцев была более 50 000 человек. Большинство уцелевших стремились вернуться в Южную Осетию, а те, кто не имел сил вернуться, нашли свое пристанище в Северной Осетии. Насильственное присоединение Южной Осетии к Грузинской ССР также имело весьма тяжелые последствия для осетин.

Последствия геноцида таковы: население почти полностью бежало через перевал в Северную Осетию в количестве 50 000 человек; Республика Южная Осетия разгромлена и сожжена полностью: все нажитое имущество уничтожено, скот угнан; численность погибших точно неизвестна; сумма причиненного ущерба составила 3 317 506 рублей.

После геноцида 1920 г., учиненного грузинскими национал-шовинистами, в 1922 г. Южную Осетию присоединили к Грузии. Это был беспрецедентный факт в истории осетинского народа. Интересно, что в современной политологии существует мнение о том, что «периодические конфликты между Южной Осетией и Грузией, и в особенности конфликт 1918 – 1920 гг., свидетельствовали о том, что грузино-осетинские противоречия, порожденные сложными процессами этнополитических трансформаций в Кавказском регионе периода XIII – XIV вв., на момент вхождения этносов в состав СССР не были разрешены. А наличие неразрешенных в прошлом этнических конфликтов – одна из основных предпосылок возникновения новых открытых этнических конфликтов» [2].

Созданная при советской власти модель грузино-осетинских отношений не могла способствовать окончательному разрешению грузино-осетинских противоречий и преодолению конфронтации в межэтнических отношениях. Предоставление Южной Осетии политического статуса автономной области преподносилось большевиками как убедительное проявление правоты ленинской национальной

политики, как торжество права на самоопределение южных осетин. Фактически же усилиями И. В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе Осетия была расчленена на две автономии с подчинением их разным республикам. И такое насильственное расчленение осетинского народа было преподнесено как великий дар несчастному народу, который не желал мириться с лишением его неотъемлемого права на самоопределение[8]. Тем не менее, так началась новая страница в истории Южной Осетии.

1. *Абаев В.Д.* Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма. Тбилиси, 1956.

2. *Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.

3. Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Арх. 2.

4. Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Арх. 3.

5. Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Арх. 34.

6. Борьба трудящихся Юго-Осетии за советскую власть (1917-1921 гг.). Документы и материалы. Сталинир, 1960.

7. *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений, М., 2006.

8. *Гаглойти Ю.С., Джиоев М.К.* Из истории осетино-грузинских взаимоотношений. Цхинвал, 1995.

9. Краткая медицинская энциклопедия. Т. 3, М., 1990.

10. *Оганесян Н.* Геноцид армян. Ереван 2005.

11. *Санакоев В.А.* Гражданская война в Юго-Осетии в 1917-1921 гг. // Известия ЮОНИИ, вып. VIII, Сталинир, 1957.

12. ЦГА РЮО. Ф. 4. Д. 119.

13. *Цховребова З. Д.* Ойконимика Осетии. Цхинвал, 200

С.А. Хубулова, Э.В. Хубулова

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Наряду со ставшими традиционными подходами к анализу происходивших в 1917 – 1920 гг. событий, стали появляться новые исследовательские методы. Наглядно новые вызовы мы проследим на материалах Терской области – полиэтничного и поликонфессиональ-

ного окраинного региона Российской империи. В связи с этим экстремальные условия революции и Гражданской войны представляли собой как социально-экономические и политические новации, так и этнокультурные, психологические и другие метаморфозы. Как свидетельствуют психологи, в «нормальном», спокойном обществе каждый его член знает свое место в установившейся иерархии, понимает психологические границы, которые формируются той или иной социальной средой, редко нарушает демаркационные линии [3]. Но когда общество и его члены оказываются в условиях смены общественно-политических систем, войн, в эпицентре социального взрыва, установленные линии и границы уничтожаются, граждане создают новые социальные множества, их психика и поведение перестают поддаваться логике и носят дезорганизованный характер. В это время происходят существенные перемены в массовом сознании, что напрямую связано с кризисными явлениями в современном обществе. Революционный процесс всегда характеризуется всплеском нетерпимости, ростом конфликтности, жесткого противостояния различных классов и групп населения. Простой обыватель, оказавшись в такой неспокойной ситуации, поддается общему психозу и совершает действия, невозможные в мирной обстановке. Таким образом, революционные события оказывают радикальное влияние на массу простых граждан, вовлекая их в активные действия.

Данное объяснение особенно актуально для периода российской революции 1917 г. и последовавших за ней социальных катаклизмов. Именно в это время можно наблюдать симбиоз и проецирование на общество разнонаправленных сил: модернизация традиционного общества, кризис православия, мировая война, крах монархии, последовавшая экономическая катастрофа, всеохватывающая ценностная дезориентация, анархия, охлократия, противоборство правой и левой диктатур, в итоге – победа последней. По наблюдению Н. Бердяева в период революционных катаклизмов население делится на три категории: 1) активных участников; 2) людей, пассивно созерцающих, но не участвующих; 3) принявших революцию, но на уровне душевном, ментальном [1, с. 160].

Еще одной проблемой, требующей своего решения, является вопрос мотивации вхождения в революционное движение: что заставляет человека, массу пренебречь своим спокойным существованием и включиться в активную борьбу. В конечном счете, в случае успеха происходит диссонанс между ожидаемыми плодами и реальными результатами.

Анализ отложившихся эго-документов позволяет установить долгосрочные и сиюминутные причины выбора в пользу одной из политических сил. Наряду с общими факторами, характерными для большинства регионов страны, в Терской области имелась определенная специфика, которая, в конечном счете, привела к кровопролитным боям противоборствующих сил. Использование новых методологических практик позволило по-новому изучить отложившиеся воспоминания участников революции и установить, что внешне одинаковые по социальным характеристикам люди, нередко становились по разные стороны баррикад, причина этого крылась в сложении факторов, вызванных случайными обстоятельствами.

Следует заметить, что политические предпочтения того или иного этноса в экстремальных условиях революции и Гражданской войны, вызваны не только классовым антагонизмом, но и социокультурной средой (историческим временем), в которой находился народ. Последнее приводило к тому, что этносы, находившиеся на разных этапах развития, видели свой вариант достижения светлого будущего, поиск определенной политической силы в качестве союзника. Нередко случалось так, что внешний раздражитель (казачье землевладение, религиозный фактор) мог оказать решающее влияние на выбор союзника в борьбе за достижение поставленных целей. Если внешний фактор предлагал другие варианты воздействия, то выбор мог поменяться в считанные дни. Ученые доказывали, что значительная часть толпы вступает в революцию не слепо, а преследует конкретные групповые, сословные и личные интересы, при этом мотивация поведения этих больших групп не может быть сведена лишь к разрушительности и иррациональности [6, с. 67].

В современной историографии нашло объяснение следующее видение проблемы социально-психологического трактования революции: с одной стороны, это личностные качества лидеров революционного движения, с другой – всепоглощающие социально-психологические процессы, которые детерминируют революцию [5, с. 110–132]. По мнению известного исследователя А.Х. Борова, в период революционных событий четко обозначились три вида политических лидеров – «политики», «крестьянские вожаки», духовные авторитеты, от влияния которых на массы складывалась та или иная расстановка сил в районе [2, с. 99].

Политические организации разной направленности и их идейные вожди наиболее отчетливо проявились в Осетии и Кабарде. В Осетии еще в середине XIX в. получили распространение идеи российского

общественного движения (народников), накануне и в период революции 1917 г. эта традиция была развита благодаря большому количеству студентов, прибывших в Осетию из столичных вузов, а также комбатантов Первой мировой войны, вернувшихся на родину и принесших с собой революционные идеи российской социал-демократии. Благодаря национальной интеллигенции была создана Осетинская революционная партия «Кермен», аналогов которой в общественном движении Северного Кавказа не существовало. Часть осетин пошла за партией «Кермен», отражавшей интересы крестьянства и стоявшей на позициях местных большевиков. Другие поддержали Г. Бичерахова, возглавившего мятеж казачества. Именно в эти дни осетинский этнос окончательно раскололся на два противоборствующих лагеря, каждый со своим миропониманием. При этом террор стал главным средством доказательства своей правоты. Интересен тот факт, что керменисты развязали красный террор по селам Осетии, сжигали целые села и грабили имущество привилегированных сословий. Наглядный пример – расправа над жителями с. Карагач, в результате которой члены именитых осетинских фамилий были истреблены, а их имущество либо сожжено, либо разграблено. Последователи керменистов позже организовывали отряды красных партизан и сражались с отрядами Деникина в ходе Гражданской войны. Их политические оппоненты поддержали Г. Бичерахова и его мятеж, а позже присягнули правителю Осетии генералу Хабаеву.

Внутриэтнический конфликт проявлялся даже на семейном уровне, когда члены семьи Баевых оказались по разные стороны баррикад: Гаппо Баев – бывший городской голова Владикавказа поддержал Деникина, а его родной брат Чермен встал на сторону большевиков.

В Кабарде деление на сторонников белых (лидер кн. Даутоков-Серебряков) и красных (Б. Калмыков, партия «Карахалк») также было сопряжено по большей части с отчетливой социальной градацией и сильными качествами лидеров.

В Ингушетии приоритетными оставались национальные противоречия с казачеством, питаемые нерешенным земельным конфликтом. Этим успешно манипулировали большевики во главе с Орджоникидзе, сделавшие Ингушетию базой своего движения в обмен на ожидаемую землю и территорию. В Чечне лидерство принадлежало местным духовным лидерам, которым предстояло решить вопрос: какой приоритет избрать – религиозный или этнический [2, с. 100]. Ислам стал той цементирующей основой, которая сплачивала чеченское общество: «В отличие от русского духовенства, выбравшего сторону против-

ников большевизма и выполнявшего роль пятого колеса в структуре белогвардейских войск, горское духовенство возглавило свой народ в вооруженном конфликте. В истории Гражданской войны на Северном Кавказе сыграли немаловажную роль четыре мусульманских шейха – Узун-Хаджи Салтинский, Наджмудин Гоцинский, Али-Хаджи Акушинский и Али Митаев. Как отмечают исследователи, четыре шейха блокировались и враждовали, преследуя как идейные цели, так и отстаивая личные амбиции, при этом оба мотива настолько плотно переплетались, что становились единым качеством глубоко религиозного лидера правоверных, свято поверившего в исключительную истинность собственного пути к Богу» [4]. Весной 1918 г. часть чеченцев, возглавляемая Атагинским советом, выступила за переговоры с казаками; другие, руководимые лидерами Гойтинского совета, выступили за поддержку большевиков. Здесь большую роль сыграл А. Шерипов.

Лидер должен обладать достаточной харизмой, чтобы к его лозунгам прислушались и пошли за ним. В то же время, ведомые нередко оказываются в ситуации, когда видят несоответствие между ожиданиями и реальностью. Это в конечном итоге рождает агрессию, которая выливается в революционное поведение.

Как известно, в революционных столкновениях 1917 – 1920 гг. в Терской области большую роль играли не только политические факторы, важной причиной были имущественные и сословные противоречия. Как правильно отмечал Н.А. Янчевский, классовая борьба здесь подменялась сословной и национальной. Против казачества шла война на их уничтожение. Чтобы укрепить свою социальную базу, советская власть использовала всевозможные средства, вплоть до насильственного изгнания жителей из станиц. Объяснение такому бесчеловечному отношению к казачеству может быть следующее: во-первых, наказать станицы, которые отказались стать под знамена большевиков; во-вторых, изгнав их, большевики заселяли на эти места своих сторонников.

Существенно поколеблены были казачьи жизненные устои в период русской революции 1917 г. Казачество заняло выжидательную позицию, не принимая сторону ни одной из противоборствующих сил, в то же время наблюдало, что значительная часть народа настроена революционно. В это же время в среде рядового казачества постепенно утрачивается доверие к казачьему начальству, не делающему ничего для них. Такое отношение проявилось в период, когда войсковое правительство стало призывать на борьбу с большевиками. Отказавшись от поддержки данной линии, казачество не встало и на сторону советской власти, предпочитая настороженно наблюдать со стороны.

Однако политические события конца 1917 г., когда казаки оказались один на один с растущим националистическим движением горцев, требующих у них землю, привели к трансформации их сознания. Еще больший удар по казачьему единству был нанесен претворением в жизнь решений 2-го, а затем и 3-го съездов народов Терека по земельному вопросу. Большевики, которые взяли в свои руки власть в регионе, объявили о проведении Закона о социализации земли, который лишил казаков прежних земельных преференций и ставил в один ряд с остальными народами Терской области. Естественно, что подобная тактика расценивалась основной массой станичников как антиказачья. Это и подтолкнуло их к поддержке антисоветских движений. Бичераховский мятеж (восстание) был предрешен по этой причине.

Казаки, которые выступили в начале 1918 г. за созыв съездов народов области для решения всех животрепещущих вопросов за столом переговоров, в середине того же года оказались в лагере противников советской власти. Казаки сменили плуги на винтовки не потому, что им нечего было терять, как пролетариям, как раз наоборот, им было что терять, а, следовательно, что защищать. В начале июня 1918 г. около 10 казачьих станиц взяли в руки оружие. 23-го июня на казачье-крестьянском съезде в г. Моздоке было заявлено о разрыве отношений с большевиками. Во главе восстания встал человек мирной профессии – инженер Г. Бичерахов, известный своими антибольшевистскими взглядами. Являясь по своим политическим взглядам сторонником эсеровской партии, Г. Бичерахов говорил не в унисон казачьим требованиям о возвращении прежних льгот, но это были политические тонкости, которые малоинтересны для масс казаков.

Межэтническое напряжение, перераставшее в открытое вооруженное противостояние, наблюдалось не только между автохтонным населением и казачеством, но и внутри кавказского мира. Наряду с межэтническими конфликтами, традиционное общество оказалось расколото внутренними противоречиями. Следует сказать, что наиболее полярными оказались осетинские и кабардинские общества, где наличествовала родовая знать и большинство рядовых крестьян-общинников. Кроме того, следует учесть, что среди осетин получило распространение отходничество, которое позволяло значительному слою крестьян приобщаться к политической жизни принимающего общества.

Большое значение имело и то, какую позицию в социальном конфликте занимала национальная интеллигенция, пользовалась ли она популярностью и влиянием в массах. А осетинская интеллигенция по своим размерам превосходила все остальные горские народы. В

1918 г. внутриэтнический раскол проявился в поляризации осетинского социума между с. Ардон, где собрался 8-й съезд осетинского народа, и с. Христиановское, ставшим революционным центром крестьянского движения. В обоих случаях движение возглавляли представители национальной интеллигенции, но с разными политическими убеждениями.

Таким образом, функциональный аспект мировоззрения характеризует степень влияния мировоззренческих структур на поведение человека и его восприятие действительности; степень изменчивости мировоззренческих конструктов под влиянием изменяющегося реального мира. Конечно, в основе поведенческого содержания лежали социально-экономические, бытовые причины, однако форма строилась в соответствии с традиционными представлениями и этикетом, формировавшими этнический менталитет. При этом нормы шариата и адата не всегда выполнялись в строгом соответствии с традицией.

Личный жизненный опыт многих горцев уже включал в себя выезд и работу в отдаленных районах Российской империи и мира, вплоть до Латинской Америки. В ходе революции отчетливо проявились признаки стагнации традиционных устоев и менталитета, вызванные, в том числе, экстремальными условиями революции и Гражданской войны. Нелегитимное поведение становилось нередко более актуальным, чем освященное традицией. Большевики же могли быть предпочтительны тем, что оправдывали отступление от адатов и обычаев тогда, когда это представлялось горцам целесообразным.

-
1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
 2. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблемы социально-культурного синтеза). Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2007. 297 с.
 3. Марченя П.П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке. / Электронный ресурс. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_izuch_mass.pdf (дата обращения 12.10.2017)
 4. Морозова О.М., Невская Т.А. Горцы и большевики. Экзамен на знание тонкостей восточной политики. //Regla, 2011. №12 // <http://www.regla.ru> (дата обращения 1.08.2017)
 5. Юревич А.В. Социальная психология революций. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3. Вып. №4. С. 110–132.
 6. Olson M. The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.76 p.

ЖЕНЩИНЫ-ОСЕТИНКИ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Революционные потрясения в России 1917 года, коренным образом изменив траекторию развития страны, обозначили проблему политической и социально-экономической гендерной диспропорции. Одним из ключевых событий первых дней революции 1917 года стала женская демонстрация: около 40 тыс. женщин из более, чем 90 женских организаций столицы участвовали в демонстрации 19 марта 1917 года, в результате чего женщинам были предоставлены избирательные права, закрепленные в «Положении о выборах в Учредительное собрание» [5]. Женская социальная активность дала основу и политическому равноправию полов, закрепленному в декрете «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» уже после событий октября 1917 года [6]. В региональном же аспекте проблемы политического и социально-экономического равенства полов женщина являлась больше «объектом вовлечения», чем активной участницей происходящих трансформаций, что выразилось в таких звучных социальных проектах большевиков, как «раскрепощение горянок Северного Кавказа», «свобода женщинам Востока» и т.д. Женщины-осетинки, как и все женщины национальных окраин России, встретили 1917 год с низким правовым статусом, им предстояло освоение социальных трансформаций, в ходе которых новая власть решила сделать их социально востребованной общественной силой. Осетинки, в отличие от других горянок, успешно адаптировались к новым условиям благодаря раннему появлению женского образования в Осетии, начало которому было положено в середине XIX века [2, с. 291-292]. В Осетии трагедия грянувшей за революцией гражданской войны вовлекла в революционный вихрь горянок. Конечно, это явление не было массовым и как правило женщины проявившие активную гражданскую позицию были членами семей мужчин-большевиков, участвовавших в борьбе против деникинцев. Так, в селении Дарг-Кох активное участие в партизанском движении приняла участница Коцоева Маша, сестра первого председателя Правобережного революционного комитета Коцоева Михаила, который был убит белогвардейцами в июле 1920 года. Она была связной в партизанском отряде и доставляла из Владикавказа оружие, деньги, партийные директивы. За личную храбрость Серго Орджоникидзе наградил Марию дамским браунингом. Вместе

со своим супругом в партизанском отряде сражалась Дусинка Тогоева из селения Христиановского, связной в этом отряде была Цаллаева Вера. К началу 1920 года в партизанских отрядах активно работали Баракова-Калоева Елена, Цомаева Анна, Наскидаева Разита, Цомаева Ольга, Цаллагова Ольга, Туаева Ксения [3, с. 2-3].

Новая власть была вынуждена последовательно решать «женский вопрос», который по отношению к горянкам выражался в регулировании правового положения и вовлечении женщин в общественное производство. В связи с этим был опубликован ряд постановлений, регламентировавших правовое положение горянок: было запрещено взимание калыма [6, с. 106]; за похищение девушек с целью насильственной женитьбы был определен срок лишения свободы до 5 лет с конфискацией имущества [6, с. 107]; браки стали регистрироваться в органе записей актов гражданского состояния в присутствии невесты [8, с. 72].

Предпринимаемые меры должны были преодолеть ориентированность горянок на приверженность традициям и обычаям в области семейно-брачных отношений. Была развернута пропаганда в поддержку гражданского брака, как единственно законной, безальтернативной формы регистрации брачных отношений. Уничтожение обычаев, запретов, норм и обрядов, окружавших брак ранее, легли в сферу развернувшейся борьбы по вовлечению горянок в освоение формировавшегося социокультурного пространства.

Началась работа по поиску особых форм и методов, через которые можно было бы просвещать горянок, организовывать их, вовлекать в общественное производство, оказывать идейное и политическое воздействие на их сознание. Такой формой стала организованная по всей стране система женотделов. Женотделы как способ вовлечения горянок в развернувшиеся социальные преобразования, использовали создание кустарных артелей, мастерских и прочих производственных объединений, которые давали горянкам материальную базу для независимого существования, для сопротивления семье, выступавшей против их социальной активности.

Сфера деятельности женотдела включала все вопросы социально-экономической, политической и культурной жизни горянок. По мере укрепления организации, приобретения опыта работа становилась все более целенаправленной. Вырабатывались директивы и пособия для женских делегатских собраний, женских клубов, кружков политграмоты, стала издаваться женская печать. Однако, нехватка кадров не давала возможности иметь полный штат. Анализ сохра-

нившихся по Горской республике материалов показывает, что максимальное количество инструкторов не превышало 6 человек [8, с. 72]. Женорганизаторами назначали, как правило, женщин, но нехватка кадров в республике, выводила на эту работу и мужчин. Например, организатором в Дарг-Кох изначально работал т. Мисиков, а в Эльхотово – т. Лазарев [7, с. 19]. На первых этапах работы главным образом занимались пропагандой революционных завоеваний, однако очень скоро развернулась борьба за предоставление горянке правовой независимости. Была актуализирована работа по втягиванию горянки в кооперацию, ликвидацию неграмотности и разработке форм и методов работы среди горянок [8, с. 73]. Выделились следующие формы: организация горянок вокруг производства, мастерских женского труда, швейных артелей, сельхозартелей; культурные политико-просветительные женские кружки, пункты ликбеза; вовлечение женщин в общественные организации (советы, профсоюзы, нарсуды); работу среди женщин в правовой области; работу по охране здоровья в области материнства и детства. Почти во всех населенных пунктах Осетии начал складываться актив из женщин-осетинок. Анализ архивных материалов показывают, что этой работой были активно охвачены практически все крупные населенные пункты Осетии [6, с. 182-186].

Однако для большей части осетинок, а даты становились камнем преткновения, переступить через который решались лишь самые смелые женщины. От активистки Цомаевой Ольги отказались родственники, комсомолка Хадизат Караева была жестоко избита собственным отцом [1]. Женская активность наталкивалась на враждебность мужской части партруководителей, расценивавших работу женорганизаторов, как второстепенную. В протоколе заседания бюро Горского облпарткома сохранилась жалоба инструктора на районных партруководителей: «...не только не хотят руководить работой среди женщин. Но подчас ставят и всевозможные рогатки в их работе, обособляя их в какие-то чисто женские организации, которые должны заниматься чисто женскими делами. Заведующих отделами не допускают на заседания парткома. Присылке инструкторов Женотдела для объезда округа, а в большинстве случаев это русские работницы, не дают переводчиков» [8, с. 74]. Приобретая опыт общественной работы, все больше женщин реализовывалось в формирующемся после революции социальном пространстве. 70 летняя Тли Урумова стала инициатором открытия первого в Осетии родильного дома, Караева

Разиат – первой женщиной председателем сельского совета в Осетии, Калоева Гасе – бригадиром передовой полеводческой бригады. Гафе Ревазова – Гутнова стала первой женщиной осетинкой получившей физико-математическое образование, Аликова Жури – первым заведующим женотдела Владикавказского округа [3, с. 4]. Получение женщинами образования еще в дореволюционной России давало возможность усилить их роль в жизни общества, а после событий 1917 года стало формой социализации личности. Стремление учиться было очень высоко. Заканчивая ликбез, они учились в вечерних школах, заканчивали институты становились учителями, врачами, агрономами, пополняя кадры национальной интеллигенции. Уже к 1937 году в Северной Осетии 30 женщин трудились директорами и завучами школ, 170 – учителями начальных классов, 339 – учителями средних школ, 414 учителями полных средних школ, 670 получали высшее педагогическое образование, 110 женщин работали врачами, а 330 – акушерами [4]. Высокая социальная активность женщин Осетии после революции была предопределена развитием женского образования и его влиянием на социальный статус женщин еще в пореформенное время.

1. Гагиева М.А. Женщины гор. Орджоникидзе, 1966. 230 с.

2. Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 286-299.

3. Научный архив СОИГСИ. Ф.11. ОП.1.Д.14.

4. Пролетарий Осетии, 1937. 8 марта.

5. Ратчайлд Р. Непослушные женщины и русские революции 1917 г. (перевод Н.А. Пушкаревой) Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С.35-44.

6. Тедеева Н.В. Некоторые аспекты раскрепощения женщин Осетии в контексте решения большевиками женского вопроса. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №36. (77): Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2008. С.182-186.

7. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия – Алания (далее ЦГА ИПД РСО-А) Ф.204. ОП.1 Д.52.Л.19.

8. ЦГА ИПД РСО-А.Ф.204. ОП.1.Д.56. Л.72-74.

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920 – 1930-Е ГГ.
В НОВЕЙШИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ**

Проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе после Октября 1917 г. традиционно относятся к числу активно разрабатываемых в региональной историографии. При этом данная тема всегда являлась одной из наиболее противоречивых и политизированных.

Советская историография, внесшая большой вклад в изучение процессов национально-государственного строительства в регионе, отличалась известной тенденциозностью оценок и узостью источниковой базы.

Современные отечественные исследователи уходят от идеологических штампов о торжестве ленинской национальной политики и успешном преодолении «пережитков феодально-родового быта» среди горских народов. Национально-государственное строительство в таком сложном и многонациональном регионе, как Северный Кавказ, рассматривается сегодня российскими историками и архивистами как явление многоаспектное и разноуровневое. Важной особенностью новейших исследований по указанной теме является наличие обширной источниковой базы, основу которой, как правило, составляют документы центральных и региональных архивов, в том числе и недавно рассекреченные материалы органов партийно-государственной власти.

Составной частью источникового комплекса по истории советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. являются также новейшие документальные публикации.

Большим информационным потенциалом обладает двухтомное издание, подготовленное учеными МГУ им. М.В. Ломоносова и Института Российской истории РАН в сотрудничестве с Федеральным архивным агентством и рядом научно-исследовательских центров Франции и Италии [1; 2].

В корпусе документальных источников по Северному Кавказу нашел отражение ряд малоизученных аспектов национально-государственного строительства в регионе. В частности, речь идет о по-

пытках И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе добиться в 1924–1925 гг. объединения Северной и Южной Осетий с последующим вхождением нового административного образования в состав советской Грузии (док. №113, 115, 120, 127). Приведенные в сборнике документы свидетельствуют, что эти планы встречали противодействие Северо-Кавказского крайкома РКП(б), согласного на объединение двух Осетий, но при условии включения новой автономии в состав РСФСР. Источники также дают возможность проследить изменение позиции по этому вопросу Северо-Осетинского руководства во главе с ответственным секретарем областного комитета партии С.А. Такоевым.

Значительный интерес представляет блок документов, раскрывающих перипетии национально-государственного размежевания в Горской АССР (док. №24, 34, 63, 93). Процесс установления административных границ новых автономий сопровождался взаимными территориальными претензиями и ростом напряженности в регионе. Это наглядно иллюстрирует телеграмма, направленная весной 1922 г. председателем Кабардино-Балкарского облисполкома Б.Э. Калмыкова в наркомат национальностей: «Приехавшая комиссия ВЦИК по установлению границ своими решениями нарушает сложившееся веками землепользование Кабарды... Все соседи предъявили непомерные требования, главным образом, причина выделения Кабарды в автономную область. Карачай, Балкария, Осетия, Дигория, Ингушетия и Терская губерния – все требуют отрезок, вселения, даже переселения кабардинцев. Удовлетворение их требований вызовет неизбежное кровопролитие» [1, с. 66].

Чрезвычайно трудно проходил и процесс определения границ между Осетинской и Ингушской автономными областями, образовавшимися при упразднении Горской республики. Суть территориальных споров двух автономий подробно раскрывается в объяснительной записке председателя Совета Народных Комиссаров Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (СНК ЗСФСР) Ш.З. Элиавы в Президиум ВЦИК, датируемой 31 декабря 1924 г. (док. №103). Он являлся председателем специальной комиссии по установлению границ между четырьмя новыми административными образованиями бывшей Горской Республики. В документе просматривается стремление Центра если не ликвидировать, то сгладить остроту национального напряжения между Северной Осетией и Ингушетией пу-

тем принятия компромиссных решений, в частности, «установления в спорном регионе двоевластия и паритетной ответственности осетин и ингушей» [1, с. 259].

Наряду с рассмотренными политизированными сюжетами, материалы сборника могут быть востребованы при исследовании ряда других важных аспектов национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Так, например, весьма информативны документы по Дагестану, содержащие ценные сведения о процессе «коренизации» партийно-советского аппарата и формировании кадров этнонациональной номенклатуры, проблемах национально-языковой политики, а также культурном строительстве (док.№184, 217).

Большим информационным потенциалом при изучении темы обладают включенные в сборник документы ОГПУ и высших партийных органов СССР. Чрезвычайно важной представляется записка начальника информационного отдела ОГПУ в ЦК ВКП(б) «О политико-экономическом состоянии национальных областей Северного Кавказа», подготовленная в апреле 1928 г. (док. №206). Этот многостраничный документ позволяет в значительной степени подвести промежуточные итоги советского строительства в горских областях и оценить политические настроения отдельных групп населения. В частности, из записки следовало, что спецслужбы СССР рассматривали Северную Осетию как регион с мощным национальным движением. Особую обеспокоенность у ОГПУ вызывал тот факт, что в области национально-государственного строительства в осетинском руководстве и среди интеллигенции доминировала идея объединения Северной Осетии с Южной и Моздокской Осетиями с последующим вхождением нового образования в формате Республики в Закавказскую Федерацию. «Практически идея объединения, – констатировали аналитики ОГПУ, – выдвигалась на каждом съезде Советов и партийных конференциях после раздела Горской Республики (1924 г.) и ставилась не раз на разрешение высших партийных и правительственных органов» [1, с. 550].

Непосредственным результатом появления данной записки стали кадровые перестановки в Северо-Осетинском обкоме ВКП(б) в мае – июне 1928 г.: освобождение от должности ответственного секретаря видного представителя осетинской национальной интеллигенции К.К. Борукаева и замена его назначенцем – «варягом» М.Ф. Питковским.

Одной из важнейших задач советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. было

создание эффективно работающего партийно-советского аппарата. Залог этой эффективности партийное руководство видело в обеспечении принципа «классового подхода» при формировании его кадрового состава и недопущении «социально-чуждых элементов» (кулачества, мусульманского духовенства и т.д.). Материалы сборника в сочетании с другими источниками позволяют оценить, насколько успешно решалась эта задача в 1920-е гг. (док. №207, 216).

Во второй книге документальной публикации «ЦК РКП (б) – ВКП(б) и национальный вопрос» представлены архивные документы, охватывающие 1933 – 1945 гг. Этот период характеризовался переходом сталинского руководства от «национально-дифференцированной политики в отношении этнических обществ к курсу на тотальную унификацию и нивелирование этнонационального многообразия» [2, с. 3]. В документах сборника отражены основные направления развития советской этнополитики в 1930-е гг.: формирование пятиуровневого статуса национальных образований, ликвидация национально-территориальных округов, постепенный отказ от «коренизации» аппарата.

В комплексе архивных материалов по Северному Кавказу отложились сведения о таком значимом аспекте национально-языковой политики, как перевод письменности горских народов с латиницы на кириллицу (док. №64, 106). Достаточно широко в книге представлены документальные источники, освещающие репрессии против «буржуазных националистов», к числу которых сталинский режим причислял высокопоставленных работников партийно-советского аппарата автономных республик.

Таким образом, документальные издания являются информативным источником для исследования ряда актуальных вопросов национально-государственного строительства на Северном Кавказе. В сочетании с неопубликованными документами из центральных и региональных архивохранилищ они позволяют рассмотреть основные тенденции становления и развития советской государственности горских народов в 1920 – 1930-е гг.

1. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1. 1918 – 1933/ сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

2. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.2. 1933 – 1945/ сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

**«ТИХОНОВСКИЙ» МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ СТАНИЦЫ
АРХОНСКОЙ: К ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО ПОДПОЛЬЯ В
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ (1920–1930)**

После Октябрьского переворота Русская Православная Церковь оказалась в сложном положении. Первые законодательные акты, и, в первую очередь, декрет о свободе совести, провозгласили четкую антицерковную направленность политики советской власти. Переход от слов к делу не заставил себя долго ждать. Вскоре начались массовые кампании по изъятию церковных ценностей, закрытию храмов и репрессии против священнослужителей. Однако, как показала практика первых силовых мер, в открытой борьбе скорой победы одержать не удастся. Тогда, осознав невозможность быстрой ликвидации Церкви, советская власть взяла курс на медленное, но верное разложение ее изнутри. Так, при непосредственном участии советских органов власти, и, в первую очередь, 6-го отделения Секретного отдела Государственного политического управления под руководством Е.А. Тучкова был организован церковный раскол и всяческая поддержка обновленческого движения. Справедливости ради стоит отметить, что идеи церковного обновления и привлечения внимания к нуждам Церкви появились задолго до событий 1917 г. [6], но только с привлечением административного и силового ресурса государства самые радикальные идеи церковной реформации удалось осуществить на практике.

Целый ряд причин способствовал тому, что довольно быстро обновленческая иерархия смогла утвердиться и на юге России. Уже в январе 1923 г. состоялся переход самообразованного Владикавказского епархиального управления в обновленчество, а в ноябре 1924 г. была образована Северо-Кавказская митрополия, включавшая в свой состав и Владикавказскую епархию, на опустевшую кафедру которой, 1 марта 1924 г. с титулом архиепископа Владикавказского и Грозненского был назначен ставленник обновленческий церкви Мелхиседек (Николаев Михаил Иннокентьевич) [9, с. 355].

Но даже в ситуации обновленческой Владикавказской (с 1931 г. Орджоникидзеvской) епархии сохранялись отдельные, существовавшие на полулегальной основе, священнослужители и общины верующих, сохранявших верность Патриаршей, или, как ее называли органы советской власти, «тихоновской» Церкви. Оплотом Патриаршей

Церкви в это время стало монашество, активно противостоявшее обновленческому расколу.

Национализация церковного имущества, провозглашенная «Декретом о свободе совести, церковных и религиозных обществах», стала юридической основой для последующего закрытия монастырей. И если, в 1920-е гг., с официальным закрытием обители, ее насельники еще могли существовать в пределах монастыря, то со вступлением в силу постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», монашество окончательно оставалось за пределами законной религиозной деятельности.

В Северной Осетии одним из примеров полулегальной монашеской общины Патриаршей Церкви была община «тихоновского молитвенного дома станицы Архонской». Она существовала с 1929 до 1937 г., и действовала параллельно с приходским станичным храмом святого благоверного князя Александра Невского.

Из материалов уголовно-следственного дела № 9099 следует, что молитвенный дом в станице Архонской организовала в 1929–30 гг. Руденко Ирина Яковлевна [1]. Следствие ее идентифицирует как монахиню, но при этом не называет ее имя в иночестве, и не указывает, к какому именно монастырю она относилась. Однако из других источников известно, что И.Я. Руденко – схимонахиня Иерофия – родилась в 1894 в ст. Архонской, во Владикавказском Покровском женском монастыре была пострижена в монахини, и несла послушание певчей [5, с. 79]. В 1921 г. распоряжением ЦИК Горской ССР Покровский женский монастырь был закрыт. Не желая покидать родную обитель, в мае 1921 г. сестры образовали трудовую общину [6, с. 64–65]. К 1923 г. большая часть монастырской территории была отдана под сельскохозяйственную выставку, и лишь небольшая часть монастырского двора со зданием церкви всё ещё принадлежала женскому монастырю [5, с. 72]. В 1932 г. с закрытием Покровской церкви, сестры были вынуждены оставить обитель.

На момент ареста 25 февраля 1937 г. И.Я. Руденко работала уборщицей общежития Северо-Кавказской железной дороги в Орджоникидзе. Материалы следствия упорно называют ее «монашкой» и «лишенной избирательных прав». Как известно, согласно ст. 69, п. «Г» Конституции РСФСР 1925 г. в категорию «лишенцев» попадали «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией». Вышеперечисленные обстоятельства дают основания считать, что даже после ликвидации Покровского женского монастыря, И.Я. Руденко, работая

в госучреждении, продолжала исполнять монашеские обеты и «с разрешения местных органов власти она в ст. Архонской открыла молитвенный дом» [1].

УНКВД по СО АССР предъявило И.Я. Руденко стандартные в то время обвинения в том, что она «с 1929–30 г. вплоть до ареста проводила систематическую контрреволюционную агитацию, распространяя провокационно-клеветнические измышления по вопросу колхозного строительства, агитирую крестьянство против вступления в колхозы. С целью развала колхозов, агитировали колхозников не выходить на колхозную работу в воскресные и религиозно праздничные дни, вели агитацию среди колхозников за выход из колхозов». Похожие обвинения в организации «контрреволюционной работы, путем систематической контрреволюционной агитации и распространения различных провокационно клеветнических слухов, направленных против Советской власти и проводимых ею мероприятий» были предъявлены также членам тихоновского молитвенного дома ст. Архонской монашине Диденко Марии Трофимовны, «беглой кулачке монашке» Сергеевой Евдокии Поликарповны и кулачке Величко Анастасии Яковлевны [1]. Последняя обвиняемая в деле больше нигде не упоминается, а в отношении остальных материалы следствия представляют следующие данные.

М.Т. Диденко родилась в 1896 г. в ст. Змейской Кировского района СО АССР, «русская, девица, монашка, из крестьян-кулаков, без определенных занятий, до ареста проживала в ст. Архонской». Из материалов следствия остается неизвестным когда, в каком монастыре и с каким именем она приняла постриг, но очевидно, что на момент ареста оставалась монахиней. Следствие обвиняло ее в том, что она «в 1931 г. вошла в контрреволюционную группировку церковников и вплоть до ареста вела организованную контрреволюционную работу, путем систематической контрреволюционной и антисоветской агитации среди верующей массы», т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 ч. 2-я и 58 п. 11 УК РСФСР [1].

Е.П. Сергеева родилась в 1892 г. в деревне Ильинка, Балашовского района, Нижне-Волжского края (ныне – Балашовский муниципальный район Саратовской области), «русская, девица, монашка, из крестьян-кулаков». В 1930 г. как кулачка вместе с семьей она была выслана в таежный поселок Ерма Пинежского района Северного Края (ныне – Пинежский муниципальный район Архангельской области), откуда совершила побег в 1931 г вместе с сестрой Дарьей, и приехала к брату в г. Орджоникидзе. Следствие обвиняло ее в том, что она

«будучи высланной в 1930 г. ..., произвела побег в 1931 г.» и в том, что «после побега осела в г. Орджоникидзе, вошла в период 1934 г. в контрреволюционную группировку церковников и до ареста вела организованную контрреволюционную работу, путем систематической контрреволюционной и антисоветской агитации». Эти обвинения были предусмотрены ст. 82 УК РСФСР и ст. 58 п. 10 ч. 2-я и 58 п. 11 УК РСФСР [1]. М.Т. Диденко и Е.П. Сергеева вплоть до ареста были лишены избирательных прав как «действительные монахини». В отношении Е.П. Сергеевой также остается неизвестным место ее пострижения и иноческое имя. Тем не менее, главным обвиняемым в деле значился «священник тихоновской церковной общины в ст. Архонской» иеромонах Гавриил Филиппович Печерский [1]. Под таким именем он фигурирует в деле, под этим же именем он записан в паспорте, выданном ему в 1936 г. К сожалению, его монашеское имя в деле не указано.

Г.Ф. Печерский родился в 1869 в с. Березки Ольгопольский уезд Каменец-Подольской губернии (ныне – Чечельницкий район Винницкой области Украины), по происхождению русский, «из крестьян-средняков». До революции 1917 г. он находился в «Троицком монастыре в гор. Киеве». В анкете арестованного не уточняется, в каком именно Троицком монастыре иеромонах Г.Ф. Печерский принял постриг, но указано, что при монастыре он закончил 3-х годичную школу. Далее отмечается его нахождение до 1917 г. в Свято-Георгиевском монастыре в г. Балаклаве. Как и большинство православных обителей на территории СССР Свято-Георгиевский монастырь в 1922 г. был закрыт, а имущество национализировано. На его базе был создан совхоз «Георгиевский монастырь», а храмы и ряд построек были переданы общине верующих, в число которых вошли и монахи, по-прежнему проживавшие в стенах обители. Окончательно обитель была закрыта в 1929 г, монастырские здания были переданы ОСОАВИАХИМу под санаторий, а храм Рождества Христова отдала Севастопольскому музейному объединению, в храме Воздвижения службы продолжались до 1930 г. [5] С этого года иеромонах Г.Ф. Печерский уже значится в статусе «священника тихоновской церковной общины» ст. Архонской.

Практически сразу после появления в пределах Северной Осетии, в отношении иеромонаха Г.Ф. Печерского были предприняты репрессивные меры. В 1931 г. Северо-Осетинским областным судом он был осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 2 года, но Верховным судом дело было прекращено. В том же году к

2 годам лишения свободы была приговорена и схимонахиня Иерофия (Руденко) [8, с. 461]. Таким образом, жизнь тихоновской церковной общины, с самого момента образования, находилась под пристальным контролем органов НКВД, и ее активные члены не раз подвергались судебным преследованиям.

Арест иеромонаха Г.Ф. Печерского состоялся 3 января 1937 г., одновременно с арестом монахинь М.Т. Диденко и Е.П. Сергеевой. 25 февраля 1937 г. была арестована и схимонахиня Иерофия (Руденко). При аресте и обыске у него было изъято 8 богослужебных книг, 23 нательных крестика, один нагрудный и один ручной крест, богослужебные предметы и «разная переписка». Согласно обвинительному заключению от 15 апреля 1937 г. иеромонаху Г.Ф. Печерскому вменялось в вину, что «будучи враждебно настроен по отношению к Соввласти и коммунистической партии, совместно с монашкой Руденко И. организовал контрреволюционную группу из кулацко-репрессированного и монашествующего элемента, используя религиозные предрассудки верующей массы, проводили организованную контрреволюционную работу, направленную на подрыв мощи Советского Государства путем систематической контрреволюционной агитации среди массы верующих». Данные обвинения соответствовали ст. 58 п. 10 ч. 2 и 58 п. 11 УК РСФСР. Из обвинительного заключения следует, что обвиняемый «виновным себя не признал, но полностью изобличается свидетельскими показаниями».

Протокол допроса иеромонаха Г.Ф. Печерского от 26 февраля 1937 г. указывает на еще одно характерное для данного периода обвинение, а именно: в распространении «контрреволюционных провокационных слухов перед Всесоюзной переписью населения». При каких обстоятельствах проходили допросы можно только догадываться, но священнослужитель не подтвердил и эти обвинения.

В отношении «контрреволюционной группировки церковников», в том числе, были предъявлены обвинения, что ее члены: «в период сплошной коллективизации проводили агитацию среди крестьян против вступления в колхоз, а среди колхозников против выхода на работу в воскресные дни и дни религиозных праздников»; «в целях достижения успеха в контрреволюционной агитации использовали погромную литературу «Протоколы сионских мудрецов»; вели агитацию среди рабочих швейной фабрики, чтобы не вступали в профсоюз, не участвовали в общественной жизни, не ходил в клуб, кино» и т.д.

Приговором Верховного суда СО АССР от 2 августа 1937 г. И.Я. Руденко была осуждена по ч.2 ст. 58-10 УК РСФСР к восьми го-

дам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет; М.Т. Диденко осуждена к пяти годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет; С.Е. Поликарповна осуждена по ст. 82 УК РСФСР к трем годам лишения свободы, по ч.2 ст. 58-10 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы, а по совокупности преступлений к пяти годам лишения свободы, с поражением в правах на пять лет. Определением Специальной Коллегии Верховного суда РСФСР от 20 октября 1937 г. приговор суда оставлен без изменения [9].

Судьба иеромонаха Г.Ф. Печерского сложилась еще более трагично. За полтора месяца до суда, 21 июня 1937 г., он скончался в тюрьме НКВД гор. Орджоникидзе «от паралича сердца на почве инфекционного заболевания», и дело в отношении него судом было прекращено [1]. Полугодичное пребывание 68-летнего иеромонаха Г.Ф. Печерского в тюрьме НКВД само собой могло приравняться к смертному приговору. Литератор и советский служащий Б.А. Бтемиров, арестованный в 1930 г., оставил свои воспоминания о пребывании в камере № 10 этого же пенитенциарного учреждения, которое располагалось в подвале УНКВД по СОАССР (г. Владикавказ, угол улиц Бутырина и Ленина, ныне – здание Министерство образования и науки РСО-А). Вот что он пишет: «Площадь нашей камеры равнялась примерно тридцати пяти или сорока квадратным метрам... На полу буквально не было свободного места, где можно было стать ногами... Еще в первую секунду я начал задыхаться от невыносимой душливой вони, столбом стоящей в камере... вся площадь камеры была занята густой массой голыми грязными человеческими телами, как селедка в бочке. Один ряд лежал на нарах вдоль камеры у противоположной стены, другой ряд был на полу в таком же порядке, с десяток лохматых голов выступало из-под нар третьего ряда...» [3, с. 87-88]. Всю эту безрадостную картину дополняло «неимоверное количество клопов, тараканов, прусаков и других разных насекомых». Выжить престарелому человеку в подобных антисанитарных условиях было практически невозможно.

Таким образом, молитвенный дом «тихоновской церковной общины», основу которого составляли иеромонах Гавриил Печерский и три монахини был уничтожен. Выступая с докладом на II Орджоникидзевской партийной конференции 23 мая 1937 г., заместитель начальника Управления НКВД по Северной Осетии С.З. Миркин, помимо прочих успехов «по разгрому контрреволюционной нечести», рапортовал об аресте «двух групп попов и монашек, ведущих широкую разведыва-

тельную и контрреволюционную работу, как в городе, так и в станицах нашей Республики [9, с. 203]. Представителями одной из этих групп и являлись организаторы молитвенного дома в ст. Архонской.

На примере полулегального, состоящего из черного духовенства, «тихоновского молитвенного дома» мы видим один из способов выживания Церкви в условиях гонений. Объявленное вне закона монашество уходило в «подполье», видимой стороной жизни которого становилась официальная работа в советских учреждениях, а тайной – соблюдение монашеских обетов и богослужения. Церковный историк А.А. Беглов отмечает массовый характер появления подобных общин, образовавшихся после закрытия монастырей: «В 1922–1929 гг., практически вся территория страны, особенно европейская часть России и Украина, оказалась покрыта сетью небольших (от 3-4 до 20-30 человек) «домашних» монастырей» [10, с. 43-44]. Но, несмотря на, репрессии 1937–1938 гг., они продолжили быть заметным явлением в церковном подполье и в 1940-е гг.

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Северная Осетия – Алания. Фонд уголовных дел на лиц снятых с оперативно-следственного учета – № 9099.

2. Беглов А.А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет РПЦ, «Арефа», 2008. 352 с.

3. Бтемиров Б. «Я потерял свое имя...» // Историко-филологический архив. 2004. № 1. С. 72-88.

4. Википедия – сводная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Георгиевский_монастырь_\(Балаклава\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Георгиевский_монастырь_(Балаклава)) (дата обращения 19.02.2017).

5. Журавлева Л.Д. Летопись Владикавказского Покровского женского монастыря. Владикавказ: Терские ведомости, 2014. 112 с.

6. Канукова З.В., Хубулова С.А. Дорога к храму: из истории конфессиональной жизни Владикавказа во второй половине XIX – начале XXвв. / Владикавказ, 2000.

7. Киреев Ф.С. По улицам Владикавказа. Ростов-на-Дону, 2007. 240 с.

8. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. / сост. А.Б. Зураев. Владикавказ, 2006. Т. 2. 677 с.

9. Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Общество любителей церковной истории, 2016. 733.

10. Царикаев А.Т. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии (1920–1930-е гг.). Сборник материалов. Владикавказ, 2009. 320 с.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

После Февральской революции 8 (21) марта 1917 г. во Владикавказе был создан Совет рабочих депутатов, в середине марта – Совет солдатских депутатов, которые в мае объединились. Руководство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам. Местным органом власти буржуазного Временного правительства являлся Гражданский исполком Владикавказского округа, учрежденный 5 (18) марта и подчинявшийся Гражданскому исполкому Терской области. 1 (14) мая на съезде представителей социальных верхов и духовенства горских народов во Владикавказе был образован ЦК контрреволюционного «Союза объединенных горцев», добивавшихся по указке империалистов отделения горцев Северного Кавказа от России.

Летом 1917 г. в Северной Осетии возникла революционно-демократическая партия «Кермен». 4 (17) ноября 1917 г., после победы Октябрьской революции, Владикавказский совет по докладу делегата II-го Всероссийского съезда Советов С.М. Кирова принял резолюцию о признании Советской власти. Руководители партии «Кермен» в телеграмме на имя В.И. Ленина приветствовали Советское правительство [1,81]. Но силы реакции не сложили оружия. 1 (14) декабря 1917 г. во Владикавказе образовалось контрреволюционное Терско-Дагестанское правительство. 30 декабря контрреволюционные силы разгромили Владикавказский совет и партийный комитет большевиков.

В установлении Советской власти в Северной Осетии, во всей Терской области, большую роль сыграли съезды народов Терека [2]. Летом 1918 г. активизировались силы контрреволюции, поддержанные иностранными империалистами. 20 июня был предательски убит председатель Совнаркома терской республики Ной Буачидзе. В г. Моздок началось антисоветское восстание во главе с Г. Бичераховым. Контрреволюционные силы ворвались во Владикавказ, но к 18 августа 1918 г. силами красноармейских отрядов, рабочих дружин, отрядов осетин, ингушей, грузин во главе с чрезвычайным комиссаром Юга России Г.К. Орджоникидзе город был освобожден.

В конце января – начале февраля 1919 г. после ожесточенных боев Северную Осетию захватили белогвардейские войска генерала А.И. Деникина. Партизанские отряды «красных горцев» Д.Тогоева, Х. Ха-

лаева, С. Псахиева были сосредоточены в лесах предгорной Осетии. Они имели между собой тесную связь и взаимодействие с соседними казачьими станицами. 22 марта войска Деникина вынуждены были оставить Владикавказ. 23 марта в город вошли повстанческие отряды, а 31 марта – передовые части XI-й армии. Советская власть была восстановлена во всей Северной Осетии. 17 ноября 1920 г. на съезде народов Терской области во Владикавказе была провозглашена автономная Горская советская социалистическая республика. На съезде был избран верховный орган власти – ЦИК ГАСССР во главе с Т.Э. Эльдархановым и СНК во главе с С.Г. Мамсуровым. Создание на территории отсталой окраины России многонационального государственного образования являлось важным событием в жизни проживающих здесь народов.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 7 июля 1924 г. Северная Осетия была выделена в Северо-Осетинскую автономную область в составе РСФСР. В 1925 г. область вошла в состав Северо-Кавказского края. 5 декабря 1936 г. по Конституции СССР Северная Осетия была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику со столицей г. Орджоникидзе.

С начала весны 1920 г., когда на Северном Кавказе в основном закончилась Гражданская война, в Северной Осетии после национализации земли крестьяне получили 566,2 тыс. десятин земли. В области остро стоял вопрос о переселении малоземельных крестьян из горных селений на плоскогорье. Наделение землей осетинских крестьян проходило за счет земель выселенных казаков. Переселившиеся на плоскость 30 тысяч осетин создали новые селения, государством им были предоставлены особый кредит и льготы по налогам. В 1925 – 1926 гг. единый сельхозналог для области был снижен на 50 процентов, а бедняки полностью освобождались от его уплаты. Для увеличения производства кукурузы, основной сельскохозяйственной культуры в регионе, государство выделило 150 тысяч рублей золотом. В 1925 г. в области было 28 тракторов. Во Владикавказе работали сельхозкурсы. Молодежь из Северной Осетии получала образование в вузах и техникумах различных городов Российской Федерации. В 1924 – 1925 гг. на нужды народного образования было выделено 32,4 % местного бюджета, что обеспечило строительство новых школ и рост числа обучающихся в них почти вдвое [3, 227].

Во второй половине 1920-х и в 1930-е годы продолжалось совершенствование автономных национальных государственных образований на Северном Кавказе. С принятием 5 декабря 1936 г. новой

Конституции СССР Северная Осетия получила статус автономной республики.

К началу индустриализации сложным оставалось социально-экономическое положение Северной Осетии. В производстве и торговле еще сохранял позиции частный сектор. Число безработных составляло около 2,5 тыс. человек. Индустриализация способствовала быстрому развитию промышленности. За годы первой пятилетки в Северной Осетии построено и введено в действие 45 предприятий [4,215].

Партийные и советские организации широко развернули кампанию по претворению в жизнь указаний В.И. Ленина о ликвидации неграмотности среди населения страны под лозунгом «Долой неграмотность!». Большая работа развертывалась и в Северной Осетии. 18 июля 1921 г. СНК Горской республики принял постановление, в котором были сформулированы задачи в деле организации работы по ликвидации неграмотности среди населения. Органы народного образования организовывали ликпункты и школы малограмотных. Они создавались при клубах, избах-читальнях, школах. Срок обучения в ликпунктах устанавливался в 4 месяца.

Работа по ликвидации неграмотности в первую очередь проводилась среди организованной части населения, т.е. среди членов партии, РКСМ, женотдела, членов профсоюза, милиции, допризывников. Успехи в ликвидации неграмотности в Северной Осетии из года в год росли. К середине 1930 года здесь функционировали 609 пунктов по ликвидации неграмотности, а число учащихся составляло 20843 человека [5, 130].

Стремление к учебе, к знаниям в Северной Осетии стало всеобщим явлением. Это отмечала Е. Кокиева в своих путевых заметках «По горной Осетии», опубликованных в журнале «Новый мир» в 1929 году [6, 265-266].

Из года в год количество неграмотных сокращалось. В 1930 г. процент неграмотности населения Северной Осетии составлял 65%. В 1931 г. здесь функционировало 600 ликпунктов [5,165]. По переписи населения 1939 года грамотность среди населения Северной Осетии составляла 78,7 процента.

После завершения восстановления народного хозяйства, разрушенного в годы первой мировой войны и Гражданской войны, Советская страна приступила к реконструкции всего народного хозяйства. Новые промышленные предприятия строились на основе новейших достижений науки и техники. Одновременно решался вопрос об их обеспечении кадрами высокой квалификации.

-
1. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе. 1972.
 2. Съезды народов Терека. Сб. документов и материалов в 2-х томах. Орджоникидзе. 1977-78 гг.
 3. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М., 2006.
 4. История Северо-Осетинской АССР. Советский период. Орджоникидзе, 1966.
 5. Культурное строительство в Северной Осетии (1917 – 1941гг) Сб. документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе, 1974.
 6. *Кокиева Е.* По горной Осетии (Путевые заметки) // Новый мир, 1929, №2.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Т.А. Булыгина

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК ОБРАЗ НОВОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Одной из актуальных и дискуссионных проблем современной исторической науки является природа исторической памяти. Особенности ее формирования, функционирования, структуры не один год обсуждаются в отечественной и зарубежной литературе [1, 2, 12, 13, 23, 24, 25]. 100-летие Российской революции 1917 г. является основанием для продолжения разговора об исторической памяти. Дело в том, что это событие мирового значения неоднократно становилось объектом манипуляции в системе государственной идеологии. При создании нового советского общества память о революции использовалась как отправной элемент формирования новой модели исторического знания и как базовое понятие при выработке государственной идеологии марксизма-ленинизма. В 1990-е гг. революция 1917 г. стала опорным пунктом развенчания советской социально-политической системы как точка забвения советского прошлого. Сегодня пришло время ученых рассматривать Российскую революцию как объект и предмет своих исследований.

В период становления советского общества перед его создателями стоял целый комплекс задач от выработки эффективных форм власти и управления до новой социокультурной реальности с ее «новым человеком», новыми символами и образами, новыми социальными отношениями. При решении этих задач ключевую роль играли события 1917 – 1920 гг., которые выполняли функции символов и структурных элементов. Метафоры «Октябрь», «Октябрьская революция», с одной стороны, были образом начала новой истории, нового мира, с другой сами нуждались в толковании с позиций большевистской власти как средство выработки нового типа исторической памяти. Эта новая модель должна была внедряться в массовое сознание и стать основой советской духовности.

Для реализации этого грандиозного замысла создавались специальные структуры, среди которых особое место принадлежало Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии при ЦК РКП (б) – ВКП (б) (Истпарт). Создание отделений Истпарта на местах делало его работу всеобъемлющей. Вместе с тем, региональные комиссии Истпарта отличались разной степенью интенсивности и другой спецификой их работы. Не были исключением и отделения Северного Кавказа.

Базой для формирования новой модели исторической памяти и новой историографии стали источники Революции 1917 г., истории партии и Гражданской войны. Именно эти источники призваны были утвердить в массовом сознании идею объективности и прогрессивности этих событий. Одним из направлений деятельности местных отделений Истпарта как раз и стало собирание и фиксация источников. Именно для этого был создан отдел Истпарта, который тесно взаимодействовал с Главным архивным управлением (Главархивом). Работа по сбору источников по истории революционного, национально-освободительного движений и большевизма в регионах начиналась с восстановления местных архивов, которые подчинялись государству.

Призыв к добросовестной и кропотливой работе по сбору архивных документов в обращении Истпарта «Ко всем членам партии» в 1920 г., чтобы спасти «до малейшего клочка бумаги все, что хранит на себе след революции» [11, с. 6], помог не только собрать свидетельства о революции и большевиках. Это позволило сохранить косвенные источники о революции – документы губернских учреждений, жандармского управления и полицейских органов. Не надо забывать, что в прежней историографии революционной тематики не было по определению, поэтому сбор революционных и партийных документов открывал исследователям-историкам новые возможности.

В то же время толкование этих источников было связано не с поисками исторической истины, а с идеологическими установками, которые влияли и на источниковедческий анализ. Так, активный участник революции, заместитель председателя ВЦИК и ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова В. Невский, разработавший план деятельности Истпарта, считал абсолютно достоверными только партийные документы. Заслуживали внимания, по его мнению, воспоминания большевиков – участников революционных событий. Архивные же документы до 1917 г. он считал не заслуживающими доверия, «мутными» [3, с. 9–10]. В сознании общества начала 1920-х гг. еще не успела утвердиться тоталитарная модель единственной исти-

ны, исходящей от вождя. В условиях относительной свободы мнений даже некоторые деятели самого Истпарта выражали иные точки зрения. К примеру, один из инициаторов создания этой Комиссии, деятель революционного движения М.С. Ольминский настаивал на том, чтобы находить и сохранять «не только все печатные наши газеты, наши листки, наши брошюры и плакаты, но и белогвардейские» [17, с. 135].

Для работы по сбору источников Истпарт в 1921 г. разослал местным истпартам специальную инструкцию по выявлению и сохранению архивных документов. Эта задача оказалась непреодолимо сложной. Бумажный дефицит толкал и власть, и население использовать архивы для своих нужд: как упаковочную тару, средство розжига, материал для самокруток. Местными органами власти архивные документы широко использовались для ведения делопроизводства. Кроме того, в условиях материальной бедности и разорения в результате Гражданской войны в Северо-Кавказском регионе не было пригодных условий для хранения архивов. Помощница управляющего архива Октябрьской революции А.М. Рахлина, командированная в 1922 г. в города Юга России и Кавказа для сбора материалов по истории Гражданской войны, вспоминала, что архивы массами гибли, продавались и расхищались [10, с. 93]. Гибло множество ценных документов и на Ставрополье, зачастую из-за небрежного отношения советских работников, которые использовали документы истории для нужд канцелярии и на обертки [14, с. 317].

С другой стороны, местные истпарты призваны были осуществлять контроль над классовой благонадежностью профессиональных архивных работников, которые не осознавали новых требований к содержанию архивов. Таким образом, противоречие между профессиональной и социальной состоятельностью архивистов приводило к тому, что архивные службы теряли специалистов. Профессиональные кадры замещались классово близкими, но невежественными работниками, что отрицательно сказывалось на деятельности архивов. Думается, это поняло и руководство страны, когда в середине 1930-х гг. был организован Московский государственный историко-архивный институт. Однако в начале 1920-х гг. до осознания складывавшейся ситуации было еще далеко. Пока же фиксировалась мысль, что «официальные хранители губернских архивов» не понимают возложенных на них Центрархивом задач [15, с. 280].

Одним из главных противоречий, серьезно мешавших эффективной деятельности региональных отделений комиссии по сбору и из-

учению материалов по истории партии и истории революционного движения, было несоответствие профессионального уровня работников их классовой принадлежности. Это подтверждает судьба заведующего Терским истпартом Всеволода Ростиславовича Апухтина. Он был профессиональным археологом, военным, музейным работником и грамотным историком, поэтому с профессиональной точки зрения немало сделал для становления работы местного истпарта. Однако главной его виной было его дворянское происхождение и беспартийность. Вот почему партийно-советская власть Терского округа не доверяла ему как «чуждому элементу». После установления советской власти на Кавминводах у него конфисковали имущество, включая ценные экспонаты. За неимением квалифицированных специалистов его в 1921 г. назначили заведующим Терским истпартом. Однако 1 января 1924 г. В.Р. Апухтин был отстранен от занимаемой должности с формулировкой «как совершенно безынициативный (беспартийный) и несоответствующий» [21, л. 3]. В. Апухтин переехал в Ставрополь, где возглавил архивное бюро округа, но опять ненадолго, т.к. не мог «представлять собою истпарт, как человек беспартийный» [20, л. 16]. Еще в 1928 г. В.Р. Апухтин работал в краевом бюро краеведения в Ростове-на-Дону, но дальше его следы теряются.

Определенную роль в формировании новой модели исторического сознания сыграли так называемые политические секции истпартов. В их фондах хранились материалы дореволюционного периода. В основном, это секретная часть архивов губернаторов, архивы градоначальств, полицейских управлений и охранных отделений, судебных органов всех уровней, тюремные архивы, а также материалы периода Февральской революции 1917 г. [26, л. 5–7] В Ставропольском округе политическая секция архивного бюро была организована осенью 1924 г., в которой были выделены 16 архивных фондов. Это архив Губернского Правления, архивные фонды суда, Ставропольской Городской Управы и Ставропольского Губернского Земства, в которых отражались события революционного движения [5, л. 7, 11].

Членов большевистской партии обязывали в порядке партийной дисциплины сдавать «листочки, газеты, всякого рода протоколы парторганизаций, фотографические карточки съездов, конференций, отдельных партработников в фонды истпарта [27, л. 26 г]. В резолюции III Терской губернской партийной конференции в 1922 г. прозвучало требование ко всем партийцам сдавать в истпарт материалы и воспоминания [20, л. 5]. Таким образом, формирование архивной источниковой базы под контролем партии и государства стало одним из

первых условий конструирования нового исторического мышления, стержнем которой должна была стать официальная советская идеология.

Важным обстоятельством при создании новой модели исторической памяти стала регламентация использования архивных данных. Это, в первую очередь, касалось работы с документами небольшевистских политических партий, с материалами Белого движения. Источники были подразделены на важные и второстепенные. К первым относились документы большевиков, а документы враждебного большевизму лагеря пока еще не были полностью засекречены и запрещены к использованию, как это произошло позже, а ограничивались выявлением данных «о наших организациях». Истпарты рекомендовали историкам базироваться в своей исследовательской практике на документы советских и партийных органов. Широкое использование в историческом тексте документов жандармского управления, судебных палат, охранных отделений теперь трактовалось как политическая ошибка, за которой шли серьезные политические последствия вплоть до репрессий. Полное воспроизведение «враждебных» материалов, которые в начале 1920-х гг. местные истпарты часто перепечатывали в своих сборниках, во 2-ой половине 1920-х гг. было запрещено. Центральный Истпарт утверждал, что важными сведениями, которые можно в них почерпнуть, были вещественные доказательства, даты показаний свидетелей и обвиняемых, а не заключения прокурора и суда [15, с. 281]. В частности, глава Северо-Кавказского истпарта заявлял, что одним из главных изъянов предыдущей деятельности местной комиссии был тот факт, что «собирался всякого рода материал, в том числе белогвардейский, привлекались к работе даже бывшие кадеты». Например, бывшая глава Кубанского истпарта Полуян-Верецкая разыскала дневник генерала И.Г. Эрдели, возглавлявшего конницу А.А. Корнилова в боях за Екатеринодар, и готовила его к публикации. Пока живы были и работали старые революционеры и архивисты-профессионалы, такому мнению противостояла позиция, которая состояла в том, что изучение документов враждебного большевикам лагеря помогает аргументировать несостоятельность белого движения и контрреволюции в целом [19, л. 46, 97].

К концу 1920-х гг. сложилась противоречивая ситуация. За счет активной собирательской деятельности местных истпартов архивы пополнялись новыми материалами. Одновременно работать с этими материалами исследователям становилось все труднее, т.к. на изуче-

ние фондов местных архивных бюро требовалось специальное разрешение истпартов.

10-летний юбилей Революции 1917 г. ускорил складывание одного из важных элементов новой историографической концепции, которая легла в основу советской модели исторической памяти – хронологии. Архивный материал должен был быть подразделен на 5 периодов. Первый совпадал с началом рабочего движения в России (1870-е гг.) до Первой российской революции (1905–1907 гг.). Вторым периодом именно тогда получил название «годы реакции» (1907–1912 гг.). Остальные периоды делились на время революционного подъема (1912–1917 гг.), Февральской революции (февраль – октябрь 1917 г.), период Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1921 гг.) [28, л. 3, 188]. Следует заметить, что такая хронология была трудно воспроизводима в регионах Северного Кавказа, т.к. здесь лишь в отдельных районах только проклеивались ростки рабочего движения. Кроме того, на характер революционных событий существенно влияли 2 фактора – этнический и солдатский. Однако это как раз в единой хронологии и не учитывалось.

Несмотря на указания и инструкции, получаемые руководством округов и областей Северного Кавказа, местная власть крайне небрежно относилась к архивам. В Кабардино-Балкарской автономной области архивы хранились в открытой комнате и были изъедены мышами. В Ингушетии документы были свалены в сарае и портились от сырости. Архивы Черкесской области также хранились неподобающим образом, и только после личного вмешательства краевого сотрудника был начат процесс сдачи архивов в краевой центр. Одновременно в Ростове-на-Дону происходило оборудование архивохранилища. Небрежное отношение представителей местной партийно-советской власти к архивному делу было тенденцией местной политики и в 1930-е годы. После обследования в 1936 г. работы филиалов Северо-Кавказского партийного архива оказалось, что в автономных областях и республиках, как и раньше, даже секретари обкомов игнорировали процесс приведения в порядок партийных архивов [8, л. 8].

В середине 1930-х гг. главное внимание высших органов партии было направлено на выявление и концентрацию материалов о большевистских вождях, список которых возглавлял И.В. Сталин. Так в новой конструкции исторической памяти ведущее место приобретал культ вождя, который формировался еще в 1920-е гг., но на основе обожествления личности В.И. Ленина. Теперь место его преемника

должен был прочно занять современный вождь, историю которого надо было подправить и украсить. Так, Азово-Черноморский истпарт в 1936 г. должен был особо обратить внимание на сбор материалов, связанных с деятельностью в крае И. Сталина, С. Орджоникидзе, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Андреева, А. Микояна, Л. Кагановича [22, л. 141]. Одновременно Северо-Кавказский истпарт вел поиски документов тех же фигурантов [8, л. 10]. Денег не жалели. Были организованы командировки от Ростова-на-Дону, Осетии, Дагестана, Чечни, Кабарды до Тифлиса, Ленинграда и Москвы [7, л. 17, 18].

Важный инструмент формирования новой модели исторической памяти представляли воспоминания. Способы сохранения воспоминаний участников и свидетелей революционных событий были разными, но обязательным условием становилось централизованное партийное руководство как сбором воспоминаний, так и их содержанием. Еще одним важным обстоятельством, связанным с формированием комплекса воспоминаний была пропаганда новых исторических представлений на базе этих источников. Особенностью этой работы на местах был повышенный интерес к сбору воспоминаний по сравнению с задачами, которые ставил Центр. В предисловии сборника «Пролетарская революция на Дону», изданного в 1922 г. Донским истпартом, воспоминания рассматривались как необходимые яркие краски, которые способны «оживить мертвые буквы документов», вдохнуть «живую душу» [16, с. 4].

Одной из форм фиксации воспоминаний о революции и Гражданской войне было анкетирование живых свидетелей этих событий. Целью анкетирования было выявление начала советской власти в регионах и населенных пунктах. Например, в одной из первых анкет были сформулированы вопросы об особенностях перехода власти в руки рабочих и крестьян в отдельной местности, о формах и времени организации рабоче-крестьянской власти в регионе. Уже на уровне составления анкеты решалась важная идеологическая задача. С помощью вопросников формировалось сознание авторов воспоминаний, а их произведения, в свою очередь влияли на массовое сознание в целом. Уже сама тематика выдвигала на первый план в мировом и российском историческом процессе большевизм и Октябрьскую революцию. Анкеты носили ярко выраженный классовый характер и отражали противостояние близких советской власти и враждебных ей социальных слоев. Дело доходило до того, что некоторые вопросы, например, «имеются ли в регионе остатки старого режима и продолжают ли работать деятели царского режима» становились проверкой

лояльности автора воспоминаний к режиму, когда человек готов был к доносительству.

Надо отметить, что подобная анкета не только была способом сбора информации и формирования новых источников по истории революции, но и средством формирования массового сознания. Характер вопросов утверждал в сознании тех людей, которые работали с анкетами или отвечали на ее пункты, историческую значимость именно этих явлений и событий в новейшей истории России для будущего страны.

Воспоминания становились важным средством пропагандистского воздействия на массы с помощью вечеров и встреч по воспоминаниям. На Северном Кавказе инициатором вечеров воспоминаний на предприятиях был Донской истпарт. Каждый вечер открывался выступлением представителя истпарта, а затем сообщались доклады о революционных событиях в крае, губернии или округе, в конкретном поселении, а также на данном предприятии, выступали участники событий. Такое массивное воздействие на массовое сознание призвано было затвердить главные вехи новой исторической памяти, связать революционный контекст с родным местом, со знакомыми земляками.

Зачастую письменные воспоминания составлялись на основе стенограмм устных воспоминаний и соответствующей их обработке. К примеру, текст воспоминаний Т. Дубинко о революционных событиях на заводе им. Ченцова на Дону, был зафиксирован уже после устного выступления. Эти воспоминания носят уже идеологический налет, т.к. автор заявляет, что с момента свержения царя был уверен в победе социалистической революции [29, л. 25].

Участие в революции и Гражданской войне на стороне красных поднимало социальный статус авторов. Вот почему они обращались во власть с просьбами и требованиями: «я потерял свое здоровье в борьбе за революцию, за право трудящихся и в настоящее время моя жизнь в кошмаре», «прошу дать мне помощи как борцу за свободу... пострадавшему в революции» [6, л. 4 об, 6]. В первые годы советской власти люди обращались в истпарты за справками об их участии в революционном движении. Доказательством этому были воспоминания [5, л. 1].

Устные воспоминания, зафиксированные в анкетах и сборниках в начале 1920-х гг. содержат гораздо больше индивидуальных точек зрения и описаний по сравнению с 1930-ми годами. Работникам истпарта приходилось корректировать эти тексты. Так, в воспоминани-

ях о событиях Гражданской войны во Владикавказе в 1917–1918 гг. были зачеркнуты слова о том, что «вместо развертывания классовой борьбы, развертывалась межнациональная борьба между осетинами и ингушами с одной стороны, Грозненскими рабочими, чеченцами, – с другой, а также казаков с ингушами, что существенно отражалось на революционных событиях. Автор писал, что муллы, князья и кулаки натравливали горскую бедноту на городской пролетариат Владикавказа, Грозного и других местностей с русским населением». Были также перечеркнуты слова С. Орджоникидзе, который призывал, что надо разобраться в сути межнациональных отношений в регионе, «у вас, без этого, все время будет межнациональная рознь, и классовая борьба будет затушевываться» [4, л. 26, 50]. Армавирский истпартотдел считал необходимым при работе групп содействия «обрабатывать» и «проверять» воспоминания участников Гражданской войны «в смысле точности и правдивости фактов, изложенных в материалах путем дополнений, изменений, смотря по существу вопроса» [18, л. 2].

В грандиозном большевистском проекте «новый человек социалистического общества» сошлись многообразные практические и утопические задачи от ликвидации неграмотности и создания «своей» советской интеллигенции до кардинальной переделки массового сознания. В основе этого проекта лежало формирование и внедрение единой советской государственной идеологии. Такая переделка сознания была немислима без конструирования новой модели исторической памяти, отправными элементами были Октябрьская революция и Гражданская война. Эта модель внедрялась и через образовательную систему, и через систему политического просвещения, и через агитационно-пропагандистские мероприятия. В 1920-е – середине 1930-х гг. значительную роль в этом сыграла деятельность местных истпартов.

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

2. *Ассман А.* Длинная тень памяти: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

3. Бюллетень истпарта. М., 1920. №1.

4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.50. Оп.1. Д.23.

5. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.4.
6. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.342.
7. ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.1.
8. ГАНИСК. Ф.66. Оп.1. Д.2.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.р-299. Оп.1. Д.141.
10. История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2010. 694 с.
11. Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). М., 1920.
12. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
13. Нора П.(ред.) Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, СПб: Винок, 1999. 328 с.
14. Пролетарская революция. 1922. №9.
15. Пролетарская революция. 1924. №1.
16. Пролетарская революция на Дону. Сборник первый. Ростов-на-Дону: Госиздат. Ростовское н /Д отделение, 1922. 120 с.
17. Протоколы X съезда РКП (б). М.: Госполитиздат, 1933. 959 с.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.70. Оп.2. Д.31.
19. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299.
20. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.319.
21. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д. 359.
22. РГАСПИ. Ф.71. Оп.2. Д.171.
23. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
24. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 170–220.
25. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2004. 424 с.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.1774-Р. Оп.2. Д.612.
27. ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.166.
28. ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д. 825.
29. ЦДНИРО. Ф.12. Оп. 3. Д. 1320.

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В ходе современных модернизационных процессов многие сферы общественной жизни претерпевают кардинальные изменения, вызванные экономическим кризисом, снижением темпов производства, жизненного уровня большей части населения страны, неудачными реформами, политическими катаклизмами. На этом фоне в активно развивающемся общественном дискурсе одной из ключевых тем становится революция и гражданская война как потенциально возможное состояние общества, переживающего социальные противоречия и управленческие проблемы. Вновь обострилось внимание общества, политиков и ученых к истории революции, 100-летний юбилей которой актуализирует изучение исторического опыта, обретенного в этих событиях.

Северный Кавказ – российская провинция с переплетением многочисленных и разнообразных противоречий, предопределивших в свое время наиболее жестокий характер революции и Гражданской войны. Очевидной необходимостью является углубление анализа сущности революции и Гражданской войны на Северном Кавказе и её составляющих: социально-политической, институциональной, экономической, социально-психологической, социокультурной и других.

Революция и Гражданская война в России, и особенно на Северном Кавказе, является одной из дискуссионных научных проблем, в значительной степени зависимых от смены политического режима. Исследование генезиса проблемы Гражданской войны начинается с 1920-ых годов, когда появились первые описания революционного движения и военных событий, приведших к утверждению новой власти. В эти годы еще не были запрещены работы зарубежных авторов и эмигрантов, а также мемуары участников белого движения. С 1930-ых годов утвердился односторонний классовый подход в исследовании Гражданской войны, события которой освещались с позиций военно-политической истории и принципа партийности. В частности, на Северном Кавказе это в большей степени касалось вопросов отношений большевиков с горцами, роли интервенции, сущности белого

движения. В конце 50-х – начале 60-х годов под влиянием известных процессов демократизации несколько изменился подход к исследованию истории Гражданской войны, появилась возможность ввести в научный оборот новые архивные материалы, объективно исследовать деятельность непролетарских буржуазных партий, многих репрессированных участников войны. Однако этот период был слишком коротким, чтобы изменить методологию исторического исследования, которая становилась аспектом идеологии, и, по сути, выводила за пределы научного поиска многие явления, персоналии, дискуссионные вопросы.

В целом, основным аспектом исследования Гражданской войны на Северном Кавказе долгое время оставался военно – политический, с преобладающим описанием хода военных действий и организующей роли партии большевиков в войне. Из всего спектра социально-политических проблем значительное внимание региональных исследователей привлекал национальный вопрос. Проявилась тенденция к признанию социальных и национальных противоречий на Северном Кавказе главной причиной эскалации Гражданской войны.

Русская эмиграция предприняла весьма тщательную попытку проанализировать причины, смысл и уроки гражданской войны. Были подготовлены многотомные издания: в Берлине – «Архив гражданской войны», «Белое дело», в Париже – «Белый архив», в Праге – «Вольная Сибирь» и «На чужой стороне» и другие. Многие авторы – эмигранты, главную вину в развязывании междоусобицы в России возлагали на большевиков.

Некоторые отечественные историки на рубеже 1980–1990-х годов заявили о пересмотре своих взглядов на отдельные вопросы, связанные с революцией и войной (Г. Иоффе, Е. Гимпельсон, Л. Спирин и другие). В конце 1980 – начале 1990-ых годов академик Ю.А. Поляков впервые представил новую концепцию Гражданской войны в России, призвав исследовать ее со всеми противоречиями, трудностями, ошибками, как единый процесс поиска российским обществом адекватной государственности. Такая позиция Ю.А. Полякова была поддержана многими исследователями, в том числе региональными.

Важно отметить, что перемены 1980-х-1990-х годов открыли новый этап отечественной историографии, сняли запреты с архивных фондов, избавили науку от крайностей и политизированности. Однако вместе с разрушением устаревших представлений, они несли и

немало спекуляций, конъюнктурных тенденций в освещении истории страны, в том числе и истории революции и Гражданской войны.

Современное состояние исследований по проблеме Гражданской войны отличается своей многоаспектностью и методологическим многообразием. История Гражданской войны в регионе пополнилась новой проблематикой, появились исследования по Гражданской войне на Северном Кавказе, а именно на Кубани и Причерноморье, учитывающие социокультурные процессы; предприняты попытки пересмотра взглядов на красный и белый террор, исследовано белое движение в Осетии, описаны отдельные аспекты повседневности, выявлено реальное отношение крестьянского мира к войне, к разным политическим силам. Проведен достаточно глубокий анализ советской историографии, выявивший состояние изученности проблемы, обнаружены новые и переосмыслены известные события Гражданской войны в Осетии.

В зарубежной историографии, где десятилетиями ощущался политизированный подход к рассмотрению сюжетов истории революции и гражданской войны в России, многие авторы не усматривали связи гражданской войны, военной интервенции и Октябрьской революции, не считали гражданскую войну наиболее острой формой классовой борьбы. Часть зарубежных авторов связывает гражданскую войну и военную интервенцию с событиями первой мировой войны и приходит к выводу, что союзники по интервенции в России не преследовали антибольшевистских целей, а руководствовались лишь интересами вооруженной борьбы с государствами — противниками Антанты. В современных условиях буржуазные историки-объективисты признают антисоветскую и контрреволюционную сущность интервенции, соглашаясь с классовым характером гражданской войны, ее политическим содержанием. Заметным аспектом зарубежной историографии являются выводы о пассивности народных масс в поддержке большевиков, о противостоянии нерусского населения как «красным», так и «белым». Вместе с тем следует отметить, что в последние годы в связи с повышенным интересом буржуазной историографии к исследованию проблем социальной психологии и политологии за рубежом предпринимаются попытки дать более сбалансированную характеристику причин фактической победы большевиков в гражданской войне.

Комплексное междисциплинарное исследование даст возможность развития основного, утвердившегося в отечественной истории, социально-политического направления в исследовании Граж-

данской войны, существенно дополнив его культурными, экономическими, социально-демографическими, национально-этническими и социально-психологическими исследованиями. В комплексе, они могут дать максимально полную и достоверную оценку революции и Гражданской войны в широком контексте историко-культурных и социально-экономических процессов в регионе в первой четверти XX века.

Исторический опыт, оформленный в виде аналитических записок, рекомендаций, научно-популярных проектов, может способствовать развитию конструктивного взаимодействия между различными политическими силами и общественными структурами.

Анализ современного состояния исследований по истории революции и Гражданской войны на Северном Кавказе позволяет сделать вывод о том, что за пределами научного анализа остаются многие социальные, экономические, этнодемографические, социокультурные аспекты истории Гражданской войны и ее последствий. Незнанием, но важными аспектами проблемы представляются общественные настроения и их влияние на события в регионе, социальные практики отдельных групп и граждан в конкретных ситуациях, восприятие революции и Гражданской войны обыденным сознанием разных социальных групп населения, зафиксированным в фольклоре, художественной литературе, кинематографе, живописи, скульптуре и т.д. Более глубокому пониманию событий революции и Гражданской войны должно способствовать выявление нового и переосмысление известного событийно-биографического ряда [3;4], роли политических лидеров, в том числе лидеров белого движения.

Социально-психологические методы исследования должны быть применены для глубокого изучения нравственного облика, настроения, устремления участников войны – от военачальника до рядового солдата, крестьянина, рабочего и прочих. Важна и динамика интересов, целей и ценностных ориентации социальных общностей, групп и отдельных людей с точки зрения их места в социально-экономической и политической структуре и жизни общества.

Для глубокого и всестороннего анализа войны необходимо междисциплинарное исследование революции и Гражданской войны, основанное на синтезе ряда гуманитарных дисциплин – истории, фольклористики, литературоведении, искусствоведении, с широким привлечением генеалогических, этно-демографических сведений, материалов устной истории.

В области исторических дисциплин необходимо пересмотреть экономические, этно-демографические, социокультурные аспекты, переосмыслить событийно-биографический ряд, дополнить имеющиеся исследования по военно-политической истории анализом малоизвестных фактов, связанных с красным террором, в частности трагическими событиями в Западной Осетии (Дигории), которые привели к четвертой по счету миграционной волне осетин в Турцию (1918-1922 г.) и образованию там новых осетинских поселений [6]. С широким привлечением генеалогического материала следует ввести в научный оборот малоизвестные имена участников событий, пересмотреть сложившиеся в советской историографии оценки отдельных персоналий [5, с. 132-137].

Изучение наряду с политическими лидерами «простого» большинства, пережившего эту войну, его социальных практик, будет способствовать объективной оценке характера и сущности Гражданской войны.

В области фольклористики интересно исследование осетинских фольклорных текстов периода гражданской войны, в жанровом отношении представляющих собой героические песни и устные рассказы. Каждый жанр насчитывает десятки текстов, включая революционно-агитационные песни, песни о крупных феодалах, о руководителях революционного и белого движения в Осетии, значительная часть которых до сих пор не введена в научный оборот. Устные рассказы также повествуют об участниках «красного» и «белого» движения. Фольклор, как не подвластная официальной идеологии форма культуры, сохранил сведения, которые могут внести значительный вклад в осетинскую фольклористику, а введение в научный оборот фольклорных текстов, в частности героических песен, существенно обогатит источниковую базу и будет способствовать оптимизации фольклористических исследований.

В области литературоведения необходимо определить жанровую специфику, развить тематику и проблематику произведений о гражданской войне; проанализировать тему гражданской войны в творчестве отдельных осетинских писателей, показать художественное своеобразие воссоздаваемых характеров в произведениях осетинских писателей XX в. Литературоведческий анализ способствует более глубокому пониманию общественных настроений, психологии исследуемой эпохи [2]. Изучение осетинской художественной литературы о гражданской войне поможет глубже понять развитие историко-лите-

ратурного процесса. Исследование, раскрывающее художественную эволюцию осмысления темы гражданской войны в произведениях писателей XX в., восполнит существующий в осетинском литературоведении пробел в изучении данной проблематики.

В области художественной культуры актуальны исследования произведений киноискусства, театрального искусства, живописи и скульптуры, посвященные революции и Гражданской войне. Художественные полнометражные фильмы осетинского кинематографа, снятые в жанре историко-революционной драмы: «Жизнь, ставшая легендой», «Буйный Терек», «Костры на башнях» и др. показывают события, которые являются предвестниками тех ожесточенных боев на Тереке в период Гражданской войны. В канву истории страны вписаны истории конкретных семей, показана трагедия близких людей, ставших по разные стороны исторической межи. Мотивация их выбора в революции и братоубийственной и кровопролитной Гражданской войне, переосмысление роли «Дикой дивизии» и другие сюжеты и темы, должны стать объектом исследовательского внимания.

В области осетинской живописи и скульптуры ставится задача анализа работ, воплотивших образы и события Гражданской войны. Наряду с произведениями, выполненными под лозунгами «монументальной пропаганды» и воспитания народа в духе нового, коммунистического миропонимания, героизации сражений и доблестных бойцов Рабоче-Крестьянской Армии, необходимо ввести в научный оборот информацию о портретах и памятниках лидеров белого движения, популярных народных героях и событиях. Особого внимания заслуживает анализ плакатов революционного времени. Изучение образов Гражданской войны в искусстве существенно восполнит историю осетинского искусства периода первой четверти XX века и будет способствовать его более глубокому пониманию.

Смежные социальные и гуманитарные исследования оказывают влияние на способы исторической интерпретации прошлого, позволяют существенно расширить исследовательскую базу и арсенал научных методов [1], обеспечить максимально полный охват разных аспектов социальной реальности. Основным методологическим принципом исследования должна стать системность — исследование революции и Гражданской войны во взаимосвязи всех ее составляющих, каждая из которых имеет свои особенные характеристики. «Многослойность» Гражданской войны как исторического явления требует синтеза методологических подходов ряда гуманитарных и со-

циальных наук, применения основанных на них междисциплинарных методов, способствующих получению нового знания, переосмыслению существующих противоречивых интерпретаций и полярных оценок исторических событий и явлений, личностей, политических сил, партий и движений, участвовавших в Гражданской войне. Междисциплинарная интеграция научных направлений, объединенных общим объектом исследования, логическими связями, общими понятиями и методами, методологическим многообразием будет способствовать достижению качественно нового уровня исследования революции и Гражданской войны, даст возможность постановки новых задач, возникающих на междисциплинарных стыках. Глубокое и объективное осмысление исторического опыта революции и Гражданской войны, обоснованное противостояние различным фальсификациям деструктивного характера, комплексное изучение объективного и субъективного в социальной реальности прошлого соответствует интеллектуальным запросам и вызовам времени, должно быть направлено на укрепление общероссийской идентичности, обеспечение конструктивного диалога между государством и обществом, политическими и общественными структурами социума.

1. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, 2009.

2. Дзапарова Е.Б. Песня о буреветнике» М. Горького в осетинских переводах: сравнительно-сопоставительный анализ//Вопросы литературы и фольклора. 2011. № 5. С. 58-76

3. Марзоев И.Б.Т. Осетины в Первой мировой войне//Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 4 (40). С. 85-89

4. Марзоев И.Б.Т. Атабиев Х.А. Забытые герои забытой войны: из истории Кабардинского конного полка //Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 110-127

5. Марзоев И.Б.Т. Личное и потомственное дворянство в Осетии//Проблемы генеалогии и этнонимии народов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 132-137

6. Сокаева Д.В., Канукова З.В., Марзоев И.Б.Т., Дзапарова Е.Б., Дзлиева Д.М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 1 (82). С. 200-206.

**ОТ «РЕВОЛЮЦИИ ВОЗРАСТАЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ» –
К РЕВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ
СОВРЕМЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.)**

В постсоветские годы в российской историографии усилился интерес к экономическим работам русских народников [12; 22]. Труды народников-экономистов (Н.Ф. Даниельсона, В.П. Воронцова и др.) зафиксировали многие существенные тенденции социально-экономических процессов в пореформенной России XIX в., обозначили специфику и противоречивость «обуржуазивания» России, вступившей на путь капиталистической модернизации.

Многолетняя ориентированность советской историографии лишь на критику народнических работ скрывает лучшее, что было в этой литературе. А ведь ее ценил К. Маркс, для которого она оказалась в эпицентре позднейших научных поисков. Не случайно статью Н.Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного хозяйства» К. Маркс назвал «оригинальной в лучшем смысле этого слова» [16, с.127].

К кругу народнической экономико-публицистической литературы относится и обширный очерк А.Г. Ардасенова, опубликованный под псевдонимом В.-Н.-Л. [7]. Автор этого очерка в 70-е гг. XIX в. – время своей революционной молодости, был членом петербургской организации «чайковцев», московского «Общества пропагандистов», руководителем Владикавказского народнического кружка и около десяти лет провел в тюрьме и ссылках [5; 6]. Впоследствии он посвятил себя общественной и научной деятельности, работая в области лесного хозяйства Закавказья, опубликовал ряд статей в кавказской периодической печати. «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» – наиболее крупная и интересная его работа.

В центре внимания А.Г. Ардасенова – историческая ситуация «встречи» отставшего традиционного общества (а он пишет преимущественно об осетинах, осетинском обществе, хотя касается и чеченцев и ингушей) с европейской цивилизацией, ситуация включения в мировой процесс буржуазного развития (через российский рынок) аграрного по преимуществу региона. Происходит встреча двух различных фаз исторического развития. И это столкновение несет в себе

с исторической, экономической и социально-культурной точек зрения ряд оригинальных моментов.

В начале очерка автор дает краткую характеристику социально-экономического состояния докапиталистических горских обществ, всецело живших натуральными формами хозяйства, где ни один промысел не развился до степени ремесла, где сильно родовое начало. Здесь не знали вовсе товарно-денежных отношений, ограничиваясь лишь меновыми связями – и тем разительнее был контраст с реальностями пореформенного развития. «В настоящее время туземцы Северного Кавказа вступают в новый период жизни, – пишет А.Г. Ардасенов. – Современная торгово-промышленная жизнь начинает касаться их все более и более, благодаря улучшенным путям сообщения, в особенности железным дорогам, сблизившим пространства и народы. Новые экономические отношения, в которых горцу приходится теперь действовать волею или неволею, как более развитые и могущественные, подвергают его хозяйственный быт, культуру серьезному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию» [3, с. 84].

Благодаря железным дорогам в громадной степени возрастает ввоз на Северный Кавказ товаров не только русских, но и европейских фабрик и заводов. И А.Г. Ардасенов подмечает интересное явление: у горского населения, еще продолжающего «великое дело производства... в унаследованных исстари формах» [17, с. 291], начинает быстро формироваться новая система потребностей – и не на собственной экономической основе, а на основе включения во всероссийский и, шире – мировой рынок. Так, автор пишет об «увеличении потребностей несоразмерно с производительностью труда»: «Склад и характер хозяйства, способы и приемы хозяйствования, за весьма незначительными изменениями, остались прежние, до сей поры; изменились потребности, вкусы, желания. Встретившись с другой, более развитой жизнью, впечатлительный горец ясно, так сказать, при свете дня, увидел все несовершенство своей жизни. У него словно разбежались глаза. Хочешь, не хочешь, а нужно подражать, заимствовать, покупать» [3, с. 85].

Подмечена инверсия («вывернутость наизнанку») процесса взаимодействия элементов производительных сил, опережающий рост потребностей (на основе демонстрационного эффекта) по сравнению с медленно меняющейся системой работ, духовных элементов производительных сил по сравнению с материальными [24, с. 601–602]. Такой ускоренный рост потребностей есть явление не надстроечной сферы, а базисной – он говорит о конфликте в пределах самих произ-

водительных сил (в рамках этнического хозяйства), о диспропорциональности в развитии их идеальных и материальных элементов. С образованием мирового рынка, а в дальнейшем – и мирового хозяйства экономическая сфера каждого включенного в него национального общества формируется уже не только в результате взаимодействия с внутринациональной системой социально-экономических и политико-идеологических отношений, но и как часть мирового хозяйственного организма.

Надо отметить, что данная диспропорция характерна для обществ, позднее вовлеченных в капиталистическое развитие в условиях сосуществования с развитым европейским буржуазным «центром». Впервые эта диспропорция (как и многие другие) была описана в трудах российских народников, обнаруживших в развитии пореформенной деревни такие явления и процессы, смысл которых стал ясен много позднее, когда они «проявились» в развитии стран «третьего мира» [26, с. 61–74].

Описанную А.Г. Ардасеновым социальную ситуацию экономисты-востоковеды называют «революцией возрастающих потребностей» («потребление – новое, производство – старое»). «Ускоренный рост духовных элементов производительных сил в этих странах, структурные сдвиги в системе их потребностей и запросов, которые не были вызваны развитием внутренних материальных элементов производительных сил, – все это находится в теснейшей связи с процессами, стимулирующими расширение и интенсификацию мировых обменов» [21, с. 42].

Человечество обычно решало проблему отношения между потребителями и производителями либо в условиях традиционного общества – сохранением статичности потребностей, либо, наоборот – в условиях современной капиталистической цивилизации – ростом потребностей, включая потребности в формировании, освоении более совершенных форм труда, воспроизводства. Когда же в обществе, с одной стороны, складывается опережающее развитие потребностей в различного рода благах, а с другой – оно сталкивается с недостаточной способностью их удовлетворять в результате отставания потребностей в развитии эффективных форм труда, воспроизводства, то можно говорить о переходном характере общества, причем переходность эта не просто временное сосуществование «традиционного» и «современного» элементов в рамках единого общества, но возникновение некой новой общественной целостности со своими особыми закономерностями развития [21, с. 8–9].

Диспропорция между оказавшимися внезапно «разбуженными» потребностями горских народов и реальными нищенскими возможностями их удовлетворения, ее причины, последствия – вот основные темы очерка А.Г. Ардасенова.

Первую часть своего труда автор посвящает анализу тех особенностей исторической, социальной и культурно-хозяйственной жизни горских народов XVIII – начала XIX в., которые предопределили особый драматизм и резкость этой диспропорции в условиях капитализирующегося Северного Кавказа.

Трудно еще найти в истории пример столь полной хозяйственной автаркии. «В своем более чем скромном хозяйстве горец-осетин обходился своими средствами. Орудия труда и предметы хозяйства делались по преимуществу из дерева и руками самого хозяина. Мастеровых людей не было совсем. Во всей Осетии, Кабарде и Чечне, еще в недавнее от нас время, никто бы не нашел ни одного плотника, столяра, *как ремесленника*, ни одного каменщика, скорняка, шубника и т. п.: всем этим был понемногу каждый туземец и каждая туземка... Торговля почти неизвестна горцу. Существовали лишь меновые отношения, но до того слабые, что не выделили даже особых пунктов для обмена. Воинственному горцу не было по душе мирное занятие торговца с аршином в руках. Он относился с презрением и к торговле, как к ремеслу, и к людям, занимавшимся ею. В сущности, ему нечем было, и торговать: голые скалы его ничего не производили лишнего, у него не был развит ни один промысел до степени ремесла, а сама жизнь сводилась исключительно к самозащите и борьбе с оружием в руках» [3, с. 72].

Господство натурального хозяйства, неразвитость элементов общественного разделения труда, торговли, скудость горской экономики при нехватке земли и постоянной напряженности, вызванной межродовыми и межплеменными конфликтами, – все это сформировало чрезвычайную немногосложность потребностей горских народов. «Одежда горцев была самая незатейливая, большей частью приготовлявшаяся домашними средствами... У осетин (еще менее других племен) даже в недавнее сравнительно время, в начале настоящего столетия, бешмет, не говоря уже о рубашке, можно было встретить только на старших в доме, на более богатых и бывалых; масса же и молодежь обходились одной черкесской и шубой, надевавшихся прямо на голое тело» [3, с. 71–72]. Труд был столь малопроизводителен, что «потребности господина и его слуги были почти одни и те же» [3, с. 71].

С массовым переселением горцев на плоскость, окончанием Кав-

казской войны, проведением модернизирующих реформ Северный Кавказ все более включается в общероссийский экономический процесс. «Конец 60-х годов можно считать тем поворотным пунктом, с которого горцы-осетины, так сказать, лицом повернулись к русским, – пишет А.Г. Ардасенов. – ...Шатания горца начинаются приблизительно с 70-го года; до этого времени он еще чуждался и сторонился всеми силами влияния современной цивилизации» [3, с. 86–87]. Тогда и начинается рост потребностей, принявший столь бурный характер еще и вследствие определенных сторон традиционных социально-этических ориентаций – не случайно А.Г. Ардасенов ищет разгадку в «восприимчивости и разорительной силе подражания, в высокой степени свойственной тщеславным горцам».

Быстрый рост потребностей рождает такой интересный феномен общественного самосознания, как бедность. Ведь ранее, в дореформенное время, несмотря на крайнюю скудость своих жизненных средств, горец не чувствовал себя бедным. Теперь же он начал соотносить убогие объективные обстоятельства своей жизни с новой развитой духовной мерой. Пытаясь разобраться в этом явлении, автор отмечает: «Причина всему этому лежит не в абсолютной бедности современных осетин – нет. Он не беднее прежнего. Сумма всех жизненных средств не меньше, чем было прежде, напротив, она даже больше. Абсолютно горец богаче, относительно – беднее прежнего. Загадка кроется в увеличении потребностей несоразмерно с производительностью труда...» [3, с. 85]. Отсталость выражает собой более низкий уровень общественного развития одного народа по сравнению с другим, то есть иные диспропорции, нежели понятие «бедность». Ведь критерием бедности и богатства является не только и не столько предметно-вещественное богатство, сколько его измерение той системой потребностей, которая в это время развилась у данного народа, слоя, индивида.

«В добрую старину горец-осетин, несмотря на свою бедность вообще, мало в чем нуждался, – пишет А.Г. Ардасенов. – ...Его потребности все были налицо, известны заранее, и он удовлетворял их трудами рук своих, мало завися от кого бы то ни было. От этого он обладал душевным спокойствием, позволявшим ему спать спокойным сном человека, чувствующего прочность своего положения, а потому довольного и счастливого» [3, с. 84]. Приведенное рассуждение – вовсе не идеализация А.Г. Ардасеновым дореформенной Осетии и патриархального быта, как это полагают подчас исследователи [25, с. 108]. Чувство обеспеченности, надежности существования – один из наи-

более активных нормативных принципов традиционного сознания; его крушение всегда переживается чрезвычайно болезненно [9, с. 87]. «Будучи еще в своей привычной среде, со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, не имея у себя таких потребностей, которые, в сущности, не мог удовлетворить без того, чтобы не лишить себя и детей насущного хлеба, – он был бесконечно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее. Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических отношений и влияний – начались и бедствия» [3, с. 88].

Внимательный и вдумчивый наблюдатель, А.Г. Ардасенов описывает многочисленные перемены, охватившие все стороны жизни горцев: в домостроении, где вместо традиционной горской сакли возводятся европейского вида дома, покрытые черепицей, с мебелью, кухонной утварью; в быту, где европейское платье вытесняет черкеску – «поэтический горский костюм»; в хозяйстве, где большая часть орудий труда – уже изделия мануфактурной и заводской промышленности.

Давление на горское население новых потребностей повело к быстрой товаризации натурально-потребительских хозяйств, к энергичному вовлечению горских народов, когда-то отличавшихся презрением к торговле, в товарно-денежные отношения. Однако большая часть поступавшей на рынок товарной сельскохозяйственной продукции оказывается мнимотоварной, ибо она является не избыточной, не прибавочной, а необходимой, то есть в горском хозяйстве, оставшемся при прежних способах труда, не было рыночного излишка. «Ничего не деля сам из перечисленных предметов хозяйства, – откуда он берет средства на все это?» – спрашивает публицист. И показывает далее, что товаризация идет за счет недоедания, недопотребления горцев. «Важнейшим вопросом жизни у горцев стал вопрос о деньгах. Какими путями доставать их, чтобы удовлетворять новым потребностям усложнившейся жизни? Не производя ничего уже сам, не умея делать деньги, откуда возьмет горец тот всеобщий эквивалент, без которого в наш век не обходится ни один смертный... Взять проклятый всеобщий эквивалент неоткуда горцу. Поэтому он должен по необходимости, в ущерб питанию семьи, малых деток, значительную часть молока, мяса, сыра и пшеницы сносить на рынок и превращать в деньги» [3, с. 108].

Появление товарной культуры (кукурузы, которую выращивали прежними примитивными методами) еще более усилило недопотребление широких масс. «В денежных же видах... горец стал вводить в свой севооборот и кукурузу, уменьшив в ущерб своему питанию посевы пшеницы... Важнейшие продукты хозяйства исчезают, минуя же-

лудки производителей. Главнейшею пищею сделался сухой кукурузный чурек с сыром, подчас тощим» [3, с. 85]. А.Г. Ардасенов показывает, как горское крестьянство чисто экстенсивно, то есть, оставаясь при прежних отсталых способах труда, приспособлялось к рынку, занимая под кукурузу, имевшую спрос, все большие и большие площади. «Продажей кукурузы хотели удовлетворить потребность в деньгах, ради которых современный горец не задумается заложить свою душу» [3, с. 79]. Однако и такое приспособление имело свои границы – у горских народов было мало земли. «Громаднейшая часть земли и лесов из рук первоначальных владельцев перешла в руки победителя и распределилась между казной, чиновниками и казаками. Что касается туземцев, то они обделены землею», – отмечает публицист [3, с. 89].

«Но все эти средства не помогают горцу. Они оказываются недостаточными. Денег нужно еще и еще! Поэтому он думает упорно над задачей: как ему быть, как сделать, чтобы, не конфузя себя (конфуза он боится больше всего на свете), несколько сохранить свое человеческое достоинство и идти рядом с цивилизацией, заимствуя и подражая ей, так как без этого ему уже невозможно обойтись» [3, с. 108].

Общество, пронзительно ощутившее свою бедность, «оскорбленность» бедностью, не может не переживать мучительный процесс поиска выхода из создавшегося кризисного состояния. «Между тем жизнь идет вперед безостановочно и быстро. Годы мелькают перед глазами горца как верстовые столбы. В этом быстром движении он не принимает никакого активного участия, но оно его увлекает вместе с собой, не давая опомниться. Что же ему делать? Вечно быть на хвосте, составляя простое декоративное дополнение, или двигаться без цели и смысла – глупая, неприятная вещь и, кроме неприятности, влекущая за собой гибель народа!» [3, с. 109].

Оказавшись перед вызовом истории, вызовом невиданных, неведомых прежде обстоятельств, горец пытается искать ответ в наличных пластах традиционной культуры – «однако из его упорных дум ничего не выходит путного. Он заглядывает в прошлое и ничего не видит там, кроме розни, вечной войны и драки; глядит вокруг, в себя, в свое хозяйство, но и тут никакой поддержки, ни одной спасительной опоры...» [3, с. 108].

В поиске выхода из кризисной ситуации было преодолено массовое негативное отношение к торговле: «При таком положении мысль беспомощного горца невольно останавливается на разных *средствах* («амалах») помочь своему горю, между прочим, и на торговле. “Амалта канин кау нир царинан!” – говорят постоянно осетины. Прежде не

было никакой надобности в этой фразе. Горцу не приходилось, и ломать голову о том, какими средствами жить? Он знал все это очень определенно. Теперь прежних основ его хозяйства недостаточно, новых еще не приобрел, и вот он бьется и мечется во все стороны: “амал! амал!..” И в самом деле, почему бы осетину не заняться торговлей? Ведь занимаются ею другие? Миллионы людей только и живут, что торговлей... Приблизительно путем таких рассуждений горец додумался до необходимости приняться за торговлю, изменить радикально свой взгляд на этот предмет: торговля перестала считаться позорным занятием, хотя весьма недавно она еще возбуждала в нем одно лишь презрение. На прямо поставленный вопрос: считается ли торговля и теперь еще позорным занятием – всегда получите один и тот же категорический ответ: “Нет, теперь не считается; было время, когда считалось, но теперь другие времена, другие песни”» [3, с. 109].

Внедрение товарно-денежных отношений в экономику отсталого края (автор описывает характерный «торговый бум» – возникновение десятков и сотен лавок, большая часть которых тут же разоряется и закрывается) без соответствующего развития производительных сил, неэквивалентный обмен – разоряют горские хозяйства, приводят к гибели ремесло, к массовой пауперизации населения, образованию армий мигрантов, покидающих села и устремляющихся на различного рода временные заработки, отхожие промыслы. «Несмотря на полную неудачу многих предприятий (пробуют еще развозить керосин в больших бочках, берутся за скупку для купцов хлеба, скота, сена, дров и т.п., причем каждый старается спихнуть другого) и на полное свое невежество во всех подобных начинаниях, горцы, тем не менее, не перестают увлекаться ими. Безошибочно можно сказать, что нет ни одного из них, который на дне своей души не лелеял бы сладкой мечты – открыть лавку. “Лавка”, “процент” (дукани, амал, пайда) – выражения, не сходящие с его языка... рядом с торговлею, для сведения концов с концами, туземцы должны бросаться и на всякие другие “средства” и занятия, не требующие от него серьезных усилий. Ингуша, чеченца и осетина в особенности можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни ищущими всюду работы – приложения для своих рук. При этом они не брезгают уже никакой должностью: их можно видеть в гостиницах, трактирах, в передней барина, на вокзалах железных дорог, в канцеляриях, в полиции, в ямщиках, в магазинах в качестве мальчиков и т.д. и т.п.» [3, с. 111–112].

Рост сферы обращения в горском селе не был связан с ростом производства; между ними было явное несоответствие. «Он (горец. –

С.А.) много покупает и мало производит, – пишет А.Г. Ардасенов. – Прежде он все делал собственными руками и ничего не покупал. Разница между прежним положением и настоящим – рынок. Понемногу он стал все покупать на рынке, производя сам все меньше и меньше» [3, с. 107]. Так возникает ситуация промежуточного, переходного общества, о котором применительно к сельской России писал В.И. Ленин, – когда «старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство было подмыто, а условия для нового, буржуазного не созданы» [14, с. 162]. «Теперь прежних основ его (горца. – С.А.) хозяйства не достаточно, новых еще не приобрел», – отмечает и А.Г. Ардасенов.

Впрочем, среди северокавказских народов, адыги в наименьшей степени склонны были воспринимать новые потребности и стандарты жизни. «В настоящий момент, они (кабардинцы – С.А.) ещё живут на старых дедовских устоях, – пишет Ардасенов. – Современная цивилизация ещё не успела коснуться их, как она коснулась уже осетин, дигорцев, ингушей и отчасти чеченцев. Всякий, кто только присмотрится внимательно к жизни осетин и кабардинцев, вынесет убеждение, что последние живут с ч а с т л и в е е (разрядка автора – С.А.). Во всей Малой, например, Кабарде, вы не увидите ни одного дома, построенного в подражание русским и покрытого черепицей; в редком богатом доме вы найдете самовар, лампу, мебель и множество других приобретений, сделанных Осетией; нет помину тому всеобщему увлечению торговлей, какое замечается среди других народностей Северного Кавказа; нет лавок, кроме одной какой-либо с красным товаром (что у них было и раньше), чаще содержимой, по-прежнему, евреем. Народ живет ещё своей старой жизнью, своими средствами, вполне довольный, находят у себя всё необходимое для удовлетворения своих немногосложных потребностей. На что ему деньги! Он в них ещё не так нуждается, поэтому и нет причины ему бросаться из стороны в сторону и занимать ради них самые разнообразнейшие положения, притом такие, которых он прежде стыдился бы» [3, с. 88].

Однако, кабардинцы, культура и уклад жизни которых обнаружили чрезвычайную «ригидность» к валу новых потребностей – всё же были исключением среди этносов Центрального Кавказа. Все остальные народы переживали все перипетии «переходного состояния».

Таким образом, в центре внимания осетинского публициста те же проблемы, что волновали и русских народников-экономистов – разрыв между торговой сферой и производственной, между потреблением и производством в российской деревне, где разорение крестьян-

ства шло быстрее, нежели становление капиталистических форм хозяйствования [26, с. 29–31].

Русский народник-экономист Н.Ф. Даниельсон в анализе причин энергичного вовлечения российского крестьянства в товарно-денежные отношения после реформы 1861 года, указывал (не касаясь проблемы роста потребностей) на роль выкупных платежей и налогов, выплата которых требовала «добывания» денег. Апеллируя к выдвинутому К. Марксом в «Нищете философии» тезису о том, что в развитии капитализма на Западе определяющим фактором было производство, на основе которого развивалось потребление и обращение, он показывал, что своеобразие российского капитализма – в наличии «искусственного» обращения, шедшего за счет недопотребления крестьянского населения, а не роста производства [8, с. 124–125]. Именно на этой подмеченной им особенности становления капиталистических отношений в российской деревне строилась его концепция «сокращения» внутреннего рынка вследствие прогрессирующего обеднения широких народных масс и «буксование» капитализма.

Исследователи пореформенной экономической истории Северного Кавказа в быстром росте товарно-денежных отношений в экономике горских народов видят показатель значительного развития здесь капиталистических отношений (работы В.П. Крикунова, Т.Х. Кумыкова, Н.П. Гриценко, Б.Х. Ортабаева и многих других). Безусловно, необходимой предпосылкой капитализма является развитие торговли, обмена, товарно-денежных отношений. Но они должны быть «заданы» прогрессом производства и ростом общественного разделения труда – ведь дело не в самих товарно-денежных отношениях, существующих и в докапиталистических формациях, а в «уровне развития обмена, товарно-денежных отношений, а главное, связи их с производством» [26, с. 100].

Подмеченный А.Г. Ардасеновым «торговый бум» – разрастание сферы торговли – не связан органически с ростом производительных сил в горской деревне, не «синхронен» ему, а вызван давлением иностранного капитала. Перед нами резкий сдвиг аграрной экономики в сторону производства меновых стоимостей при сохранении натуральных основ воспроизводства ее хозяйственного организма; он характерен для экономических процессов в сельском хозяйстве стран «третьего мира» и России XIX – нач. XX века [13, с. 230–254]. Разрастание такого типа товарно-денежных отношений «угнетающе действует на развитие национальных производительных сил, а стало быть, и на генезис национального капитализма» [26, с. 62].

В очерке А.Г. Ардасенова нет таких обобщений, его задачи скромнее и конкретнее. Основная тревога публициста – разрушающее воздействие рынка на традиционное хозяйство, массовое обнищание горцев. «Влияние современной цивилизации, насколько можно судить теперь уже, пока более всего отражается на экономической обеспеченности народа, которая, говоря относительно горцев, по сознанию всех, сильно уменьшилась против прежнего» [3, с. 84]. Еще сильнее деструктивное воздействие буржуазных отношений на социально-психологическом и культурном уровнях. Рушатся старые ценности, но на их место не приходят новые. Горец «видит, как его родная, знакомая почва уже ускользает из-под его ног, как зданию его культуры наносятся удары один за другим, один сильнее другого. Оно получило уже трещины, и мало-помалу отваливаются кирпичики, его составлявшие... Скоро останется от него один лишь остов – это, прежде всего, язык, подвергшийся наименьшему влиянию и изменению, родовое начало, пока лишь несколько подточившееся, и религиозно-нравственный мир горца, еще сохраняющийся, хотя и лишенный прежней полноты и целостности» [3, с. 108–109].

Публицист видит появление кулака, но это не тот предприниматель, о котором грезили северокавказские просветители, а хищник, рожденный паразитирующим стяжательством: «...Увлечение торговлею, оборотом начинает создавать среди туземцев особое сословие хищников-кулаков, по своим приемам и проделкам представляющих подобие русским кулакам, только мне кажется, еще более грубых, жадных и жестоких» [3, с. 111]. В статье «Проделки “несменяемого”» он внимательно всматривается в этот новый для Северного Кавказа общероссийский социальный тип, отмечая его коррупционную связь с местной бюрократией. «Нужно сказать, кулачество на туземной почве, не имея за собой никакой исторической подкладки... приобрело, тем не менее, приемы настолько совершенные, что им могут позавидовать российские заgreбистые лапы первой пробы. Сходство с последними полное: те же обычаи и привычки, те же приемы преследования своих жертв в союзе с бюрократией, то же стремление дезорганизовать общественную солидарность и согласие и таким образом ловить рыбу в мутной воде, те же способы хищения общественных денег и т.д., словно все это старшими российскими братьями продиктовано младшим из туземцев. На самом деле этого, конечно, не происходило вовсе, потому что российские хищники еще мало проникают в среду туземцев; но нажива, кулачество, обман имеют, в общем, способность вырабатывать одни и те же особенности, черты, одну и ту же нрав-

ственную физиономию с небольшими различиями, проистекающими чаще всего от национальных особенностей» [4, с. 58].

Одно из интересных наблюдений А.Г. Ардасенова – те или иные элементы традиционных структур, отношений и ориентаций, не только разрушаются, но подчас возрождаются, получают как бы новый импульс. Таким явлением он считал распространение хищений и воровства, находя их своеобразной модификацией традиционных набегов. «Воровство увеличилось в значительной степени, превратившись из более снисходительного, рыцарского, так сказать, благородного – в нечто мелкое, позорное, жульническое... И прежде воровал горец, но для каждого из них приходила пора и для спокойной жизни. Кровь перекипит, успокоится, – и горец оставлял ночные похождения. Это и понятно: воровство было не ремеслом, не продуктом нравственной порчи народа и экономического гнета, а, скорее, проявлением избытка сил, которых горец не знал куда девать. Прежнего вора не столько интересовала добыча, корысть, как сам процесс ночных походов со всеми их приключениями, как само воровство, дававшее возможность проявить силу, ловкость и мужество. Ныне же главнейшей побудительной причиной воровства сделалась *выгода, добыча, корысть*. Вследствие такого *нового* характера воровства нынешний вор уже ни перед чем не останавливается: он потерял чувство сострадания и великодушия. “Все, что плохо лежит, – мое, что бы то ни было и кому бы ни принадлежало”, – говорит теперешний вор» [3, с. 114]. Иногда наблюдения публициста беспощадны в своей трезвости: «Признаком времени, переживаемого в настоящее время туземцами, может служить и их отношение к войне. Они и прежде любили войну, но никогда не ждали ее так жадно, как ждут теперь. Она стала тоже мечтой всех... Желание войны ничем другим в настоящее время не мотивируется, как необходимостью нажать проклятую копейку» [3, с. 113].

И А.Г. Ардасенов снова и снова подчеркивает – в основе всех явлений деморализации, падения нравов, криминализации общества – фундаментальная диспропорция, несбалансированность между системой потребностей и отсталыми способами труда в горском хозяйстве: «...Главнейший и существеннейший фактор, определяющий современную физиономию воровства, лежит глубже – в новых условиях социально-экономической жизни горца... Воруя же больше потому, почему стали налегать и отводить душу в вине, почему, как угорелые, стали бросаться во все стороны, занимать всевозможные положения вне дома и хозяйства, мечтать о войне и торговле, тщетно ища себе всюду хоть какого-либо облегчения и выхода. Горцу необходимо, во

что бы то ни стало удовлетворить своим новым потребностям...» [3, с. 118].

Какие же пути предлагает А.Г. Ардасенов для преодоления переходного состояния горской экономики? Необходимо, считал он, обновить чисто экстенсивное приспособление горских народов к рынку, поднять производительность труда через усвоение агрономических знаний, более усовершенствованных методов обработки земли, новых сортов семян, орудий и т.д., надо перестать быть этнографическим дополнением к цивилизации, воспринимая лишь ее потребительские стандарты, и войти в рынок производителями, широко перенимая у передовых народов производственные навыки и технические достижения. Как ни малочисленны подобные примеры, а публицист их любовно подмечает. Так, он пишет о жителях некоторых осетинских сел (алагирцах и ардонцах), владикавказских осетинах, которые, «подвергаясь с давних пор непосредственному влиянию новых условий жизни, ... успевали и раньше, и лучше других приспособиться и вовремя воспользоваться услугами правительства по просвещению. Рядом с этим, в постоянном общении с русскими, они давно принялись за разные ремесла, изменили во многом способы хозяйствования и живут относительно лучше. В среде их много сапожников, столяров, кузнецов и мелких торговцев, ведущих свои дела довольно толково. У них же, прежде всего, приютилась культура плодовых деревьев. Но вследствие своего особого благоприятного положения, названные горцы составляют исключение» [3, с. 102].

А.Г. Ардасенова интересуют адаптивные возможности в процессе модернизации северокавказских обществ. Он анализирует и условия хозяйствования, и традиционную горскую хозяйственную и социальную культуру. Ведь чем более сложившейся, развитой является добуржуазная культура общества, тем больше у него возможностей – при прочих равных условиях – преодолеть переходный период на пути к модернизации. Культуры тех или иных обществ являются неодинаковыми по своим потенциалам к развитию, показывают различные предпосылки к модернизации.

Свой анализ А.Г. Ардасенов начинает с выяснения земельной обеспеченности горских народов, с вопроса о земле – важнейшего ресурса жизни и хозяйствования. «Этот важнейший вопрос... упорядочился в смысле ермоловском, – пишет он. – Ермолов, как известно, для облегчения линейной обороны, лучшими мерами считал: “отнятие пастбищ и полей, потрясения в самом корне земледельческого и пастушеского их (горцев) хозяйства”» [3, с. 89]. Автор показывает, как начал скла-

дываться тяжелый земельный голод горцев, заложенный земельной реформой 60-х гг. – этой реализации имперской модели модернизации в землепользовании, – когда, по сравнению с казачьими станицами, на душу мужского пола получили в несколько раз меньше земли: «казачья душа оценена в 4,4 раза дороже горской». Огромные участки земли отошли к горским помещикам. За счет земель горских крестьян образовались земли почетных граждан, казенные, церковные, вакуфные и др. Особенно острым было малоземелье в горах [20, с. 99–130].

Характеризуя крайне недостаточную земельную обеспеченность чеченского населения, самого крупного на Северном Кавказе, но сгрудившегося на небольшом пространстве в 76 кв. миль, А.Г. Ардасенов приводит слова известного русского ученого-кавказоведа П. Берже, что «при такой тесноте не только развитие хозяйства, но даже существование народа не может считаться обеспеченным» [3, с. 92].

С естественным приростом населения земельная обеспеченность горцев постоянно ухудшалась. «Дух индивидуализации проник к горцам и внес разлад в патриархальный строй их жизни. Большие родовые семьи стали быстро распадаться на отдельные семьи. Обстоятельство это не могло не усложнить и затруднить земельных отношений» [3, с. 93].

Наплыв переселенцев из различных губерний и районов России вносил в земельные отношения дополнительную напряженность. «Недостаток земли стал чувствоваться с особенной силой с тех пор, как усилился наплыв южнорусских крестьян в Терскую область. Трудно проехать хотя бы один раз по Ростово-Владикавказской железной дороге, чтобы не встретить сытых и довольных молокан, с увлечением рассказывающих о прекрасных местах в Терской области, или занятых расспросами и расчетами все о заветной мечте их за последнее время – о своем устройстве на Кавказе» [3, с. 94]. Если молокане занимались земледелием и их привлекали земли, пригодные для выращивания различных культур, то тавричане энергично скупали пастбищные и покосные земли и создавали овцеводческие хозяйства.

Что же до горцев, то нехватка земли вызвала у них кризис скотоводства. «С уменьшением до крайности количества земли, пастбищ и лугов – пали сами собою овцеводство и скотоводство. Ныне на 100 дворов не найдется и 10, которые держали бы еще овец. Между тем овца имеет громадное значение в жизни горца, одевая, кормя и выручая его в критические минуты. Упадок овцеводства вызвал дороговизну шерсти и вместе с тем упадок производства сукон и бурок... Бедняку очень трудно уже справиться себе черкеску и бурку. Мальчишки и

юноши ходят зимою в тяжелых и непрочных ватных бешметах, вместо шуб и черкесок, легких и теплых» [3, с. 80].

В условиях острой земельной недостаточности широкое распространение получила аренда земли у казачьих станиц, помещичьего и другого частного землевладения. «Аренда земель на стороне сделалась явлением постоянным в Осетии. Нет ни одного аула, который бы обходился своей землей» [3, с. 96]. Однако с развитием товарно-денежных отношений начался стремительный рост арендных и продажных цен земли.

Характеризуя земельную проблему, А.Г. Ардасенов подчеркивает, что столь катастрофический характер она приобрела на Северном Кавказе вследствие экстенсивного характера земледелия и скотоводства, всего хозяйствования горцев. «Для бельгийца душевой надел горца 3 или 4 дес. составляет целое богатство, но я говорю о сравнительной с казаками обеспеченности землей горцев на Кавказе, а не в Бельгии, притом в связи с младенческим состоянием земледельческой культуры у туземцев Северного Кавказа» [3, с. 96].

Стремительно нараставший земельный голод обнажил, заострил глубокий раскол массовых потребностей: с одной стороны, в горском обществе складывается опережающее развитие потребностей в различного рода благах, с другой – оно столкнулось с недостаточной способностью их удовлетворять в результате отставания потребностей в освоении, развитии соответствующих форм труда, воспроизводства. «Увеличивающийся с каждым годом недостаток земли должен бы, казалось, заставить горцев заботиться о поднятии производительных сил своего земледельческого хозяйства путем введения новых приемов обработки, удобрения, ухода и т.п., но этого не замечается совсем: туземцы и в настоящее время занимаются земледелием так же, как занимались отцы и деды их на плоскости. Увеличение запасов, замечаемое у нас, объясняется чисто торговыми интересами, в особенности спросом на кукурузу; в качественном же отношении обработка почвы несколько не изменилась, хотя многие обзавелись даже плугами. Вообще замечается, что земледелие перестает интересовать туземцев все более и более. Не так давно он еще любил это занятие, ибо оно вполне обеспечивало его скромное существование; теперь же, даже отдав ему всего себя, все свое время, он не может рассчитывать, что оно удовлетворит даже 1/2 его многочисленных потребностей» [3, с. 96].

Хозяйственная культура традиционных горских обществ представляла собой неадекватную, крайне неблагоприятную архаичную

основу для снятия раскола и формирования массовой потребности в эффективных формах сельскохозяйственного труда. «Прогресс земледельческой культуры оказывается делом чрезвычайно трудным и непосильным горцу за короткое время его мирной жизни. Не нужно забывать низкой ступени его простого, элементарного хозяйства, которое не так-то легко поднять сразу. Культура целых отделов хозяйственных растений (садовых, огородных и в особенности промышленных) горцу неизвестна вовсе. Немудрено, если его начинает тянуть на сторону, на другие роды деятельности, могущие скорее, чем земледелие и занятие хозяйством, удовлетворить не терпящим отлагательства потребностям» [3, с. 99].

Так, А.Г. Ардасенов указывает на отсутствие навыков рационального ведения хозяйства. Он пишет о «разорительном способе строить дома и вообще жилые помещения... Между тем, если бы он (горец. – С.А.) не вытягивал в одну линию постройки, ставил бы печи общие на несколько комнат, то, сколько он выгадал бы на двери, окна, общие стены, на дрова, крышу и на прочность самого здания» [3, с. 81].

Такой же нерациональностью и «рыцарской» расточительностью отличались и все другие сферы хозяйства: «По свойству горского хозяйства, в нем все потребляется в большом количестве без существенной пользы и ничего не экономизируется. Это особенно ясно в деле кулинарного искусства. Пищевых средств много у туземцев, но нет привычек и умения из них сделать что-либо. В настоящее время во многих осетинских домах найдете капусту, морковь, свеклу, однако редко можно увидеть, чтобы эти овощи служили приправой; в большинстве случаев они съедаются в неприготовленном и сыром виде. На плоскости в ходу тот же твердый и пресный чурек, хотя здесь он чаще готовится из пшеничной муки. Твердая масса его, не имеющая почти пор, камнем лежит в желудке, желудочный сок проникает в нее с большим трудом, вследствие этого она переваривается плохо и медленно. Количеством муки, которое в горском семействе тратится на 10 человек в месяц, можно было бы смело прокормить 15 человек, приготовляя хлеб из кислого теста. Истребление мяса еще более велико. Овца съедается небольшим семейством в один день; от крупной скотины после 4-5 дней ничего не остается в доме. Обыкновенно, горцы вволю наедаются мяса зараз, а потом сидят без него. В дни поминок и общественных праздников принято резать много скота; при этом можно видеть (особенно прежде), как из громадного котла, где варилась целая тушка быка и 2-3 барана, выливается прочь густой и цен-

ный бульон, а мясо тут же истребляется с чуреком и солью, обильно заливаемое аракой и брагой. Точно также истребляется мясо и дома у всякого. Сколько-нибудь обеспеченный хозяин непременно режет зимой одну или две скотины. Кроме того, всякий разводит кур, гусей, индеек. Зимой, по случаю праздников, поминок, гостей – приходится бить овец, коз... Подумаешь, сколько все это! Между тем, вследствие своих приемов в кулинарном искусстве, горец, в сущности, ест мяса очень мало; мудрено есть зараз на многие дни» [3, с. 81–82].

Довольно высокая земледельческая культура, существовавшая у горцев в период проживания основной массы населения в горах, являлась экстремальной формой хозяйственной культуры, возникшей под воздействием суровых исторических и природных обстоятельств. Экстремальная хозяйственная культура существует ограниченное время, для нее характерно затухание по мере прекращения действия внешних по отношению к хозяйственной культуре факторов [10, с. 28].

«Вместе с переходом на плоскость горцы сразу покончили с теми более совершенными приемами обработки земли, какие употребляли, живя в горах. Простор освободил их почти от всяких забот по обработке земли. Осетины, например, совсем перестали удобрять почву, словно забыли совсем о значении удобрения, за редкими исключениями перестали полоть пшеницу, употреблять орошение и т.д.» [3, с. 29–30].

В противоположность ей, срединная (обыденная, повседневная) хозяйственная культура разделяется широкими массами на протяжении длительных периодов времени, она устойчива и связана с ценностными ориентациями общества. На обыденном уровне хозяйственной культуры поддерживается традиционный уровень трудолюбия и усердия, качества и интенсивности труда. Высокий уровень срединной хозяйственной культуры выступает стабилизирующим фактором в обществе, сглаживая колебания социально-экономического развития, и обеспечивает высокую адаптивную способность общества в процессе его экономической модернизации [10, с. 23–30].

Как раз уровень срединной хозяйственной культуры оставлял у горцев, по мнению А.Г. Ардасенова, желать лучшего. И он приводит много фактов, говорящих о неблагополучии в этой области, указывающих на «их (горцев. – С.А.) полное незнание и неумение заниматься настоящим образом земледельческим трудом». Так, он пишет о том, что «вследствие крайне дурной обработки, всегда однократной, без удобрения даже на самых лучших пшеничных почвах, урожаи из года в год стали получаться все хуже. Сорные травы сделались бичом зем-

леделия у горца. Куколь иногда составляет 1/2 пшеницы, а пырей в два года разрастается так, что хоть брось совсем пахать» [3, с. 78].

Снижали адаптационные возможности общества и отсутствие внутреннего единства и консолидации, целостности социального космоса, неразвитость гражданских форм общезжития у горских народов. Поэтому А.Г. Ардасенов не выдвигает, по примеру русских народников, альтернативного европейскому типу модернизации самобытного пути развития. Горец, по его мнению, не мог идти «своей собственной дорогой, ибо для этого он не имел под собой достаточно прочных культурно-исторических оснований» [3, с. 85].

Необходимо уточнить, что народник вкладывает своеобразное содержание в понятие «культура». Для него это – органическая целостность представлений, норм поведения, эстетических образов, социальной гармонии, отношений солидарности, возникающих в традиционном крестьянском мире. Такая «культура» противопоставляется «цивилизации», порождению буржуазного индустриализма и урбанизма с его индивидуалистически-рационалистическим мировидением. Поэтому для народника «какое-нибудь докапиталистическое общество, которое с точки зрения технико-организационных критериев может показаться примитивным по сравнению с современным, стоит выше последнего, ибо оно основано на гармонической трудовой кооперации и моральной солидарности между людьми, представляет собой целостный культурный организм» [26, с. 116].

Как раз этих главных признаков «культуры» и не находил А.Г. Ардасенов в традиционном осетинском (и шире – горском) обществе. «...Культурность не доказывается еще одним существованием тех или других промыслов, – писал он. – Гораздо важнее в этом отношении общественно-нравственные стороны, обычаи и нравы, выработанные продолжительною гражданской жизнью народа. К сожалению, мы не видим, чтобы эта существеннейшая часть всякой культуры могла получить сколько-нибудь, заметное развитие в неприступных и изолированных тущобах осетинских гор... Среди мелких и отдельных воинственных союзов, постоянно враждовавших между собою, не было места для развития общественной жизни...» [3, с. 83].

Не годилась как основа для альтернативной перспективы и сельская община, возникшая у горцев по переселении на плоскость – отягощенная родовыми предрассудками, она была раздираема внутренним антагонизмом. Горцы, отмечает автор, «привыкли жить, мыслить и работать только во имя интересов рода, защищая и прославляя его; теперь же эти узкородовые интересы отходят на второй план и на их

место становятся интересы всесословной общины; ...и вот тут-то обнаруживается вся неспособность горца поступиться своими родовыми интересами во имя блага всех. Он, по-видимому, совершенно не понимает совместной жизни многих; оттого в общественном управлении никогда не бывает ни складу, ни ладу» [3, с. 73].

Русская община была совершенно свободна от родовых пережитков, – и этот аспект всегда особо подчеркивался русскими народниками. Горская община, где, по словам А.Г. Ардасенова, делами правили главы родов, фамилий, не поддавалась идеализации.

Намного больше «культуры», элементов коллективизма, дисциплинированности, традиций солидарности, скрепляющих общество, А.Г. Ардасенов находил в Кабарде – «эта законодательница мод, задававшая тон всем другим племенам в отношении приличий, танцев, всяких правил общежития, гостеприимства и т.п., выработала у себя, по нашему мнению, больше общественно-гражданских задатков для самостоятельной жизни, чем, например, Осетия. Определеннее это можно выразить тем, что в Кабарде личность более подчинена обществу. Каждый кабардинец чувствует над собою моральное влияние целого общества. До известной степени это ограничивает проявления личного произвола и, вместе с тем, дает почву для соглашений, единений и совместной деятельности» [3, с. 89].

В целом для А.Г. Ардасенова несомненна возможность для любого неевропейского общества модернизироваться на своей собственной (эндогенной) культурной основе. (Это прекрасно продемонстрировала в XX веке Япония.) Чем более развитой традиционной культурой обладает этнос, чем он более сплочен, дисциплинирован, тем больше у него возможностей для модернизационного перехода, модернизационного рывка. Развитость традиционной культуры – это не только значительность ее духовных достижений, но и внутренняя цельность, системность образующих ее ценностей.

Эта проблема, по-видимому, давно интересовала публициста. В статье «К характеристике народностей Северного Кавказа», опубликованной за несколько лет до «Переходного состояния...», он опровергает мнение одного исследователя, что кабардинцы «меньше других (народов Северного Кавказа. – С.А.) оказываются способными и восприимчивыми к просвещению, меньше других подвергаются благотворному влиянию цивилизации и являются наиболее отстающими». Отвечая ему, публицист пишет: «Кабардинцы... – более типичный, более самостоятельный, самобытный, сложившийся народ. Этот в высшей степени симпатичный и благородный... народ – не эк-

зотическое растение, могущее при неблагоприятных условиях вдруг сложить листочки, поблекнуть и отказаться жить. Они не спешат подражать и заимствовать внешние блески цивилизации, не желая, так сказать, ложку меда променивать на чашку чечевичной похлебки, дорожа своим строем, своими обычаями, своими более содержательными и насыщенными сторонами жизни. У кабардинцев есть свое, пока имеющее для него смысл и содержание и препятствующее ему пока стать на путь заимствований и подражаний. Бесспорно, кабардинцы в будущем обнаружат свою восприимчивость, когда увидят воочию более содержательную жизнь, когда собственная перестанет удовлетворять их. Пока этого еще нет, но как только настанет такое время, успехи просвещения и саморазвитие пойдут, несомненно, быстрее и лучше у кабардинцев, чем они идут теперь у других народностей Северного Кавказа, так как они... более сплоченный, единодушный и дисциплинированный жизнью народ; тогда они опять опередят своих соседей и снова станут их руководителями» [2, с. 38].

Все концепции самобытного экономического развития – от славянофильских и народнических в России до теорий «исламской экономики», «буддистской экономики», «тихоокеанского пути», гандизма и сарвадаи в Индии и Юго-Восточной Азии – рассматривают пути развития цивилизаций сквозь призму стабильности и интеграции социокультурного организма. Дезинтеграция общества в результате утраты общих духовных и нравственных ценностей является наиболее неприемлемой для сторонников самобытности чертой капиталистической экономической модели Запада. Приоритет духовных и нравственных ценностей в стратегии развития определяет и ориентацию теорий самобытности на интеграцию обществ, на единство, равенство и солидарность в противоположность дифференции и стратификации. Основой социальной интеграции выступает духовное единство на базе традиционных ценностей, норм, стереотипов поведения и стилей жизни [11, с. 230–237].

Слабость интеграционных потенций горских культур (исключая Кабарду) – вот, по мнению публициста, причина невозможности какого-либо «самобытного» экономического развития в рамках Северного Кавказа. «Горская культура не выдерживает борьбы с европейской торгово-промышленной культурой и уступает шаг за шагом на всех пунктах» [3, с. 119].

Недостаточная зрелость, сформированность добуржуазного общества, национальных культурных традиций может обернуться при столкновении с могучей цивилизацией Европы угрозой быстрой ас-

симиляции. «Судя по теперешнему ходу дел,— пишет А.Г. Ардасенов,— можно смело сказать, что горцы не вынесут испытания без сильного ущерба для своих национальных особенностей» [3, с. 84].

Особая сфера внимания публициста – сокрушительное действие демонстрационного эффекта, не случайно он постоянно подчеркивает «значение и силу подражания для горских племен». Демонстрационный эффект, стремление к подражанию в образе, стиле, а главное – в уровне и качестве жизни более развитым слоям населения России и Европы – выступает как важнейший стимул предпринимательской активности. Но демонстрационный эффект, ориентируя на заимствование образа и уровня жизни, на гедонистические ценности, не создает устойчивых производственных и предпринимательских ориентаций, которые подменяются авантюристическим стремлением к максимальной наживе при минимальной рациональности и примитивизме хозяйственных установок [10, с. 182].

На Северном Кавказе рыцарский этос горских народов сориентировал их на престижные формы потребления. Не считаясь с расходами, горцы копируют европейское платье и мебель, кухню и домостроение. Новые возможности потребления приспособляются к выполнению традиционных обязанностей и долга, связанных с конкретным социальным статусом и ролью. «Если вы гость, русский или долго жили в России и усвоили русские обычаи, вам могут подать тщеславные горцы обед с претензиями на русский вкус и обычаи; каждому из гостей могут подать отдельный прибор с вилками, ножами, салфетками, ... но раньше обеда вас угостят непременно чаем, причем налицо все принадлежности чаепития... Все эти вещи и обстановка горцу обходятся очень дорого... Несмотря на это горец всегда предлагает чай, ибо хотя он и очень беден, но честь ему дороже всего на свете: пусть никто не думает, что какой-то Магомет или Бимболат не умеет принять своих гостей, что у него нет, чем обласкать, угостить и отправить с честью гостя: “Я буду сам за кулисами жевать черствый хлеб с сыром или водой (так он и делает), а для гостей найду все приличное!”» [3, с. 100–101].

Тот же в домостроении – и здесь на первом плане престижные соображения. Отметив, что «домами горцы просто увлеклись», автор в то же время свидетельствует, что «горец в своих высоких и просторных хоромах даже и не живет: рядом с хоромами он непременно ставит свою милую саклю и большую часть времени проводит в ней». Такое строение становится знаком социального престижа своего хозяина. «Между тем он довел себя до разорения с этими постройками.

Сколько она стоила ему труда, времени, денег! Зачем же он строил дом? Затем, что строили другие. Затем, что существует зависть, тщеславие. Если богатый Иван выстроил дом, то почему того же не может сделать самолюбивый и гордый Асламбек? Да, он непременно построит, хотя бы тут же пришлось ему лечь костями!» [3, с. 101].

Меньше всего в таких случаях горец руководствуется соображениями хозяйственной калькуляции, рациональности и практичности. «Домовитого хозяина, любящего известную целостность, соответствие и гармонию, такой дом, среди полнейшего разрушения, положительно будет раздражать; для осетина же, как плохого хозяина, это безразлично: важно только удовлетворить чувству тщеславия» [3, с. 102].

Подражание европейским формам жизни стимулировало предпринимательскую активность горских народов. Но что это за предпринимательство? В стремлении удовлетворить свои престижные потребности некоторые горцы пускаются, по словам А.Г. Ардасенова, в «аферы сомнительного свойства», авантурные предприятия («амалта»), многих из «которых он (горец. – С.А.) прежде стыдился бы» [3, с. 88].

Формирование же в народной массе новых производственных ориентаций, установок на высокопроизводительное сельское хозяйство оказывается делом чрезвычайной сложности. «Откуда взяться прогрессу земледельческой культуры у туземцев, если во всей Терской области нет ни одной сельскохозяйственной школы... ни одного образцового хозяйства, даже периодических испытаний земледельческих машин – этого простейшего и легчайшего способа оказать практическую помощь населению. По другим сторонам жизни туземцы видят и воспринимают многое, причем воспринимаемое далеко не всегда имеет для них полезное значение, здесь же, на почве земледельческой культуры, они лишены возможности видеть что-либо образцовое, примерное, что могло бы возбудить их, вызвать на действительно полезное подражание» [3, с. 97].

А.Г. Ардасенов внимателен к фактам производственных нововведений: от практики употребления дегтя до покупки новых машин и плугов. Но он понимает, что освоение новой техники, технологии требует подготовки, образования, времени, средств. «Трудность увеличивается в особенности потому, что начать жизнь на новых основаниях и приемах хозяйствования легко только сказать: на это нужно, прежде всего, время и более или менее длинный ряд подготовительных работ» [3, с. 118].

Публицист не обольщается насчет легкости технических заимствований – этому препятствуют безземелье и бедность горцев, и отсутствие навыков рационального ведения хозяйства, и своеобразный консерватизм традиционного сознания. «Горцы довольно много покупают плугов и сортировок, – пишет А.Г. Ардасенов, – была пора, когда появились даже жатвенная машина и косилки. Жнец и косилки брошены по той простой причине, что они сами не косили и не жали, горцу же думалось, что труднее только купить, а там дело пойдет само собою, благодаря чудодейственной силе хитро надуманной машины» [3, с. 98]. Здесь не только понимание того, что для успешной утилизации машин необходимо образование и даже новое сознание, новое мышление. Чужая культура может передать другой лишь свои внешние плоды – от технических новинок до высокого уровня потребления, – но она не может передать свою *аскесу* (духовную сосредоточенность). Духовную основу модернизации надо искать в собственной культуре, используя ее активные, творческие установки для переориентации на новые виды деятельности. «Заимствования, не прошедшие через жизнь народа и не переработанные им сообразно своему духу, не могут считаться прочными приобретениями для него» [3, с. 118].

В то же время гедонистические ценности и потребительские ориентации усваиваются много быстрее. «Времени... в распоряжении горца очень мало. Жизнь, сравнительно блестящая, захватила и закурила его вместе с собой. Ему невозможно оставаться на одном месте и раздумывать; она увлекает его, искушает его и в то же время предъявляет ему свои неотложные запросы, которым необходимо удовлетворить. Что же ему делать, как не искать средств (“амалов”), чтобы не отстать от общего движения. Вот он и ищет их, как умеет, по-своему. А так как прочных и надежных средств у него... нет; так как и некому указать, научить его, то поневоле он старается всякими средствами, не разбирая их нравственного достоинства, облегчить свою экономическую зависимость» [3, с. 118].

Итак, горские общества оказались в сложнейшем переходном состоянии, в промежуточной ситуации между двумя цивилизациями: традиционной и современной. Контакт с динамичной современной (европейской) цивилизацией задал динамизм потребностей в материальных благах, в качестве жизни, в достойной жизни; отставание потребностей в развитии, освоении новых форм труда сохраняло горские общества в рамках традиционной цивилизации, традиционных форм воспроизводства общественного организма на основе статичного идеала.

Необходимо было или дать ответ на Вызов истории, или оказаться перед угрозой социального распада.

Но перед этой модернизационной проблемой стояла в XIX – нач. XX века и Россия в целом. «Мощной движущей силой модернизации в России является исторически сложившееся противоречие между ростом массовых потребностей в благах и недостаточным, неадекватным ростом потребностей в новых, более сложных квалифицированных формах труда, общественного воспроизводства, возможно требующих подъема на новый уровень культуры, что абсолютно необходимо для удовлетворения роста потребностей в благах» [23, с. 31]. Можно лишь отметить особую глубину раскола массовых потребностей на Северном Кавказе конца XIX века (зафиксированную А.Г. Ардасеновым) – ввиду чрезвычайного динамизма усвоения новых потребностей в благах, задаваемого этико-культурными ориентациями горских обществ, с одной стороны, и полной неадекватностью традиционной хозяйственной культуры требованиям современности – с другой.

«... При столкновении двух цивилизаций побеждает более развитая в социально-экономическом отношении, – писал в конце своего очерка А.Г. Ардасенов. – В данном случае победит, конечно, европейская, с ее более высшими экономическими формами промышленности и торговли. Вся задача национальной выгоды туземцев заключается в том, чтобы путем образования как единственного средства приспособиться к новым условиям жизни возможно скорее и с честью пережить критическое время борьбы и испытаний, т.е. без окончательной нравственной порчи и падения» [3, с. 120].

Говоря о необходимости для горских народов приспособиться к экономическим условиям нового времени, А.Г. Ардасенов имел в виду становление на Северном Кавказе подлинно производительного современного сельского хозяйства. И здесь главную роль он отводил образованию. Он выдвинул идею образования как национальную идею для горских народов, как идею выживания этносов.

Только образование, верно угадывающее пульс времени, упреждающее развитие будущего, освобождающее от оков архаики и консерватизма, может помочь горским обществам без катаклизмов преодолеть разрыв между старым и новым, снять цивилизационную неадекватность. (Не случайно, начиная с эпохи Просвещения, многие страны Запада и Востока, оказывавшиеся в ситуации кризиса, для выхода из него не придумали лучшего средства, чем образование).

В приобщении горцев к знаниям, в глубокой перестройке, переориентации горских культур он главную надежду возлагал на интел-

лигенцию. Для нее это «дело высшей национальной гордости». Без помощи интеллигенции, полагал А.Г. Ардасенов, северокавказским народам не вырваться из «переходного состояния». Стихийное же развитие приведет к «раскрестьяниванию» нации, гибели самобытных культур, деморализации и криминализации общества.

Внедрение новых интенсивных методов агрикультуры, культивирование в народной среде установок на производительное, коммерчески ориентированное сельское хозяйство, воспитание ценностей трудолюбия и рационального хозяйствования – все это было делом жизни А.Г. Ардасенова. Эти цели он ставил перед собой, являясь членом «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», по заказу которого и написал «Переходное состояние горцев Северного Кавказа». (Членами «Общества...» были видные представители интеллигенции Кавказа – Г. Цаголов, М. Кипиани, Дж. и Гац. Шанаевы, В. Шредерс, Н. Лавров, Г. Вертепов и др.).

Так, он болеет душой за начинание балкарских предпринимателей братьев Урусбиевых, организовавших сыроваренный завод в горах Балкарии. Надеясь, что пример Урусбиевых заразит и народную массу, А.Г. Ардасенов пишет: «Нужно воспользоваться всеми этими богатствами, открыть населению глаза на главные источники его благосостояния, научить его содержать скот, обходиться с молоком и пользоваться им наивыгоднейшим для себя образом» [3, с. 50].

Но предметом особого внимания и неустанных трудов А.Г. Ардасенова было становление интенсивных методов агрикультуры на Кавказе. Основу перехода от экстенсивной залежно-переложной системы земледелия, которая была «наиболее целесообразна для той, сравнительно невысокой степени культуры, на какой находились горцы», – к новым, интенсивным формам, было травосеяние, призванное сыграть «важную роль в деле будущего прогресса сельскохозяйственной культуры».

А.Г. Ардасенов понимал, что при растущем малоземелье горских народов только всемерная интенсификация сельского хозяйства на основе искусственного травосеяния спасет чахнувшее скотоводство. Это было то «звено цепи», взявшись за которое, по мнению публициста, можно поднять и все сельское хозяйство. «Все это вместе поведет неминуемо к радикальному изменению всей существующей системы хозяйства, всего строя его, и переходу к новым, более современным и совершенным формам земледельческой культуры, – писал он в статье «Будущность травосеяния в Кутаисской губернии». – Такой переход к

новым орудиям и новым формам труда сделался необходимым во всех сферах нашей жизни, и чем скорей он совершится, чем сознательнее, т.е. с чем большим с нашей стороны участием, тем, разумеется, лучше» [1, с. 225].

Ученый и публицист понимал, что формирование самой потребности общества в новых формах труда – достаточно сложная проблема: такая потребность не возникает стихийно. «... Мы живем как раз на рубеже старых порядков, долженствующих отойти в вечность, и новых, наступающих на смену всему старому. Но всякий порядок вещей – одинаково в мире физическом и нравственном, – следовательно, и наш строй, наши обычаи, формы труда, порядки и проч., как бы плох он ни был, имеет свойство сохранять свое состояние и свою тенденцию. Нужна посторонняя сила, чтобы сломить эту косность, этот консерватизм вещей. Новые храмы строятся на развалинах старых. Нельзя новые идеи и новые начала жизни прищипливать в виде заплаток к старым изношенным платьям. Только путем борьбы и неустанной смены одних явлений, идей и форм другими возникает прогресс жизни» [1, с. 225]. А.Г. Ардасенов говорит об исторической ситуации, когда выявляется несоответствие между вставшей перед обществом масштабной по сложности задачей – модернизацией, переходу к новым формам труда и производства – и конкретно-историческими культурными формами, посредством которых эта проблема может быть осознана большинством общества. Культурный опыт, накопленный, например, традиционным осетинским обществом, оказывается недостаточным перед лицом сложнейшей социально-экономической ситуации, перед Вызовом истории. Следовательно, необходимо измениться и самой культуре. И здесь, прежде всего «нужна посторонняя сила» – интеллигенция, а главное, та ее часть, которую называют духовной элитой. Именно она, интеллигенция, в силу своего промежуточного положения, связанная с народом и его традиционной культурой и в то же время благодаря образованию способная интегрировать опыт европейской и мировой культуры, может найти пути выхода общества из кризисного состояния.

«Отсюда для передовой части общества вытекает обязанность, серьезнее которой и быть не может; она энергетически должна вмешиваться в нашу жизнь и пробудить ее к деятельности, сделать предметом настойчивого своего изучения ту борьбу на мирной социально-экономической почве, которая происходит в настоящее время между нашей культурой и более развитой европейской цивилизацией с ее капитализмом. В самом деле, как эта последняя воздействует и каким

влияниям подвергает она строй не только хозяйственный, но и всей нашей жизни? Что нами воспринимается полезного и что, напротив того, вредного? Какие заметны уже, и теперь изменения в направлении и характере народного хозяйства, торговли, промышленности, земледельческой культуры и проч.? Путем такого изучения мы могли бы вовремя подсказать народу то, что ему более всего нужно, чего он ищет и не находит, над чем задумывается в нерешительности или делает (как над травосеянием, напр.) опыты без всякого руководства и указаний, – словом, облегчить ему переход к новым условиям жизни, к новым орудиям и формам труда, помочь выпутаться из затруднений переходного времени, могущем в недалеком будущем принять самый опасный характер, привести к экономическому кризису» [1, с. 226].

Эти слова были написаны за несколько лет до «Переходного состояния...». Впоследствии в своей знаменитой статье А.Г. Ардасенов изучением реальных, объективных социальных проблем, диспропорций в развитии капитализма на Северном Кавказе, кризисного и противоречивого характера становления рыночных отношений в крае – до некоторой степени выполнил намеченную им программу действий для северокавказской интеллигенции.

Оказалась ли северокавказская интеллигенция на высоте той исторической задачи, которую перед ней поставила современность? «Переход к новым условиям жизни, к новым орудиям и формам труда» явился задачей сложнейшей, непосильной для еще слабой и немногочисленной интеллигенции. Перипетии переходного периода на Северном Кавказе и в целом по стране действительно приняли «самый опасный характер» – с начала XX в. Россия вступает в период революций и гражданских войн.

Непреходящая актуальность выдающегося исследования А.Г. Ардасенова ставит перед историческим кавказоведением задачу исследования особой межформационной, межцивилизационной фазы, периода социально-экономического и политико-культурного развития северокавказских народов XIX – начала XX вв., рассмотрения северокавказской истории нового и новейшего времени через призму задач модернизации.

1. *Ардасенов А.Г.* Будущность травосеяния в Кутаисской губернии // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.

2. *Ардасенов А.Г.* К характеристике народностей Северного Кавказа // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.

3. *Ардасенов А.Г.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.
4. *Ардасенов А.Г.* Проделки «несменяемого» // Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.
5. *Ардасенов Н.М.* Алихан Ардасенов. Орджоникидзе: Ир, 1970.
6. *Ардасенов Н.М.* Революционно-народническое движение на Терек. Орджоникидзе: Ир, 1987.
7. *В.-Н.-Л. [Ардасенов А.Г.]* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896 (Переизд. в кн.: Алихан Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997. С. 70-120).
8. *[Даниельсон Н.Ф.] Николай-он.* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства // Слово. СПб., 1880. № 10. Отд. 1.
9. *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука, Гл.ред.вост.лит-ры, 1982.
10. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998.
11. *Зарубина Н.Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.
12. *Зверев В.В.* Даниельсон Н.Ф., Воронцов В.П.: капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – нач. 90-х гг. XIX в.) // Отечественная история. 1998. № 1.
13. *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблемы модернизации России. М., 1997.
14. *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. М.: Политиздат, 1967–1975. Т.24.
15. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т.1.
16. *Маркс К.* Письмо к Н.Ф. Даниельсону 19 февраля 1881 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т. 35.
17. *Маркс К.* Письмо к Н. Ф. Даниельсону 10 апреля 1879 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т. 34.
18. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т. 46. Ч. II.

19. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т. 46. Ч. I.

20. См.: *Ортабаев Б.Х.* Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ: Ир, 1992.

21. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Мысль», 1974.

22. *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993.

23. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7.

24. Система потребностей, наряду со знанием, наукой, относится к духовным факторам производительных сил (см.: *Маркс К.* Конспект книги М. Бакунина «Государственность и анархия» // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955–1981 гг. Т. 18).

25. См.: *Тотоев М.С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957.

26. См.: *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980

Е.Б. Бесолова

РЕВОЛЮЦИЯ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

В лексике, как известно, отражаются все сферы, окружающие человека, и их оценка, внутренний его мир, взаимоотношения с людьми и многое другое, всё то, что мы называем материальной базой, хранящей и передающей во времени коллективную языковую память народа. Этой способности языка, лежащей в обновлении вещно-понятийного мира и реализуемой через функцию называния и оценки, связанной с миром вещей, процессов, состояний, посвящена статья.

Перед нами стояла задача: вычленив в лексике осетинского языка пласт, связанный с революцией и с переменами при освоении осетинами «нового» предметного мира; выявить роль человеческого познания и опыта в формировании новых понятий, появлении названий реалий и явлений действительности, ранее не известных, в установлении связей и взаимоотношений между ними.

Важные вехи жизни общества первой трети XX века – события

Первой мировой войны, Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции, гражданская война и первые годы советского строительства – существенно пополнили лексику осетинского языка новыми словами (неологизмами), новыми их значениями (неосемами) и новыми употреблениями.

В новых словах, появившихся в языке осетин, – размах и величие социальных движений в России и Осетии, рост революционной сознательности и авангардная сила рабочего класса; панорама действий двух враждебных армий, судьбы людей, попавших в орбиту грозных исторических событий; масштабность классовых интересов и победоносный итог революционных событий.

По мнению В. В. Лопатина, основанием для появления лексических и семантических неологизмов является необходимость наименования новых понятий, реалий, а также потребность в новых экспрессивных обозначениях известных явлений и стремление к единому слову как замене словосочетания [7, с. 17]. Приводим слова Н. Крушевского, подтверждающие проявление в способах лексического и семантического обновления языка связующего свойства языка и мышления; ср.: «Так как язык никогда не имеет и не может иметь столько слов, сколько требуется для названия бесконечной, вечно изменчивой и вечно увеличивающейся, массы понятий, то он всегда принуждён прибегать как к производству, так и к <...> расширению значения некоторых слов» [5, с. 141].

Словарный состав языка, как известно, удивительно подвижен: одни слова-номинации старых понятий уходят (*æлдар*, *æлдарад*, *номдарад*, *абырæг*), появляются новые слова (*совет*, *революци*, *ревком*, *Октябрь*, *ногдзау*, *сырхæфсæддон*), изменяется значение других (*пъырыстыф*, *хицауад*).

События Февральской революции вызвали к жизни слово *забастовкæ* «забастовка, стачка» и его производное – *забастовкæгæнæг* «бастующий»; «забастовщик, стачечник»; а также глагол *забастовкæ кæнын* «бастовать» – наряду с имеющимся в осетинском языке словом *куыстурад* с тем же значением.

Стихийная сторона событий, революции, столкновения с полицией мотивировали появление существительного *патруль* и глаголов *патрулы цæуын*, *патрулай зылын* «патрулировать» [4, с. 331].

Шла чуждая интересам народов Первая мировая война, на которую призывались людские массы, а их демобилизация «*демобилизаци*» была отягощена определёнными трудностями, к примеру, дезертирством «*дезертирдзинад*», деморализацией «*деморализаци*».

В канун империалистической войны «*империалистон хæст*» тревога за судьбы буржуазной интеллигенции «*буржуазон интеллигенци*» и содержание социальной «*социалон*» жизни народов овладела как Россией, так и Осетией. «Гуляла» мысль о губительности власти «краснощёких» («*сырхуадул*»), о необходимости преобразования всей российской действительности.

Движение к революции зывало в различных слоях населения революционные настроения (*революцион зæрдæйы ахаст*) и побудило демократическую интеллигенцию (*демократон интеллигенци*) обратиться к авангардной роли (*авангардон роль*) рабочего класса (*кусæг кълас*).

Подготовка к революционным событиям (*революцион цау*) выявила процесс превращения забитой народной массы в осознающую свои интересы и свою историческую роль (*хи интерес æмæ историон роль*) социальную силу (*социалон тых*).

Как известно, в феврале 1917 года самодержавие в России было свергнуто восставшими рабочими и солдатами, открыв невиданный простор для ориентации партии (*парти*) и рабочего класса (*кусæг кълас*) на завоевание большинства в Советах (*Совет*) и передачу им всей власти. Состоявшаяся в октябре 1917 года революция (*революци*) направила революционный дух (*революцион ныфс*) народа на борьбу за свержение Временного правительства (*Рæстæгмæ хицауад*) и передачу власти в руки большевиков (*большевик*). С революциями, с созданием РСДРП и Советов в жизни Терской области начались серьёзные позитивные перемены, которые оказались зафиксированными в лексическом фонде северокавказских языков, в том числе и в осетинском.

Новые слова периода революций образовали группу собственно лексических неологизмов, возникших для обозначения новых понятий. К примеру, слово *революци* < революция, фр. *revolution*, появилось в русском языке в XVIII в. в связи с событиями Великой французской революции, а в начале XIX в. уже употреблялось декабристами. Во второй половине XIX в. оно используется А.И. Герценом, Н.П. Огарёвым, Н.Г. Чернышевским в письмах, дневниках и их работах. В конце XIX – начале XX вв. слово *революция* широко употребляется в России как в период подготовки первых двух буржуазных русских революций, так и Великой Октябрьской социалистической революции; в это же время оно попадает и в национальные языки, в том числе осетинский. Полное значение слова *революция* раскрывается В.И. Лениным в речи на Третьем Всероссийском съезде Советов: «Вспомните, что все великие революции стремились всегда смести до основания

старый капиталистический строй, стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствующих классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению» [6, с. 286–287].

Так и завершилась история революционного движения (*революцион змæлд*) в России. Великая Октябрьская социалистическая революция победила, а в осетинском языке закрепились слова: пролетарий – *пролетар*; пролетариат – *пролетариат*; революционный – *революцион*; ревком – *ревком*, революция – *революци*; ср. *Революци æмæ мидхæсты заманы Малиты Геусерги хæстæг æрбалæууыд, ног цардыл чи тох кодта, уыдон рæнхъытæм* (Джыккайты Шамил). – Во время революции и гражданской войны Малиев Георгий оказался в рядах тех, кто боролся за новую жизнь.

Появились вслед за новыми словами и новые словосочетания: пролетарская революция – *пролетарон революци*; социалистическая революция – *социалистон революци*; Октябрьская революция – *Октябры революци*; Великая Октябрьская социалистическая революция – *Цытджын Октябры социалистон революци*; революционный комитет – *революцион комитет*; революционная борьба – *революцион тох*; ср. *Уыйадыл полк ныллæууыд революцион тохы фæндагыл* (Джыккайты Шамил). – На этом полк стал на путь революционной борьбы.

Наступило время революционных перемен (*революцион ивддзинад*), и главными героями и выразителями выступали революционные солдаты (*революцион салдат*), матросы (*матрос*), рабочие (*кусæг*) и большевики (*большевик*).

Известно, что С. М. Киров руководил революционным освободительным движением (*революцион сæрибаргæнæн змæлд*) на Тереке, где в марте 1918 г. устанавливается Советская власть (*Советон хицауад*).

В речи населения появляются новые понятия: совет (орган власти) – *совет*; Верховный Совет – *Сæйраг Совет*; местные советы – *бынагтон советтæ*; советский – *советон*; Советская власть – *Советон хицауад*; Советы трудящихся – *фæллойгæнджыты Советтæ*; Советское государство – *Советон паддзахад* и др.

В 1918–1920 гг. рабочие и крестьяне в ожесточённых боях на фронтах гражданской войны упорно защищали от объединённых сил контрреволюции и международного империализма достижения Октябрьской революции (*Октябры революци*); перечисленные события вызвали к жизни следующие слова; ср. гражданская война – *мидхæст*;

контрреволюция – *контрреволюци*; контрреволюционер – *контрреволюционер*; контрреволюционный – *контрреволюцион*; международный империализм – *æхсæнадæмон империализм*.

Уже в 1917–1918 гг. в осетинском языке, как свидетельствует публицистика того времени [9], появляются новые слова и словосочетания.

К примеру, сообщается, что в 1917 г. во Владикавказе состоялся общесетинский съезд (*æппæтирон адæмы съезд*) учителей, на котором решался вопрос о национализации осетинской школы (*ирон скъола националizations скæнын*), о том, что во главе школ должен стоять совет училища (*училищæйы совет*). В Северной Осетии был образован Союз учителей (*ахуыргæнджыты Цæдис*). Встречаются в информации также словосочетания: *Терчы Советон Республикæ, республикæйы ревком, Советон хицаудзинад, культурон-демократон фæндаг, быннæтон советтæ, Уæрæсейы Федерацийы хицауад, Уæрæсейы Советон Федеративон Социалистон Республикæ; Мæскуыы университет, Советон республикæйы хицауад, Советон декрет, облæсты ревком, профессионалон цæдис, адæмон ахуырады хайад, Центрон статистикон управлени, Хæххон АССР, Адæмон Комиссарты Совет, Хæххон институт, наукон-техникон бæстæхай, Центрон Комитет, нациты адæмон комиссарад* и многие другие.

Заметим, что появились в осетинском языке и лексико-семантические неологизмы, возникшие в результате переосмысления существующих в языке названий.

К примеру, новое, переносное, значение появилось у осеннего месяца *октябрь*: после свершения Великой Октябрьской социалистической революции он стал восприниматься как *наименование*, название важнейшего события и этапа в жизни (*Цытджын (Стыр) Октябры социалистон революци*).

Синонимом слов и словосочетаний – *революци* – революция, *революцион* – революционный, *Сырх Æфсад* – Красная Армия, *сырх галстук* – красный галстук, *Сырх гварди* – Красная гвардия, *Сырх тырыса* – Красное знамя, *сырхтырысаджын* – краснознамённый, *Сырх флот* – Красный флот, *сырхгвардион* – красногвардеец, *сырхæфсæддон* – красноармеец, *сырхфлотон* – краснофлотец – явилось слово, обозначающее цвет, *сырх* – «красный».

Прилагательное *урс* – «белый» в словосочетании *Урс гварди* «Белая гвардия» и сложном слове *урсгвардион* «белогвардеец» стало синонимом врага, т.е. контрреволюционной армии (*контрреволюцион æфсад, арми*).

Политическую работу в Красной Армии вели политкомы – *политикон комиссартæ* «политические комиссары»; военкомы – *æфсæддон (хæстон) комиссартæ* «военные комиссары»; в данных словосочетаниях произошло изменение значения слова *комиссар* от «чиновника, выполняющего полицейские функции» до «лица, несущего вместе с командиром ответственность за политическое, боевое и материально-хозяйственное состояние части» [8, с.82]. Эти семантические неологизмы «родила» новая власть.

Куда важнее появления новых слов возникновение *новых* значений у старых: ср. *сырх кæуым* «красный уголок»; формирование новых, устойчивых словосочетаний: ср. пролетарская революция – *пролетарон революци*; социалистическая революция – *социалистон революци*; Октябрьская революция – *Октябры революци*; Великая Октябрьская социалистическая революция – *Цытджын Октябры социалистон революци*; Верховный Совет – *Сæйраг Совет*; местные советы – *бынæттон советтæ*; Советская власть – *Советон хицауад*; Советы трудящихся – *фæллойгæнджыты Советтæ*; Советское государство – *Советон паддзахад* и др. Заметим также, что слова *Совет*, *революци* как самые распространённые русизмы имели частое и всеобщее употребление.

Неологизмы, или чужие слова, попадая в осетинский язык, адаптировались и оформлялись по его законам.

Появившиеся в повседневной жизни осетинского общества новые реалии и явления обогащали лексику языка через старые и новые способы словообразования. К ним относят создание аббревиатур разной структуры, заимствование слов из другого языка, комбинирование существующих с заимствованными словами приобретение словом нового значения, лексикализацию номенклатурных знаков [2; 3].

Одним из таких способов, привнесённых из русского языка, считается *аббревиация*, ставшая самым активным процессом в результате Октябрьской революции. Аббревиатуры осетинского языка появляются под влиянием русского, что дало основание лингвистам заявить, что этот способ словообразования не характерен для осетинского языка, что сложносокращённое слово является лишь отражением соответствующей русской аббревиатуры, да и количество их в языке невелико [2, с. 112 – 113].

Аббревиация полностью зависит от соответствующих русских образцов, поэтому можно считать их прямыми переводами-кальками с соответствующих русских лексических единиц; ср. *мидхæст* «гражданская война». Существительные с полупрефиксом *мид-* обозначают,

что названный мотивирующим словом предмет (*хæст*) имеет отношение к чему-то внутреннему.

В осетинском языке представлена как аббревиатура из начальных звуков каждого компонента (*ОССР* или *ОЦСР* – «Октябры Стыр (Цытджын) социалистон революци»), так и из начальных частей нескольких компонентов (*ревком* – «революцион комитет») или из начальной части первого компонента и целого компонента второго (*контрреволюци*–контрреволюция; *ревсовет* –революцион совет; *хъæусовет*–сельский совет). Путём стяжения словосочетания в цельно-оформленное (*хъæусовет* «сельский совет» < *хъæуы совет* «села совет») шло образование части слов; в этом случае значение неологизма выводилось из его компонентов.

Проф. Н. Я. Габараев пишет, что письменный язык более разборчив и вместо русских аббревиатур выдвигает эквиваленты, образованные с участием элементов осетинского языка, которые ничем не отличаются от русских сложносокращённых слов [2, с. 113]. К примеру, образование *ногдзау* от русского *пионер* с полусуффиксом *-дзау* выражает значение «идущий ради того, что названо мотивирующим словом *ног* «новый» и характеризуется повышенной идиоматичностью».

Среди лексики эпохи революции встречаются субстантивированные прилагательные осетинского языка; это продуктивный тип; составляют его существительные со значением лица: *æфсæддон*; *пролетарон*; *советон*; *тырысаджын*; *сырхфлотон*. В этом подтипе «название лица по предмету, явлению, к которому оно имеет отношение», в роли мотивирующих выступают всегда относительные прилагательные суффиксального образования, мотивированные существительными или субстантивированными словами.

Но, пожалуй, самым продуктивным оказался способ образования прилагательных с суффиксом *-он*, с общим значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом».

Из них мы выделили прилагательные со значением «принадлежащий, относящийся к тому, что названо мотивирующим словом» (*социалистон*, *советон*; *бынæттон*, *революцион*, *æхсæнадамон*, *гвардион*). На одной особенности производных с суффиксом *-он* хотелось бы остановиться. Все мотивирующие, выраженные существительными, прилагательными осетинского языка представлены в виде оформленных слов; так и в случае, когда в качестве мотивирующего слова выступают заимствованные из русского языка существительные на *и* или *согласный*. Но проф. Т.А. Гуриев заметил, что большое количество

прилагательных с суффиксом на *-он* осетинского языка, образованных по русским образцам, либо не имеет соответствующих мотивирующих существительных, либо же образуется не по правилам осетинского языка [3, с. 61].

Данное наблюдение означает, что они произведены непосредственно по русским моделям и принадлежат к интернационализмам, а элементы, предшествующие осетинскому суффиксу *-он*, представляют собой обычные в них суффиксы средневековой латыни.

Любопытно также замечание Н.Я. Габараева о том, что в целом образования на *-он* – экстренно произведённые лексические единицы, и это в полной мере соответствует стремительному революционному времени 1917 – 1922 гг. [2, с. 122].

Нередки в лексике тех лет и образования на *-ад*: *лоялонад* < лояльность, *хицауад* < власть, (*Советон*) *паддзахад* < Советское государство, а также прилагательные, сохраняющие семантическую связь с соответствующими соотносительными конструкциями, со значением «подвергшийся воздействию того, что названо мотивирующим словом»; ср. *оккупацигонд* «оккупированный» < *оккупаци*. Привлекают внимание и сложные прилагательные, представляющие собой прямой перевод соответствующих русских; ср. *кусæг-зæхкусæгон* «рабоче-крестьянский»; *буржуазон-меньшевикон* «буржуазно-меньшевистский»; ср. *Æрцыз сын фадат Гуырдыстыны селдæртты æмæ буржуазон-меньшевикон хицауады сæфсондзæй фервæзынаен* (Джыккайтты Шамил). – Представилась им возможность избавиться от гнёта грузинских господ (алдаров) и буржуазно-меньшевистского правительства.

Проф. Т.А. Гуриев пишет, что обогащение осетинского языка с революционного времени шло не только неологизмами (советизмами), отдельными заимствованиями, но и образованием новых фразеологических единиц [3, с. 108]. Появившиеся в суровые революционные годы устойчивые сочетания оформлялись по нормам сочетания слов в осетинском языке, хотя в структурном отношении о новизне говорить не приходилось. При образовании неологизмов этого периода продуктивны суффиксы осетинского языка *-ад*, *-он*, *-дзинад*, *-аг*, причём суфф. *-аг* уступает частично свои образовательные функции суфф. *-он*.

Устойчивые сочетания (*Советон паддзахад* – Советское государство; *Советон хицауад* – Советская власть; *Сырх Æфсад* – Красная Армия, *сырх галстук* – красный галстук; *Сырх гварди* – Красная гвар-

дия; *Сырх тырыса* – Красное знамя; *Сырх флот* – Красный флот и др.) образованы из материальных ресурсов осетинского языка. Они в основном отражали неожиданные и благодатные изменения в общественно-политической и социальной жизни людей, которые принесли Октябрьская революция и Советская власть.

Анализ лексических неологизмов выявил, что в них корнями выступают русские слова, а в оформлении участвуют словообразовательные элементы осетинского языка; ср. *парти*, *партийы усенг*, *партийы устав*; *партион*, *партиондзинад*, *партион фиддон*, *партион фæдзæхст*, *партстаж* [4, с. 330].

Семантическая целостность объединяет словосочетания, вошедшие в активную лексику осетинского языка путём калькирования, несмотря на раздельное структурное их оформление, а также сложные слова; ср.: *Сырх Æфсад* – Красная Армия, *Сырх гварди* – Красная гвардия, *Сырх тырыса* – Красное знамя, *Сырх флот* – Красный флот; сложные слова *сырхгвардион* – красногвардеец, *сырхæфсæддон* – красноармеец, *сырхфлотон* – краснофлотец, советон *æхсæнад* «советское общество», *социалистон арæзтад* «социалистическое строительство».

Таким образом, в лексике первой трети XX в. «застыли» грандиозные масштабы социально-исторических событий, подтверждая очевидность воздействия социальных факторов на язык, и слова Р.А. Будагова о том, что «общественная природа языка обнаруживается, прежде всего, в лексике; <...> напоминает о себе двояким образом: в создании собственно нового и в обновлении старого, в процессе приведения старого в соответствие с нуждами людей, живущих в обществе» [1, с.12].

1. Будагов Р.А. Что такое общественная природа языка // Вопросы языкознания. 1975. № 3. Стр. 3–26.

2. Габараев Н. Я. Морфологическая структура слова и словообразование в осетинском языке. Тбилиси: Изд-во «Мециниереба», 1977. 175 с.

3. Гуриев Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1962. 116 с.

4. Ирон-уырыссаг дзырдут: Осетинско-русский словарь. 5-ое изд. / Науч. ред. Т. А. Гуриев. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

5. Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 35.

7. *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Гл. ред. А. П. Евгеньева, выполн. Л.П. Алекторовой и др. М.: Русский язык, 1986. Т.2. 736 с.

9. *Чибиров Л. А.* Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. Т. 3.

С.В. Дарчиева, А.В. Дарчиев

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ П.Н. МИЛЮКОВА

Начало ХХ в. для России – это время испытаний революциями и выбора исторического пути. В отечественной историографии события этого периода нередко изучались без учета противоречивости общественных явлений, а революция рассматривалась как единственный возможный вариант выхода из кризиса. При этом значимость реформ преуменьшалась, а их влияние на преобразования изображалось как побочный результат революционной борьбы.

Современная историческая наука переживает процесс переосмысления старых представлений, ищет новые подходы к изучению многих проблем российской истории. В этой связи как нельзя более актуальным становится обращение к эмигрантской литературе, которая сохранила традиции и профессионализм дореволюционной российской науки.

Понятие «революция» в представлении многих ученых-эмигрантов имело многозначный смысл. Наиболее полно и последовательно это выразил П.Н. Милюков (1859 – 1943), крупнейший историк, лидер партии кадетов и в эмиграции остававшийся политическим лидером и ученым.

Размышляя на эту тему, П.Н. Милюков отмечал: «Вопрос о сущности революции, как одного из проявлений общественной борьбы, до сих пор не разработан и не выяснен надлежащим образом. Историки еще не сговорились даже о том, что такое революция, в отличие от простых смут, восстаний, частных бунтов, религиозных или освободительных войн. Никто не пытался даже создать классификаций революций» [7, с. 29]. П.Н. Милюков определял революцию как процесс исторического развития, сопровождаемый прогрессивным политиче-

ским и социальным содержанием. «Революция – это форма процесса, а не сам процесс, это прорыв новых общественных отношений. И как форма она никогда не желательна, но она бывает, неизбежна, когда силы ей противоположные не хотят уходить с поля боя» [1, с. 147] .

Говоря о «корнях российской революции», Милюков видел ее первопричину в «несовершенстве и незрелости политической мысли», в историческом прошлом России, а также в «слабости русской государственности и преобладании в стране безгосударственных и анархических элементов» [4, с. 12].

Содержание революционного процесса П. Милюков отделял от его возможной насильственной формы. Форма революционного процесса может быть как мирной, так и насильственной, и реализацию той или иной формы П. Милюков ставил в зависимость в значительной степени от субъективного фактора, от волевой деятельности политических руководителей и степени сознания общественности. Задача политических деятелей заключается в том, чтобы противостоять насильственным революционным методам борьбы и направлять революционный процесс в мирное, парламентское русло.

П.Н. Милюков разделял понятие «социальной» революции, которую он не принимал, и «политической» или «конституционной», которая выражалась в постепенной модернизации государственного строя России. Отдавая предпочтение эволюционному реформированию государственности, П.Н. Милюков все же допускал и ее революционное обновление. При этом он отмечал, прежде всего, необходимость процесса подготовки этой революции, выражающегося в формировании нового национального самосознания. Именно поэтому П.Н. Милюков считал возможным называть революцией историческое движение, имеющее прогрессивное политическое и социальное содержание для поступательного развития государства в целом. Реформирование государственного строя в России, его преобразование в конституционную монархию, установление в стране парламентаризма он считал, по существу, революционными мерами. С этой точки зрения реформаторская деятельность вне зависимости от того, кем она проводилась, представлялась ему революционной.

Возможность последовательных революционных преобразований историки-эмигранты связывали с деятельностью российского парламента.

Партия конституционных демократов высоко оценивала Манифест 17 октября 1905 г., считая, что Россия стала конституционной монархией. Они выражали уверенность, что Манифест «изменит жизнь к лучшему, установит во всем новые порядки». Объективно оценил события, происходящие в стране историк и депутат кадетской фракции А.А. Кизеветтер: «Властвовать над Россией при помощи военной силы можно еще и без Думы; но управлять Россией, то есть правомерно регулировать жизненные процессы великой страны – без Думы уже невозможно» [3, с. 194]. В этой связи необходимо заметить, что лидер партии «Народной свободы» не считал Манифест 17 октября подлинно революционным, т.к. этот государственный акт, хотя и идет значительно дальше всех предыдущих, «все же еще не представляет даже минимума уступок, необходимых на сегодняшний день» [8, с. 144]. Отсюда следовало, что обещания власти провести политические реформы могут быть взяты обратно.

Политическая программа, представленная в работах П.Н. Милюкова, была подчинена важной идее построения в России правового государства. П.Н. Милюков предлагал модернизировать государственно-правовые институты России не только путем теоретического осмысления данной проблемы, но и путем практического ее воплощения в основных законопроектах, предлагаемых для осуществления в стране через Государственную Думу.

Прекращение деятельности 1-ой Государственной думы, в которой особенно сильным влиянием пользовались конституционные демократы, для многих из них означало крах парламентских иллюзий. Реформируя политическую систему, самодержавие выступало противником парламентаризма с его идеей разделения властей. Прав был П.Б. Струве, заявляя, что в «правосознании фактически властвующих, правящих сил в России конституция еще не существует» [2, с. 149].

Парламентский и реформаторский потенциал конституционных демократов уменьшался с каждой новой Думой, и, как отмечалось кадетами, «самодержавно-бюрократический строй не может быть сломлен усилиями какого-либо одного общественного класса, и поэтому партия стоит за объединение сил для решения задач конституционным путем. Поскольку большинство народа не готово к республике, поэтому партия выступает за конституционную монархию» [5, с. 4]. Лидер партии кадетов придерживался той точки зрения, что России необходимо сначала утверждение конституционной монархии, и только потом, на основе изменения народного правосознания, постепенное преобразование его в республику.

Крах надежд на мирный, парламентский, конституционный строй в России историки-эмигранты связывали с объективными и субъективными причинами – это и ограниченные возможности Думы, и неготовность депутатов к законотворчеству, и сопротивление самодержавия, судорожно цеплявшегося за неограниченную власть, и поведение правящей элиты, а так же революционно-агрессивные устремления левых партий и многое другое.

Уже будучи в эмиграции, П.Н. Милюков, отвечая на многочисленные негативные оценки исторической роли российского парламентаризма, доказывал, что Государственная дума стремилась предупредить революцию. Одновременно Павел Николаевич утверждал, что объективные попытки со стороны Думы ограничить власть самодержавия способствовали успеху революции в феврале 1917 г. [1, с. 150].

Темой для политических споров в эмигрантской среде стал вопрос о соотношении Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Резко критическое отношение противников Октября 1917 г. приводило их к идеализации и противопоставлению Февраля Октябрю. Февральская революция являлась для противников большевиков результатом общенационального движения и привела к образованию Временного правительства. А Октябрьская революция, по их мнению, это результат большевистского переворота. П.Н. Милюков являлся одним из авторов противопоставления Февраля Октябрю. По его мнению, Февральская революция началась «сверху» и получила успех благодаря Государственной Думе и сильной оппозиции власти со стороны военного командования. П.Н. Милюков не принял Октябрьскую революцию и считал ее трагической ошибкой и социальной катастрофой, осуждал диктатуру пролетариата как диктатуру меньшинства, не способную обеспечить политические и социальные права всему народу. Он резко критиковал разрушения в период революции и начало братоубийственной борьбы, политику в области науки и культуры, преследования интеллигенции и т.д.

Одновременно с этим Милюков считал, что разрушая ту или иную общественную структуру, революция взамен ее создает новую, соответствующую интересам социальных групп захвативших власть. Главные завоевания большевиков Милюков видел в разрушении помещичьего землевладения, наделении землей крестьянства, повышении самосознания народа в целом. Глубокий поворот Милюкова в отношении советской власти был связан, прежде всего, с теми пре-

образованиями, которые проводились в России «под жесткую шепуху большевистского насилия». Он отмечал, что произошел громадный «психологический сдвиг» и сложилась «новая социальная структура», «новые слои и настроения» [6, с. 80, 444]. По существу, П.Н. Милюков предложил выявить то конструктивное, что было в большевистской революции, несмотря на всю уродливость ее форм и примитивность проявлений, изучить «зародыши» последующих возможных трансформаций при альтернативном варианте развития. Содержанием социалистического строя, по П.Н. Милюкову, должно было быть установление парламентского правового государства с капиталистическим типом хозяйствования и мелкой частной собственностью.

П.Н. Милюков решительно отвергал открытую интервенцию Антанты с целью свержения большевистской власти, он делал ставку на соединение всех недовольных большевиками внутри России и сил эмиграции. Однако новый тактический курс П. Милюкова столкнулся с непониманием, а иногда и с агрессивным неприятием со стороны эмиграции и обвинениями в сочувствии большевикам.

Национальный вопрос, как известно, всегда был одним из самых болезненных вопросов для российской общественности, в том числе и для конституционных демократов. Тезис об их приверженности унитарной модели государственного устройства России до эмиграции порой отвлекал от выявления временной разницы в позициях и подходах, допускаемых теми или иными политиками. Неслучайно в свое время одним из трех вопросов «внутренней политики», рассмотренных П. Н. Милюковым в связи с принятием новой тактики, был национальный вопрос, решение которого в будущей России предполагало ее превращение в демократическую федеративную республику [6, с. 79].

Для правильного решения национального вопроса в России П.Н. Милюков считал необходимым учитывать важную, во многих случаях гипертрофированную, роль государства в истории России. Приверженец идеи единой и неделимой России П.Н. Милюков выступал против раздробления России, понимая под Россией не только государство великороссов, но государственный организм, состоящий из ряда национальностей, объединённых единством прошлого и судьбы. Сильное государство для Милюкова – средство сохранения самой нации.

Готовый пойти на признание диктатуры во имя восстановления страны и ее национального спасения, П.Н. Милюков пожертвовал си-

стемообразующей в либерализме идеей демократии и индивидуальной свободы и пришёл к оправданию большевизма, сумевшего возродить государственность в границах позднеимперского периода. Либеральные идеи государственника и патриота П.Н. Милюкова оказались подчинёнными «новой тактике», направленной на союз с социалистами, что, по сути, вывело кадетов за пределы либерального лагеря.

Таким образом, воззрения П.Н. Милюкова на реформы и революцию претерпели серьёзную трансформацию: от решительного неприятия насильственной формы революционного процесса (и, соответственно, «Октябрьского переворота») до признания заслуг большевиков в сохранении Российского государства. Хотя политическая деятельность в России завершилась для П.Н. Милюкова поражением, отнюдь не все его идеи устарели. Общественно-политические взгляды П.Н. Милюкова, несомненно, требуют дальнейшего изучения. Для представителей отечественного либерализма новой формации он может быть ярким примером политика-либерала, осознавшего, что интересы государства и нации стоят неизмеримо выше любых, даже самых привлекательных, либеральных идей.

1. *Вандалковская М.Г.* «Революция и реформа» в эмигрантской литературе // Реформы и реформаторы в истории России: сборник статей / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: Изд. центр Института российской истории, 1996. С. 147 – 156.

2. *Дарчиева С.В.* Модернизационные процессы в политической системе Российской империи в 1905 – 1907 гг. // Власть, 2012. № 9. С. 147–151.

3. *Кизеветтер А.А.* Письма из Таврического дворца // Русская мысль. 1907. Апрель. С. 190 – 199.

4. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. Т. 1. София, 1921.

5. Нападки на партию Народной свободы и возражения на них / под ред. А.А. Кизеветтера. М., 1906. 143 с.

6. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 – июнь 1921 гг. Т.4. М.: РОССПЭН, 1996. 544 с.

7. Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову, 1859 – 1929 / Под ред. Б.А. Евреинова, А.А. Кизеветтера. Прага: Типография «Орбис», 1929. 547 с.

8. Цит. по: *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М.: Наука, 1983. 326 с.

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИКО-ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН

Важнейшей составной частью историко-песенного творчества осетинского народа являются героические песни с революционной тематикой. «Героическая песня, – писал В.И. Абаев, – с давних пор и до сегодняшнего дня является излюбленным и наиболее распространенным видом песенного творчества и песенного исполнения осетинского народа. Наряду с нартовским героическим эпосом героическая песня не только служила основной формой, в которую выливалось художественное творчество народа, но и выполняла большую воспитательную миссию. На героях этих песен молодежь училась тем качествам, которые составляют идеал свободолюбивого горца: любовь к вольности и независимости, сознанию своего человеческого достоинства, протесту против всякой несправедливости, угнетения и насилия, мужеству, смелости и отваге, тому подлинно героическому духу, который всегда и без колебаний предпочитает славную смерть позору и унижению» [1, с. 21]. Песни о героях и событиях революции рождались стихийно в среде простого народа в 1918–1920 гг. В песнях тех лет нашли выражение идеи, взгляды, чаяния и настроения людей, воспринявших революцию с восторгом и надеждой на улучшение тяжелой жизни народа. Но тема революции стала объектом массового песнетворчества не только в Осетии, но и всей России, где уже с первых дней советской власти исполняли песни, вышедшие из революционного подполья. Главным образом это были песни, вышедшие из французской революции и ставшие интернациональными по содержанию («Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Вы жертвою пали» и др.). С созданием же Красной Армии и началом гражданской войны потребовались песни нового содержания, которые соответствовали бы событиям и явлениям новой действительности. Большинство русских песен гражданской войны слагались по законам фольклора, без авторства.

Однако если первые революционные русские песни возникли на основе наследия прошлого, когда новые тексты соединялись с широко известными напевами, осетинские революционные песни создавались в соответствии со сложившейся традицией народных героических песен. «В репертуаре народа имеется большое количество песен о реальных конкретных героях, которые, однако, не все могут быть отнесены

к жанру исторических. В осетинском быту до сих пор (в меньших масштабах, чем раньше) живет традиция, по которой память умершего, чаще погибшего героически или трагически, должна быть увековечена не только надмогильным памятником, но и сложенной о нем песней» [9, с. 49].

Как жанр исторические песни осетин сформировались в XIV – XV вв. Так, песня «Задалески Нана» отражает события конца XIV в. и заложила традицию переноса исторических событий в песню.

К историко-песенному жанру устного народного творчества осетин относятся лирико-эпические произведения, изображающие события или эпизоды из жизни исторических лиц, чья деятельность импонирует создателям и носителям песни («Песня об Айдаруке», «Есе Кануков», «О Куртатинцах», «Чермен», «Хазби» и др.).

Поэтика историко-песенного фольклора осетин, несмотря на хронологический разброс текстов, сохраняет общие черты. Стилистика и лексический строй исторических песен, как дооктябрьского периода, так и с революционной тематикой, обладают рядом характерных особенностей, сближающих их:

1) призыв встать на защиту народа, что выражается междометиями, показывающими призыв, а также глаголами повелительного наклонения: «*цæй ут!*» ('ну же!'), «*фæстут!*» ('восстаньте!', 'поднимитесь!'), «*рацæут!*» ('выходите') и др.;

2) воспевание героизма погибшего за народное дело;

3) диалогические речи от имени павшего героя, в которых он обращается к матери, брату или товарищам;

4) использование традиционных форм стихосложения в героических песнях.

В то же время революционным песням характерны:

1) максимализм, выражающийся в готовности умереть за дело коммунистической партии и строительства социализма, что наиболее наглядно было выражено в песне «*Хонхи Дигори партизанти зар*» («Песня о битве партизан горной Дигории»):

*Партизаны Дигории песню свободы запели,
Выполняя указ коммунистической партии,
Пусть же жизнь ваша будет долгая, партизаны нашей Дигории,
За то, что вступили в битву при строительстве социализма*
(Подстрочный перевод. – Ф.Т.) [6, с. 573];

2) происходит резкое идеологическое размежевание на «своих» и «врагов»: «беднота», «бедные горцы» – «белая армия», «казаки», «богачи»; в таких песнях часто идет противопоставление «враг» – «свой»:

*«Когда пришел негодяй Шкуро –
В пагонах ангел смерти»...
«Мой старый отец тогда вышел
С вилами мстить за кровь» («Песня о Кудзи Колоеве»).*

3) в песне появляется набор идеологических штампов, характерных постреволюционному периоду: «за свободу угнетенного народа» («*æфхæрд адæмæн сæрибар раттыны тыххæй*»), «врагам народа» («*адæмы фыдызнæгтæн*»).

Характер и содержание исторических песен не предполагает достоверного описания исторических фактов. Они повествуют о прошедших событиях, но складываются, как правило, после описываемых событий. В исторических фольклорных песнях может присутствовать вымысел, но он не играет определяющей роли. Главное в исторических песнях – отношение певца (сказителя) [4, с. 64] к произошедшим событиям, которое складывается, по определению Б.Н.Путилова, «из ряда аспектов: внутренняя историко-социальная обусловленность художественного содержания жанра; отражение в нем определенного комплекса явлений действительности; характер выражения в нем народных представлений и идеалов; конкретно-классовые элементы в его содержании» [8, с. 4].

Безусловно, нет оснований рассматривать историческую песню как некую поэтическую летопись исторических событий. Историческая песня всего лишь форма выражения народного искусства, реагирующая на те или иные социально-исторические события и явления.

Народная песня может не в полном объеме отражать историческую действительность, но всегда является показателем факта существования исторического события. «Историческая песня всегда событийна по своему содержанию, и событие, которое развивается в рамках сюжета, всегда получает характер события политического, исторического, действительно имевшего место и вполне определенно соотносимого с каким-нибудь конкретным моментом в политической истории народа, государства. Такова неизменная эстетическая установка песен – на создание конкретно-исторических сюжетов, с конкретно-историческими героями и более или менее откровенно политическими конфликтами» [8, с. 7].

Ярким примером «установки» исторической песни в осетинском фольклоре служит песня «Песня о Бургустане» («*Бургустаны зарæг*»).

Песня о Бургустане имеет два варианта, записанных в Южной Осетии. Лейтмотивом песни о Бургустане является гибель стрелко-

вого батальона юго-осетинской молодежи у станицы Боргустан возле города Эссентуки в 1920 г. Песня сложена в память о погибших.

В августе 1920 г. в казачьих станицах Пятигорского округа вспыхнули стихийные казачьи восстания. Для ликвидации казачьего мятежа в Эссентуки была направлена 2-я Южно-Осетинская добровольческая бригада. Из Эссентуков бригада пошла в наступление на станицу Боргустан. В результате яростных атак станица была освобождена Осетинской бригадой, а противник отступил в станицу Бекешевскую. Однако уставшие бойцы потеряли бдительность, не организовали должным образом охрану и оборону станицы, чем и воспользовались казачьи отряды. Они незаметно продвинулись к Боргустану крупными кавалерийскими частями. Осетинская бригада оказалась во вражеском окружении [3, с. 129].

В неравном бою из более 1000 бойцов погибли 545. В память о погибших впоследствии в станице был установленobelisk. На родине же трагические события в станице Боргустан нашли отражение в песне.

Вариант песни о Бургустане, записанный композитором и собирателем осетинских народных песен Б.А. Галаевым в 1920-х гг. в Южной Осетии, отличается от второго варианта песни, напечатанного в журнале «Фидиуаг» в 1938 г., как формой подачи содержания, так и авторизацией героев.

Запись Б.А. Галаева по форме подачи материала полностью соответствует традиционной героической песне, с частым употреблением междометных частиц «уай», «гъей», «уай-рæйдæ», а также упоминанием в песне конкретных имен и топонимов В Галаевском варианте песни речь о трагедии ведется в будущем времени:

«Уай, цаугæ канæм, фæлæ, зæгъы, фæстæмæ нал сыздæхдзыстæм!»

«Уай, ийти-идем, говорят, но обратно не вернемся!» [2, с. 215].

Как правило, будущее время (будто герой песни заранее знал об исходе его похода) в героических песнях употребляется для усиления трагедии и для большей убедительности его героизма (разве тот, кто знает, что будет убит, уже не герой!).

Вариант песни в записи Б.А. Галаева представляется более старым, чем опубликованный в журнале «Фидиуаг» и составленный, по всей видимости, вскоре после произошедшей трагедии, о чем свидетельствует и характер, и метод отражения событий героической песни.

Вариант песни о Бургустане, опубликованный в журнале «Фидиуаг», хотя и сохраняет традиции сложения народных песен, подвергся

сильному влиянию литературной формы стихосложения. В данном варианте нет упоминания ни об одном из участников тех событий, кроме как о «молодежи Юга», «Красной армии» и абстрактного врага. Из топонимов тоже упоминается только степь Бургустана.

Однако революционный пафос, отношение к тем, кто погиб за идеалы революции является главным лейтмотивом обоих вариантов песни. Составители песен, глубоко переживая гибель молодежи, манифестируют победу революции, смягчая боль потери лучших представителей молодого поколения тем, что их смерть оказалась ненеприятной.

По содержанию исторические песни с революционной тематикой можно разделить на несколько категорий:

1. Песни, в которых призывается молодежь на борьбу, как правило, от имени угнетенного народа или родного края. Таковым, например, является «Боевая песня»:

*«Уой, цомут хъазуатей,
Хæххон мæгуыртæ
Хæсты быдырмае
Знаджы ныхмае»*
*«Ой, идемте отважно,
Горская беднота
На поле брани
Против врага»* [6, с. 557].

Песня звучит как гимн, напоминающий известное стихотворение К.Л.Хетагурова

С нами высокое Знамя народа (К.Х.) – Выше поднимите Знамя борьбы (Боевая песня).

Призывные нотки звучат и в песне Дигорских партизан «Хонхи Дигори партизанти тохи зар»:

«Рацотæ, нæ фæсæвæд, сæребари хæсти тохмæ, гъей!»
«Вставай, молодежь, на битву за свободу!» [6, с. 573].

2. Песни, в которых воспевается героизм персонажей, смело выступивших на защиту революции. Они составляют значительный пласт исторических песен о революции и гражданской войне. В них прослеживаются все элементы композиции, за исключением запева, отсутствующего в большинстве песен.

Зачин, завязка, кульминация, развитие действия, развязка, исход встречаются во всех песнях. Помимо упоминания имени самого героя, в песне часто упоминаются лица, не имеющие прямого отношения к событиям, но связанные родственными или товарищескими

отношениями с главным героем. Так как историческим песням характерен конфликт, главные действующие лица противостоят друг другу: Колоев Кудзи – Шкуро, Абаев Александр – Шкуро, герой гражданской войны – казак/белогвардеец.

Однако в большинстве песен сюжеты не развернуты, в них не упоминаются обстоятельства и причины гибели героя. В таком случае из песни невозможно понять, о ком или о чем идет речь. Так, например, в песне про Исака Харебова о герое говорится только то, что он (с товарищами) отобрал у кадетов оружие, и что он получил 12 ранений [7, с. 64–65].

Исак Семенович Харебов принимал участие в создании «Союза революционного крестьянства Южной Осетии», а также являлся руководителем мартовского вооруженного восстания трудящихся Южной Осетии в 1918 г. В июне 1918 г. произошло восстание в Сачхерском районе. И. Харебов присоединился к восставшим и принял участие в обороне города Сачхери. В этих боях он получил многочисленные ранения, от которых не оправился и умер. В 1920 г. молодежь села Корнис сложила о нем песню. Так как Сачхерские события еще были в памяти, то составители песни, возможно, не посчитали необходимым описать подробную картину случившегося. Некоторые же песни, подобно эпическим произведениям, впрочем, каковыми и являются исторические песни, несмотря на небольшой размер стиха, довольно развернуто описывают события, в которых проявляет себя герой песни. Таковой является песня про Дебола Гибизова, Андрея Гостиева и Колку Кесаева [5, с. 76–77].

3. В отдельную категорию следует отнести песни о Ленине. Их не так много, однако, они характеризуют отношение народа к событиям, происходившим в 1917–1924 гг. Первая песня, сложенная о Ленине после его смерти, интересна тем, что известны авторы текста. Над созданием песни в течение нескольких месяцев работали 14 человек, затем исполнили ее во Владикавказе на областной партийной конференции. После они разъезжали с этой песней по горным и равнинным селам. В результате появились варианты песни о Ленине [6, с. 574–575; 7, с. 65–66].

Народные исторические песни, богатые социальным и историческим содержанием, больше, чем другие жанры фольклора отразили дух революционной эпохи и настроения масс. Исторические песни, созданные в 1918 – 1920 гг., являются не только маркером той эпохи и вспомогательным историческим источником, но и обогатили песенный жанр фольклора осетин идеями, образами, художественно-изо-

бразительными средствами. По мотивам революции и гражданской войны наибольшую популярность получили песни о героях революции Исаке Харебове («*Харебаты Исахъы зарæг*»), Сосо Нартикоеве («*Нартыхты Сосойы зарæг*»), Батарбеге Тогузове («*Тогуызаты Батæрбеджы зарæг*»), Дебола Гибизове, Андрее Гостиёве и Колка Кесаёве («*Гибизты Дебола, Гостити Æндире æма Къесати Колки зар*»), Кудзий Колоеве («*Къолойти Кудзий зар*»), Гулла и Царае Кодзасовых («*Хъодзасты Гъуллæ æма Цæрайи зар*»), Хамице Корнаёве и Садулла Кодзасове («*Къорнати Хæмиц æма Хъодзасты Садулли зар*»), Александре Абаёве («*Абайты Алыксандры зарæг*»), Касболате Албегёве («*Æлбегаты Хъасболаты зарæг*»), Амурхане Акоеве («*Акъоти Амурханы зар*»), Муха Будтуёве («*Будтуты Мухай зар*»), Хумпи Дзарасове («*Дзарасты Хумний зар*»), Дрисе Хайманове («*Хуйманты Дрисы зар*») и др.

Во всех этих песнях воспевается не просто героизм, но готовность к самопожертвованию ради счастливого будущего народа. Некоторые герои песен фактически не успели сразиться с врагом, найдя свою смерть прежде, чем проявили героизм (Песня о Залунгерее Келоеве; Песня о Хумпии Дзарасове и др.). Однако и их трагическая гибель стала объектом песнетворчества по причине самого факта их выступления против врага и готовности защитить свой народ.

Если художественная литература возвращается к теме революции или любой другой исторической теме спустя много лет, то народная историческая песня черпает необходимый материал для своего сюжета из современности. «Историческая песня не обращается к прошлому, она живет настоящим. Но настоящее отливается в песне в формы истории, получает историческое значение» [8, с. 9]. Потому и в осетинских историко-песенных сюжетах также наблюдается подход современника, или вернее сказать, современника-историка.

Безусловно, исторические песни осетин выражают взгляд на социальный конфликт с одной стороны – с позиции сторонников революции. Однако позицию и действия противной стороны в песне характеризует сюжетный конфликт. В любом случае, историко-песенный фольклор осетин может служить историческим источником при исследовании революционных событий и гражданской войны 1918–1920 гг., особенно в определении духа того времени.

1. Абаев В.И. Осетинская традиционная героическая песня // Осетинские народные песни. М., Изд-во «Музыка», 1964.

2. *Галаев Б.А.* Осетинские народные песни. М., Изд-во «Музыка», 1964. 244 с.
3. *Кесаев А.К.* Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть советов. Орджоникидзе, Ир, 1979. 241 с.
4. *Мамиева И.В.* Институт сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ, 8 (47). 2012. С. 61–79.
5. Осетинские народные песни /Составитель: К.Т. Казбеков / Орджоникидзе, 1960. 168 с. (*на осет. яз.*).
6. Осетинское народное творчество /Составитель: З.М. Салагаева. Т. 2. Владикавказ, Ир, 2007. 655 с. (*на осет. яз.*).
7. Песни, сказания, пословицы /Составитель Ш.Ф. Джикаев. Цхинвал, «Ирыстон», 1977. 303 с. (*на осет. яз.*).
8. *Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.
9. *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, Ир, 1973. 259 с.

Р.Я. Фидарова, И.А. Кайтова

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ОСЕТИИ В XX В.

В результате Октябрьской революции появилась необходимость формирования принципиально новой концепции культурного строительства в России в целом и в Осетии, в частности. При этом суть и сложность методологии ее становления и развития очевидны. Еще в дореволюционных работах В.И. Ленина было определено, что в основе социалистической культуры, новой философии, новой духовности, этики и эстетики должна лежать идеология пролетариата, которая должна служить задачам классовой борьбы. Очевидна была и необходимость преемственности отдельных элементов культуры.

Еще в начале 1920-х гг. складывалась советская система партийно-государственного руководства культурным строительством. Народным комиссаром по делам культуры был назначен А.В. Луначарский. Была образована Государственная комиссия по просвещению (9 ноября 1917г.). На местах также создавались отделы народного образования под контролем местных Советов, которым подчинялись все местные учреждения культуры. В 1920-е гг. возникли общества:

«Долой неграмотность!», «Союз безбожников», «Общество друзей радио», «Общество друзей советского кино» и др.

В сентябре 1917 г. был создан Пролеткульт как объединение рабочих литературных кружков, театральных и художественных студий. Целью его было создание новой пролетарской культуры, науки, философии и в целом подчинение искусства интересам пролетариата. Демократизация культуры – процесс сложный. Постепенно культура превратилась в эффективное средство идейно-нравственного воспитания, формирования «всесторонне и гармонически развитой личности». Как отмечалось в резолюции ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., «в классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства, хотя классовая природа искусства вообще и литературы в частности выражается в формах, бесконечно более разнообразных, чем, например, в политике»[1, с. 348].

Весьма активно проходили данные процессы в культуре и общественно-политической жизни национальных окраин. Так, 7 апреля 1926 г. прошло заседание Малого Президиума Северо-Кавказского крайисполкома «О положении в Северо-Кавказском Краевом национальном совете по вопросам культуры и просвещения горских народностей (Крайнацсовет)». На нем особо подчеркивалось, что «в целях планомерного содействия скорейшему культурному развитию горских народов... согласования работ и мероприятий всех краевых и местных советских учреждений и общественных организаций в деле культуры и просвещения горских народов, также непосредственного наблюдения и контроля за своевременным проведением в жизнь означенными органами возлагаемых на них центром и местной властью культурных задач и мероприятий... при Северо-Кавказском краевом исполкоме на основании резолюции III съезда Советов СССР от 20 мая 1925 г. «О нацменьшинствах», учреждается Северо-Кавказский краевой национальный Совет по вопросам культуры и просвещения горских народностей (КрайНацСовет) с широкими представительствами от местных автономных образований, периодически созываемый в г. Ростове-на-Дону». В компетенцию совета входит: «а) составление планов, проработка общеплановых культурных вопросов и предложений всех краевых учреждений, б) общее руководство... всеми вопросами культуры, в) разработка и представление на утверждение КрайИсполкома проектов постановлений по вопросам культуры, просвещения, письменности, языка и национальной печати» [6, л. 2].

К тому времени было проведено два съезда по вопросам культу-

ры и просвещения: первый – в 1924 г., второй – в 1927 г. Выработаны были единые принципы осетинской орфографии. Издано много учебной литературы: букварь на иронском и дигорском наречии; букварь для взрослых, грамматика осетинского языка; литература другого содержания: «Законы юных пионеров», «Заветы Ленина», « Ленин и Красная Армия», «Заветы Ленина деревенской женщине» (автор Н.К. Крупская), «Наш вождь – Ленин» (на иронском, дигорском наречиях), литературный журнал «Зиу» и т.д. Всего издательский план по Северной Осетии на 1927 – 1928 гг. был рассчитан на 220 п.л., а типография в год была способна издавать 550 п.л.» [7, л. 5].

Как отмечалось в «Декрете об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» от 17 июля 1918 г. г., «все библиотеки ликвидируемых и эвакуируемых государственных учреждений, а также библиотеки отдельных обществ и лиц, поступившие в полном составе или частью в распоряжение правительственных, общественных организаций и т.д., состоят во всех местностях РСФСР под охрану и на учете Народного комиссариата просвещения; дальнейшее назначение этих библиотек, распределение их, ровно как и создание новых библиотек, ведется состоящим при Народном комиссариате по просвещению Отделом библиотек РСФСР» [1, с. 265].

Соответственно Декретом Совнаркома Терской республики от 9 января 1919 г., было объявлено о национализации общественных библиотек, которые перешли в ведение областного комиссариата народного просвещения. 9 ноября 1918 г. чрезвычайный комиссар юга России Г.К. Орджоникидзе дал телеграмму В.И. Ленину о необходимости выделения 13 млн. руб. на постройку во всей области народных домов и библиотек. Решено было создать библиотеку имени Ленина, при которой предполагалось открыть отдел Октябрьской революции с включением всех книг Ленина [2, с. 222].

Постепенно приходило понимание необходимости качественно единства всех форм художественной деятельности. Жизнь искала новые способы созидания, потребления, хранения произведений искусства и, разумеется, новое понимание его природы. Упорядоченные, жестко регламентированные механизмы полностью профессионализированной художественной деятельности сложились в 20-х – 30-х гг. XX в. Труд художника стал оцениваться как специфический. Литература, театр также создавались профессионалами, которые уже считали себя таковыми. То есть сложилась ситуация, при которой в нормальный ход развития культуры вмешались обстоятельства социально-исторического характера, которые по-своему «перекроили»

весь путь становления осетинской материальной, духовной художественной культуры, философии, этики и эстетики – всего духовного мира осетин, в т.ч. и Ирондзинада, этнического мировоззрения, как доминанты философского сознания.

Таков путь формирования качественно нового осетинского советского искусства вкратце – искусства «преобразования жизни» как высшей и важнейшей цели советского искусства. Однако методологическая ориентация только на одну-единственную линию «прогрессивного развития» оказалась также малопродуктивной, как показала социально-историческая практика. Еще с ленинской концепции культуры пошла традиция советской культурологии трактовать развитие советской культуры только лишь по линии «прогрессивного развития». Основу ее составляет ленинская теория трех этапов освободительного движения в России: декабристы, Герцен, революционные демократы и большевики. Свою роковую роль сыграла ленинская же методология: «развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними» [3, с. 317]. В работе «К вопросу о диалектике» Ленин определяет классовую борьбу как источник движения в сфере общественной жизни и мысли: «свободная литература» призвана быть накопленной «опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)» [4, с. 104].

Эта ленинская концепция классовой борьбы как источника развития трансформировалась в сфере культуры в виде теории «двух культур». Так, он писал: «в каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры» и есть «господствующая культура», включающая в себя, кроме культуры буржуазной, также («в большинстве») черносотенную и клерикальную». То есть, большевиков не интересовала культура нации как целое. «Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только, и, безусловно, в противовес буржуазной культуре». И далее пояснял: «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман» [5, с. 120–121]. То есть понятие национальной культуры как целостности было отвергнуто изначально. Такова была ленинская методология подхода к национальной культуре, которая объективно и всегда является мощным фактором формирования этнического мировоззрения. Однако была упущена реальная возможность, которая в исторической перспективе могла оказаться весьма продуктивной.

Как писал А.М. Панченко, «столкновение культур всегда приводит к диффузии идей, ибо противники хотя и по-разному решают выдвигаемые эпохой проблемы, но это одни и те же проблемы» [9, с. 42].

Конечно, культурно-историческое развитие идет по восходящей линии, но в нем наряду с процессом накопления происходят и утраты. Природа данных издержек очевидна, ведь теория двух культур в каждой национальной культуре и отрицание одной из них существенно обедняли, можно сказать, разрушали целостность всей национальной культуры и этико-эстетического сознания. Проявляется тенденция формирования типологически единой структуры художественной культуры, духовно-нравственного мира народов, входящих в Российскую империю в начале XX в. После Октября 1917 г. особенно четко проявилась тенденция выстраивания осетинской национальной культуры по общероссийскому образцу и ее духовно-нравственного облика.

Сразу же после 1917 г. происходят сложные процессы в духовно-нравственном и культурном сознании и самосознании осетин. Октябрь, утверждая новые общественные отношения, всколыхнул искусство, создал новую художественную культуру, которая была призвана служить революции, агитируя, пропагандируя ее лозунги и идеи. В начале 1920-х гг. в духовно-нравственном сознании осетин преобладали элементы старой художественной культуры. Советская же художественная культура и ее основной компонент – профессиональное искусство как «исторически новаторские типы» культуры только формируются. Происходит резкая смена философских, идейно-мировоззренческих и нравственно-этических координат, появляется масса произведений живописи, графики, скульптуры. Профессиональная музыка проходит ускоренный путь от фольклорного творчества к созданию самостоятельных жанров. Зарождение театра стимулирует появление драматургии.

За короткий исторический период осетины приобщались к современным формам художественного творчества, включались в мировой художественный процесс. Конечно, в 1920-х гг. в Осетии создавалась новая социально-историческая реальность, соответственно наступил новый качественный этап развития осетинской философии, культуры и литературы. На страницах газет «Кермен» и «Власть труда» активно печатались осетинские писатели. В 1921 г. вышли сборники «Ирон зарджыты чыныг» и «Раздзог». В них уже просматривались новые методологические установки, которые составили основу творческих программ писательских организаций и группировок, появившихся в 1920-е гг. Это, скажем, «Ирон фысджыты къорд» (1921–1922), целью

которой было просветительство. Результатом деятельности писателей явился альманах «Малусуг» (1922). Затем, в 1925 г., была учреждена ассоциация осетинских писателей «ЗИУ», выпускавшая альманах «ЗИУ» (1925, 1927). Большую роль в развитии критики и литературоведения сыграли новые журналы «Фидиуг», «Мах дуг», газеты «Растдзинад», «Хурзарин». Благотворными оказались и журналы, выходившие на русском языке: «Горская мысль» (1922), «Горский вестник» (1924). На их страницах активно развивалось творчество русскоязычных писателей Дз. Гагуева, К. Кусова.

Становление социалистического типа философского, историко-художественного и этико-эстетического процесса ставит вопрос сведения проблемы идейно-эстетического единства советской культуры к единообразию культур всех народов. Так утверждает единый художественный метод – социалистический реализм. Конечно, всеобщность основных закономерностей развития всей советской литературы и культуры не уничтожила национального своеобразия осетинского философско-духовно-культурного облика, слишком сильно было влияние Ирондзинада, т.е. этнического мировоззрения как доминанты философского сознания на духовно-нравственные процессы этнического бытия осетин.

Новые формы жизни порождали новые формы художественности. Революционное искусство 1920-х – 1930-х гг. характеризуется ускоренными темпами развития, разрушением устаревшей поэтики и традиционной образности, творческой переработкой традиций национальной классики и русской литературы, преодолением формалистических и вульгарно-социологических тенденций, наличием социально-классовых критериев оценки. Ведущим смысловым ядром в советской культуре было стремление демократизировать – в смысле «упрощать», «советизировать» любую культурную деятельность и культурные ценности.

20 августа 1930 г. Народным комиссариатом просвещения был разработан единый план культурного строительства, в котором особо подчеркивалось, что «единый план должен строиться из учета хозяйственных, политических, национальных и культурных данных района и на основе годовых производственных планов политико-просветительной работы» [8, л. 2].

Такие меры должны были ускоренными темпами решить проблему формирования нового типа осетинской культуры. Предлагалось развернуть книгоношество в цехах, колхозах и пригородном хозяйстве, организовать через летучие киоски по продвижению книги в

массы, провести по предприятиям, учреждениям и слободкам летучие митинги о значении книжного похода и пропаганды книг [10, л. 34].

Проблеме культурного строительства в республике партийные и государственные органы уделяли большое внимание, о чем свидетельствует масса постановлений, принятых ими по самым различным вопросам, относящихся к культурной жизни населения. Так, скажем, 25 сентября 1938 г. было принято решение правительства о строительстве памятника Серго Орджоникидзе – «борцу за дело освобождения трудящихся Северной Осетии от контрреволюционных банд» [11, л. 107].

Особое внимание при повседневном «чутком» партийном руководстве культурным строительством в Осетии уделялось учреждениям культуры, роль которых было трудно переоценить. В такой сложной и противоречивой по характеру и сути культурно-исторической и политико-идеологической обстановке формировалась и утверждалась в жизни новая концепция культурного строительства в Осетии.

-
1. Во главе культурного строительства. М.: 1983.
 2. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941гг.). Сборник документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1974. 546 с.
 3. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 29. 782 с.
 4. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 12. 575 с.
 5. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 24. 566 с.
 6. НА СОИГСИ. Ф.52. Оп. 1. Д. 3.
 7. НА СОИГСИ. Ф.52. Оп. 1. Д.11.
 8. НА СОИГСИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 8.
 9. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
 10. ЦГА РСО-А. Ф.56. Оп. 1. Д. 80.
 11. ЦГА РСО-А. Ф. 629. Оп. 2. Д. 2.

И.Т. Цориева

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ОСЕТИИ 1920-х–1980-х гг.

Революция 1917 года вовлекла народы России в процесс кардинального переустройства общества, придала мощный импульс твор-

ческой энергии людей и сформировала в художественной интеллигенции потребность в осмыслении этого исторического события. В то же время, активная вовлеченность в советский период истории деятелей культуры в разработку революционной темы являлась результатом социально-политического запроса власти. Реализация модернизационных планов требовала огромной концентрации не только материальных, но и духовных сил общества. Поэтому государство активно использовало просветительский и пропагандистский потенциал художественной культуры в формировании новых мировоззренческих установок в советском обществе. Тема революционного переустройства общества будоражила умы и воображение деятелей искусства. Одним из первых «буревестников» революции в среде осетинской интеллигенции был художник Махарбек Сафарович Туганов, который после окончательного утверждения советской власти в Осетии активно включился в общественную и культурную жизнь края. М.С. Туганов сотрудничал с Терско-Кавказским отделением Российского Телеграфного Агентства (ТерКав РОСТА). Вместе с местными художниками-любителями П.М. Блюме, Н.Ф. Градовским он создавал агитационные плакаты, листовки, резал на линолеуме клише для газеты «Коммунист» – органа Владикавказского ревкома и комитета РКП (б), оформлял митинги-концерты и спектакли, иллюстрировал учебники и художественные произведения, сотрудничал в местном журнале «Творчество» [5, с. 11].

Важным направлением деятельности М.С. Туганова являлось создание художественных произведений, отражавших события революции 1917 г. и Гражданской войны в Осетии. Живописные полотна 1920-х – 1930-х гг.: «Разгром белыми селения Христиановское», «Переход Апшеронского полка на сторону красных партизан», «Кяба Гоконаева», «Расстрел тринадцати коммунаров в Цхинвали в 1920 году» – это своего рода исторические документы, интерпретировавшие с позиции победителей – «красных», большевиков – драматические события периода становления советской власти в Осетии. Картины художника, экспрессивные и плакатные по форме исполнения, были наполнены агитационным пафосом и героической патетикой [5, с. 12]. Они в полной мере соответствовали социально-политическому запросу: формировать позитивное восприятие революционного переустройства мира, воспитывать людей в духе ненависти и непримиримости к врагу.

Ярким представителем поколения революционных художников, другом и соратником М.С. Туганова по искусству был скульптор-мо-

нументалист Сосланбек Дафаевич Тавасиев. Масштабные, запоминающиеся образы народных героев и вождей, созданные в горельефах «Защита Дигорского ущелья», «Борьба горцев за советскую власть», скульптурах «Народный мститель», «Вперед, победа за нами», проникнуты возвышенным революционным романтизмом. Грандиозным по замыслу художника представлялся памятник красноармейцам, погибшим во время Гражданской войны на Северном Кавказе. Над его проектом С. Тавасиев работал в середине 1930-х гг. «Масштабы беру огромные, – писал скульптор в 1935 г. М.С. Туганову, – и в основу архитектоники проекта кладу нашу архитектуру обелиска надгробного и надгробных памятников, усеченных пирамид многогранных... Это фигура партизана-горца. Бурка, как форма единственная в мире, дающая возможность закончить обелиск головой человеческой». Скульптор предполагал создать монумент-obelisk в форме пятигранной усеченной призмы размерами в основании 8x8 метров и украсить его барельефами, посвященными «выдающимся этапам революционной борьбы на Тереке. Это Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария и казачество, и во всем этом роль грозненских рабочих. И компартия большевиков» [7, с. 229].

Следует отметить, что героика и широкие пластические обобщения, свойственные творческой манере С.Д. Тавасиева, не являлись простой данью времени и «политической моде». Созданные талантом и мастерством художника монументальные скульптурные произведения, наполненные революционной экспрессией, были совершенно созвучны его духовному мироощущению и мировосприятию действительности. Своей жизненной и творческой позицией он всецело оправдывал данное ему А.В. Луначарским звание «художника-революционера», который «пришел от винтовки к резцу» [5, с. 22].

Тема революции, Гражданской войны и социалистического строительства звучала в довоенный период в творчестве пока еще немногочисленных кадров профессиональных музыкантов Осетии. Популярны и востребованы были песенно-хоровые сочинения Ахполата Аликова. Энергичные, простые песни-марши – своего рода песни-листовки, песни-плакаты, несли в себе идеи гражданственности и патриотизма, воспевали героику трудовых будней новой социалистической действительности. В создаваемых «песнях новой жизни» отчетливо улавливались интонации советских массовых песен, песен революции и Гражданской войны. Но основным источником, питавшим музыкальную культуру Осетии в отмеченный период, было устно-поэтиче-

ское народное творчество [1, с. 27–28]. В народной среде рождались и становились популярными песни о героях революции, о Ленине.

Театральное искусство развивалось по тому же пути, что и другие виды искусства. Оно откликалось на «властное веление времени», формируя театр нового образца – театр-агитатор, оперативный, энергичный, «легкий на подъем». Именно таким был ТЕМАФ – театр малых форм, организованный А.С. Сафроновым в конце 1920-х гг. во Владикавказе. Многие его участники (Владимир Тхапсаев, Варвара Каргинова, Гагу и Кала Кулаевы, Владимир Баллаев, Мария Кургосова и др.) составили в последующем славу национального театрального искусства. А пока молодые актеры-энтузиасты отправлялись в села республики, колеся по ухабистым дорогам в грязь, холод, распутицу, нередко голодные, ночуя под открытым небом, и радовали людей веселыми представлениями, песнями, танцами «на злобу дня». «Лодырям, тунеядцам, саботажникам доставалось с лихвой», – писала театровед Ж.Х. Плиева [6, с. 98].

Ужесточение идеологического диктата в культурной сфере в 1930-е гг., реальная опасность быть обвиненным в создании «ошибочного, искажающего советскую действительность» произведения и попасть «под жернова» политических репрессий серьезно ограничивали диапазон творческого поиска. Тем не менее, молодая национальная драматургия понемногу осваивала историко-революционную тему. Вслед за Елбаздуко Бритаевым – автором пьес «Хазби», «Две сестры», к историческому прошлому народа обращались Давид Туаев («Мать сирот»), Дабе Мамсуров («Дети рабыни»). События Российской революции осмысливались в пьесах «Земля» Дмитрия Кусова, «К жизни» Барона Боциева и Гриша Плиева, «Прощай» Коста Фарниона. Большинство драматических произведений, создаваемых «на потребу дня», не были свободны от недостатков. Объективно они страдали схематизмом и плакатностью образов. Но, пронизанные революционно-романтической патетикой и духом классовой непримиримости, вполне удовлетворяли политическому заказу власти и много раз ставились на сценах профессиональных и самодеятельных театров Осетии.

Традиции, заложенные в осетинском искусстве в 1920-е – 1930-е гг., были продолжены в послевоенный период в творчестве новых поколений художников, музыкантов, театральных деятелей. Многие из них прошли обучение в высших специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Харькова и теперь с багажом профессиональных знаний, воспитанные в духе советской идеологии активно вовлекались в осмысление событий революции 1917 г.

Характерной особенностью искусства второй половины 1940-х – 1950-х гг. являлось создание в лицах персонифицированной истории Российской революции. Реальные исторические персонажи, вожди революции на Северном Кавказе изображались в картинах «Переход XI армии во главе с С.М. Кировым через Мамисонский перевал» А.З. Хохова и Ф.П. Варлакова, «Выступление Сталина во Владикавказском городском театре на съезде горских народов в 1921 г.» А.З. Хохова и Н.Е. Кочетова, «Г.К. Орджоникидзе – чрезвычайный комиссар», «Кяба Гоконаева призывает жителей селения Дигора на борьбу с деникинцами» А.В. Джанаева, «С.М. Киров в селе Ольгинском» Б.Н. Калманова и скульптурных композициях «С.М. Киров среди красногвардейцев», «С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе» Ч. Дзанагова. В 1960-е – 1980-е гг. отмеченное направление в искусстве развивалось в портретном жанре: в живописных работах З.П. Абоева «Портрет героя Гражданской войны Б. Гагиева», К.А. Хетагурова «Киров на Кавказе», в скульптурах М.Н. Дзбоева «Памятник С.М. Кирову», В.К. Хаева «Г. Цаголов» и др.

Образы реальных исторических личностей воплощались в вокально-хоровых произведениях А. Кокойти, Т. Кокойти, Е. Колесникова, Л. Кулиева, Х. Плиева и других осетинских композиторов. Песни, кантаты и оратории о В.И. Ленине, С.М. Кирове, о красных партизанах, о Хадзбатыре Кусове, о Кантемире Цаликове и других героях революции и Гражданской войны исполняли многочисленные профессиональные и самодеятельные хоровые коллективы.

В условиях жесткой политической цензуры работа в рамках официально рекомендованной проблематики служила своеобразной «охранной грамотой» для деятелей искусства. Но даже в этих, казалось бы, благоприятных обстоятельствах пройти жесткую цензурную селекцию без потерь удавалось далеко не всегда. Творческую личность подстерегала опасность оказаться в плену «исторических заблуждений». Сказанное иллюстрирует ситуация, сложившаяся во время подготовки к неделе осетинской культуры в Москве осенью 1951 г.

По сложившейся уже традиции «согласований» при составлении и утверждении программ подобных мероприятий следовало получить одобрение высших властных инстанций. Поэтому в сентябре 1951 г. секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К.Д. Кулов направил официальное письмо секретарю ЦК по идеологии М.А. Суслову с просьбой разрешить постановку пьесы Е. Уруймаговой «На восходе» (в ней описывались революционные события в Осетии), чтобы затем показать спектакль в Дни культуры в Москве. Из ЦК ВКП (б) пьеса была направлена на экспертизу в Институт Маркса, Энгельса

и Ленина (с 1956 г. по 1991 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – И.Ц.). В декабре того же года руководство Института направило на имя М.А. Суслова письмо, содержащее отрицательный отзыв на пьесу. В нем отмечалось: «В пьесе имеется ряд исторических неточностей, а также искажений. ...Не отражены важнейшие события на Тереке, не показана деятельность Владикавказской большевистской организации, неправильно показаны Киров и Орджоникидзе, не показана помощь русского народа трудящимся горцам». В вину автору ставилось и «вольное обращение с фактами» [8, лл. 85, 86, 92]. Статья И.В. Сталина «Одна из очередных задач», написанная в апреле 1918 г., в пьесе, по воле драматурга, превратилась в письмо, датированное октябрём 1917 г. и адресованное С.М. Кирову. То обстоятельство, что «искажение исторического факта» могло быть допущено в качестве художественного приема, не было принято во внимание [11, с. 343]. В итоге, в постановке пьесы было отказано. Премьера спектакля «На восходе» состоялась на сцене Северо-Осетинского драматического театра лишь в 1955 г. К этому времени в живых не было уже ни И.В. Сталина, ни автора пьесы.

Просто складывалась сценическая судьба некоторых других драматических произведений местных авторов. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. объектом жесткой критики партийно-культурных кураторов стали пьесы «Сын народа», «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова и пьеса «Коста» Т. Епхиева и Т. Джатиева. Отмеченные произведения были востребованы не только профессиональными коллективами. Они ставились самодеятельными народными театрами даже в отдаленных горных аулах Осетии и неизменно пользовались зрительским успехом.

Театроведы, режиссеры, актеры отмечали схематизм и фрагментарность выписанных образов, примитивность и прямолинейность конфликтных ситуаций в рассматриваемых пьесах [9, с. 65]. Но политических цензоров в отличие от тех, кто осуществлял постановки, в первую очередь беспокоили не художественные недостатки пьес. Драматургам инкриминировали «грубое искажение» исторической действительности, неверное изображение революционных событий на Тереке. Заодно с ними критике подвергались и театры за «ошибки» в репертуарной политике и за постановку «идейно порочных пьес» [2, л. 48, 49; 10, л. 6]. Неудивительно поэтому, что руководство театров с большой осторожностью подходило к отбору драматических произведений на революционную тему, предлагаемых местными авторами (впрочем, это касалось и других тем). Нехватка национального драма-

тического материала восполнялась за счет постановки успешно прошедших политическую цензуру произведений советских писателей: К. Тренева «Любовь Яровая», А. Корнейчука «Гибель эскадры», А. Фадеева «Разлом», Билль-Белоцерковского «Шторм», М. Булгакова «Дни Турбиных» и др.

С потеплением общественно-политического климата в середине 1950-х–1960-х гг. тематическая направленность художественного творчества не изменилась, но идеологическое давление в этой сфере несколько смягчилось. Традиционные темы революции и Гражданской войны наполнялись новым гуманистическим смыслом и содержанием. Идеи гражданственности, революционного романтизма, возвращения к «истокам подлинного ленинизма» звучали в художественных произведениях. Развивая традиции героико-романтического театра, творческие коллективы осваивали новую драматургию. Главным героем становился не вождь, не революционная масса в целом, а отдельная личность, обычный человек, который оказался преднамеренно или по воле случая в центре жестокого политического противостояния и вынужден отстаивать свои убеждения, нередко ценой своей жизни. Однако в целом события революции и Гражданской войны продолжали трактоваться в рамках официальной государственной идеологии.

Безусловно, практика интерпретации социально-политических процессов с классовых позиций обедняла творческий процесс, ограничивала возможности художника в создании полнокровных образов времени, вела к схематизму и шаблонности в изображении реальных исторических событий. Тем не менее, талант и мастерство большинства деятелей искусства, позволяли создавать произведения, которые обогащали новыми образами осетинское реалистическое искусство. Заметным вкладом в развитие национальной драматургии и театрального искусства в послевоенные десятилетия стали постановки пьес «Черная девушка» Р. Хубецовой, «Мухтар», «Мстители» Д. Темиряева, «Два сына» Д. Туаева, «Сармат и его сыновья» Н. Саламова, признанные театральной критикой и зрительской аудиторией.

Идея построения коммунистического общества, сформулированная в партийных документах начала 1960-х гг., потребовала соответствующего художественного оформления. В советской культуре вновь рос интерес к монументальному искусству – «большому стилю», который расширял возможности для героизации революционного и военного прошлого, созидательного настоящего. Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. были созданы мемориальные памятники борцам за установление советской власти, участникам рево-

люции и Гражданской войны в Осетии. В скульптурах и живописных полотнах представляли не только реальные исторические личности, но и образы, созданные воображением художников. Мифологизация героев революционных событий породила и соответствующий художественный стиль – стиль революционного неоромантизма. Именно в этом стиле были созданы живописные и скульптурные образы «рыцарей революции»: «Становление советской власти в Осетии» З.П. Абоева, «Всадники революции» и «Знамя свободы» Ш.Е. Бедоева, «Да здравствует революция!», «Революционеры Северного Кавказа» Ю.А. Дзантиева, «Вестник революции» Э.А. Саккаева, «Октябрь на Тереке» М.Ф. Джикаева, «Участник Гражданской войны» Б.А. Шанаева и др. [11, с. 404]

В музыкальном искусстве революционная тема продолжала осмысливаться через создание синтетических музыкальных форм, окрашенных в нужные эмоциональные тона. Музыкальная культура пополнилась в отмеченные годы новыми вокально-инструментальными произведениями («Слава Октябрю» Х. Плиева на слова Д. Дарчиева, «Песня об Антоне» Д. Хаханова, оратория А. Кокойти, «Ленину» Ж. Плиевой на слова И. Козаева и др.). Развитие национальной композиторской школы к этому времени достигло уровня, который позволял создавать музыкальные произведения крупных форм для симфонического оркестра (Четвертая симфония, посвященная Октябрю, Д. Хаханова, «Приветственная увертюра для симфонического оркестра» Р. Цорионти) [1, с. 225].

В 1960-е – 1980-е гг. в государственной политике значительное внимание уделяется организации массовых торжественных мероприятий, приурочивавшихся к празднованию знаменательных исторических и революционных событий в жизни страны, союзных республик и национальных автономий. Творческая интеллигенция Осетии была активно вовлечена в этот процесс. Многие из перечисленных выше художественных произведений специально создавались к различным юбилейным датам: 50-летию и 60-летию Октябрьской революции, 50-летию образования СССР, 50-летию образования СОАССР и т.д.

История же художественной Ленинианы в осетинской культуре началась в далекие 1920-е гг. Вскоре после траурных январских дней 1924 г. молодой, начинающий скульптор Д. Дзантиева принес в Горский областной комитет РКП (б) небольшую композицию «Горцы у гроба Ленина». Работа подкупала искренностью чувств, неподдельной скорбью и драматизмом. В августе 1926 г. во Владикавказе был открыт один из первых в стране памятников В.И. Ленину работы В.В.

Козлова. Он являлся авторской копией памятника, который несколько позднее был установлен перед зданием Смольного в Ленинграде. Выделенных для изготовления памятника денег не хватило, и недостающие средства восполнили за счет пожертвований жителей Осетии и Чечено-Ингушетии [4, с. 9, 13, 14].

В канун 40-летия Октября, 6 ноября 1957 г. на реконструированной площади имени Ленина в столице Северной Осетии – Орджоникидзе был установлен новый памятник, 12-метровый монумент работы скульптора З.И. Азгура и архитектора Г.А. Захарова. Прежний памятник был перенесен в г. Алагир [3, с. 466]. Но один из самых первых памятников в стране в виде черной сланцевой плиты, на которой было начертано: «ЛЕНИН 1924», установили жители высокогорного села Лац в Куртатинском ущелье вскоре после смерти вождя Октябрьской революции. Это событие послужило сюжетом для скульптурной композиции С. Санакоева «Памятник», а в 1977 г. для картины Б. Калманова «Памятник в горах» [5, с. 98].

Несмотря на идеологическую заданность, многое в целом из созданного в 1960-е – 1980-е гг. вошло в разряд произведений высокой художественной значимости. Среди таких работ заслуживают упоминания скульптуры Ч.У. Дзанагова «Портрет Ленина», С.П. Санакоева «В.И. Ленин и горец», «Скорбящий горец», картины П.М. Зарона «К товарищу Ленину», А.В. Джанаева «Делегация Горской республики у В.И. Ленина», серия линогравюр Ю.Г. Бигаева «Ленин и революция» [4, с. 30; 5, с. 119, 120, 142, 179].

Не оставалось в стороне от осмысления ленинской темы и театральное искусство. Ставились спектакли по пьесам известных советских драматургов: Н. Погодина «Кремлевские куранты», «Третья патетическая», М. Шатрова «Именем революции», В.А. Раздольского «Вьюга» и др. [6, с. 241, 242] В национальной драматургии не был создан сценический образ «вождя революции». Но он незримо присутствовал во всех драматических произведениях, посвященных революционной теме («Идущие к счастью» Ц. Гадиева, «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова, «На восходе» Е. Уруймаговой). Своеобразным закадровым рефреном ленинская тема звучала и в самом молодом виде национального искусства – в кинематографе.

Региональная кинематографическая школа, формировавшаяся в середине 1960-х – 1970-е гг. на базе Северо-Осетинской студии телевизионных фильмов, успешно развивала традиции советского историко-революционного кино. В 1967 г. к 110-летию со дня рождения великого осетинского поэта К.Л. Хетагурова на студии «Телефильм»

был снят фильм-опера «Возвращение Коста». Картина содержательно и тематически всецело соответствовала «духу времени». В ней омысливались социальные предпосылки революции, борьба прогрессивных представителей национальной интеллигенции за свободу и независимость народа. Следующий фильм «Костры на башнях» (режиссеры Р. Меркун, Ю. Чулюкин, В. Чеботарев, сценаристы М. Цагараев, С. Чахкиев) представлял первый опыт воплощения революционной темы северокавказскими кинематографистами в рамках полнометражного игрового кино. Потом было снято еще немало фильмов, отражавших время революции, Гражданской войны и социалистического строительства на Северном Кавказе. Среди них – «Жизнь, ставшая легендой» (режиссер Б. Дзбоев, сценарист Г. Черчесов), «По следам Карабаира», «Кольцо старого шейха» (режиссер Р. Гаспарянц, оператор М. Немыцкий, сценарист Ю. Чулюкин) и др. В силу демократичности и иллюстративной образности кинематограф оказывал значительное воздействие на умы людей. В целом региональное киноискусство достаточно эффективно выполняло задачи продвижения в общественное сознание идей социальной справедливости, классовой солидарности и межнационального мира.

Таким образом, тема революции стала одной из самых разрабатываемых тем в национальном профессиональном искусстве Осетии в 1920-е – 1980-е гг. В разные периоды развития советского государства искусство сообразно «духу времени» высвечивало отдельные грани этого исторического события, наполняя его соответствующими смыслами, которые отвечали социально-политическим запросам конкретного исторического момента. В целом советское государство впервые в истории России заложило основы политического курса на всестороннее вовлечение национальных культур в решение проблем государственной политики. Несмотря на определенные издержки этого политического курса, за годы советской власти были созданы условия, обеспечившие развитие и расцвет национального профессионального искусства «малых» народов России.

-
1. *Батагова Т.* Композиторы Осетии. Владикавказ: Б.и., 2000. 236 с.
 2. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233.
 3. Городу Орджоникидзе – 200 лет. 1784 – 1984. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе: Ир, 1985. 475 с.
 4. *Дзантиев А.А.* Образ вождя. Орджоникидзе: Ир, 1972. 40 с.
 5. *Дзантиев А.А.* Художники Северной Осетии. Л., 1982. 208 с.

6. *Литвиненко М., Плиева Ж, Русанов И.* Русский театр в Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1971. 259 с.
7. Махарбек Туганов. Литературное наследие / Сост. Гиреев Д.А., Туганов Э.М. Орджоникидзе: Ир, 1977. 240 с.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 331.
9. *Хугаев Г.Д.* Театр – судьба моя / Сост. Хугаева В.В. Владикавказ: Ир, 2011. 302 с.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 730. Оп. 1. Д. 9.
11. *Цориева И.Т.* Государственная политика в сфере образования, науки и художественной культуры Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2015. 485 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского Федерального Университета

Айларова Светлана Ахсарбековна – доктор исторических наук, зав.отделом истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Бесолова Елена Бутусовна – доктор исторических наук, зав. отделом языкознания Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета

Гапеева Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Северо-Осетинского государственного педагогического института

Гутиева Эльвира Шамильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Гедгафова Карина Анатольевна – магистр истории, аспирант Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

Дарчиев Анзор Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Дарчиева Светлана Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Дзагурова Наталья Хаджумаровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Дзалаева Камила Руслановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Кайтова Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Киреев Феликс Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-А

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Плиева Залина Тимуровна – кандидат исторических наук, декан исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Синанов Борис Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Тадтаев Таймураз Валерьевич – кандидат исторических наук, декан факультета истории и юриспруденции Юго-Осетинского государственного университета им.А.А. Тибилова

Тедеева Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного педагогического института

Фидарова Рима Японовна – доктор филологических наук, профессор, Главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории и политики Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Хубулова Эда Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Царикаев Алан Тахирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-А

Цибиров Герлик Иласович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Цориева Инга Тотразовна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1917 – 1920-Е ГГ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
АМБАРЦУМЯН К.Р. Северный Кавказ в системе международных отношений России в период революции 1917 г. и гражданской войны.....	5
ГАПЕЕВА М.С., ТЕДЕЕВА Н.В. От Февраля к Октябрю: Владикавказ в 1917 году.....	14
ГЕДГАФОВА К.А. Социальное происхождение, авторитет и статус лидеров противоборствующих сторон как значимый фактор в революционных событиях в Кабарде и Балкарии (1917–1920-е гг.).....	18
ДЗАЛАЕВА К.Р. Революция 1917 года в судьбах осетинской интеллигенции.....	22
КИРЕЕВ Ф.С. Терское казачество в период революционных событий 1917 года.....	33
МАМСИРОВ Х.Б. К вопросу о попытке создания на Северном Кавказе Горской коммунистической партии.....	48
МАРЗОЕВ И.Т. От монархии к советам: коллаборационизм в среде осетинской аристократии.....	56
ТАДТАЕВ Т.В. Социально-демографические последствия геноцида осетин 1920 года.....	62

ХУБУЛОВА С.А. ХУБУЛОВА Э.В.
Социальная психология революции 1917 года
(на материалах Терской области).....68

ДЗАГУРОВА Н.Х. ТЕДЕЕВА Н.В.
Женщины – осетинки в контексте последствий революции
1917 года.....75

ЦАРИКАЕВ А.Т.
Проблемы национально-государственного
строительства на Северном Кавказе в 1920 – 1930-е гг. в новейших
документальных публикациях..... 79

СИНАНОВ Б.А.
«Тихоновский» молитвенный дом станицы
архонской: к истории церковного подполья в Северной Осетии
(1920–1930).....83

ЦИБИРОВ Г.И.
Октябрьская революция и социалистические
преобразования в Северной Осетии.....90

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ И В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

БУЛЫГИНА Т.А.
Революция и гражданская война как образ новой модели
исторической памяти.....94

КАНУКОВА З.В. ГУТИЕВА Э.Ш. ПЛИЕВА З.Т.
Революция 1917 года и Гражданская война на Северном
Кавказе: исследовательские традиции и перспективы.....104

АЙЛАРОВА С.А.
От «революции возрастающих потребностей» – к революции
политической (из наблюдений современника осетинской
повседневности конца XIX – начала XX в.).....111

БЕСОЛОВА Е.Б.	
Революция и осетинский язык.....	139
ДАРЧИЕВА С.А., ДАРЧИЕВ А.В.	
Реформы и революция в общественно-политических взглядах П.Н. Милюкова.....	148
ТАКАЗОВ Ф.М.	
Тема революции в историко-песенном фольклоре осетин.....	154
ФИДАРОВА Р.Я., КАЙТОВА И.А.	
Октябрьская революция и новая концепция культурного строительства в Осетии в XX в.	161
ЦОРИЕВА И.Т.	
Российская революция в профессиональном искусстве Осетии 1920-х – 1980-х гг.	167
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	178

Научное издание

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КAVKAZE:
ГРАНИ ОСМЫСЛЕНИЯ**

Материалы Международной научной конференции

Книга издана в редакции авторов статей

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 18.12.2017
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс.
Гарнитура шрифта «Warnock». Печать цифровая.
Усл. п.л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ 112.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
3620002 г. Владикавказ, пер. Павловский, 3